

З СМЕНА

февраль 86

Уроки перестройки. Кому доверить полк?

Восемнадцатилетний хирург. Фотоочерк

Исследуем проблему. Фарцовщики

Михаил Дудин о Николае Гумилеве

Лорен Айзли. Рассказы

Звезды мировых арен. Вячеслав Фетисов

Георгий Вайнер. Остросюжетная повесть

Фото Владимира Чейшвили

**Владимир АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»**

— Гайдар
в твои годы
полком
командовал!..
— Так дайте
мне полк!

Разговоры об инфантлиизме молодых имеют под собой, к сожалению, реальную почву. Даже песню такую мажорную сочинили (якобы комсомольскую), где на полном серьезе и с пафосом поется: «Биография начинается с двадцати четырех лет». А не поздновато ли? Допускаю, автор сих перлов именно эту цифру простили, дабы в размер вписывалась. Но мы-то слушаем — и ничего, не удивляемся, не возмущаемся, принимаем как должное.

Что-то, видимо, и в нашем сознании сместилось, если человека на третьем десятке продолжает числить юношей, еще только обдумывающим будущее житие. Считается нормальным, что среди жгучих «проблем» двадцатилетних — форма прически и одежды, сравниваемые достоинства любимых звезд тяжелого рока. Привыкли к тридцатилетним «молодым специалистам»...

Не углубляясь более в эту тему, хочу повернуть разговор в несколько иную плоскость.

Вот что интересно. Едва молодежь пробует заявить о себе не в пустяках, а в настоящем, сложном деле (к чему ее, собственно, постоянно и призывают!), как мы сразу же ощущаемся. Нет, если молодой человек хочет «проявить себя», на, скажем, строительстве БАМа в качестве лесоруба или монтера пути — тут мы только аплодируем. Поддержим — правда, уже с некоторыми колебаниями — его выдвижение в бригады. Но упаси бог молодого пытаться «прыгнуть» выше головы! Даром ему это не пройдет.

«Молодым везде у нас дорога»... Положа руку на сердце, кто воспринимает эту фразу буквально? Дорога-то вроде действительно много, но на каждой действуют свои правила движения, нарушать которые не рекомендуется. Немало на жизненных дорогах шлагбаумов и запрещающих знаков. Мы их сами понаставили, освятили временем и традициями — попробуй обойди! Особенно заставлена «кирпичами» дорога к командным высотам: здесь молодость — главная помеха, это даже обсуждению не подлежит. Если молодой человек вдруг заявит о своем праве на лидерство, о желании играть первые роли в решении важных социальных, экономических проблем, в решении — не побоимся этого слова — государственных вопросов, вот тут все наше естество и восстает: «Куда лезешь? Не дорос еще!»

На такие соображения навела история, происшедшая в Иванове. Там взяли и выбрали начальником единственного в городе таксопарка двадцати-трехлетнего комсомольца, шоferа третьего класса Сергея Звонова. Полк — не полк, но хозяйство солидное (семь сотен работников, около трехсот машин) и... донельзя запущенное: изношенные автомобили, половину из которых давно пора бы списывать, хилая ремонтная база, высокая аварийность. Между тем предприятие считалось благополучным, почти передовым — ведь план выполнялся! Но какой ценой? Рабочее время водителя начинало отсчитываться с момента выезда за ворота таксопарка. А то, что он полдня

перед этим ремонтировал свою старую «Волгу», никого не касалось. Время ремонта и простая почта никогда не отмечалось и не оплачивалось. Так рабочая смена растягивалась порой до шестнадцати часов. Между прочим, в путевых листах таксистов стоит штамп: «Сверхурочная работа запрещена», стало быть, ремонт — это приятный отдох? Работали и по выходным дням. Запчасти, бензин, масло, резину шоферы покупали за свои деньги. Ну, если быть точным, не совсем за свои... А как не брать чаевые при таком беспорядке в парке?..

Кончилось терпение у водителей, и они обо всем честно написали в Москву.

В таксопарк прибыла комиссия... Опуская дальнейшие подробности, скажу только: решено было прежнего начальника освободить от работы, а нового выбрать. Вполне в духе времени.

К выборам готовились пять кандидатов. В последний момент двое взяли самоотводы. А опытные специалисты — заместитель начальника автобусного парка и начальник производственно-технического отдела объединения «Ивановоавтотранс» — набрали голосов меньше, чем выдвинутый рабочими водитель третьего класса Звонов.

В ходе выборной профсоюзной конференции начальник объединения (да и другие начальники) высказали свое отрицательное мнение по поводу кандидатуры молодого шоferа. Выбрать человека, не имеющего высшего образования, никогда не работавшего на руководящих должностях? Это же просто смешно! Логичные, казалось бы, аргументы не подействовали. Начальнику объединения не оставалось ничего другого, как подписать приказ о назначении Звонова.

Сергей — извините, теперь уже Сергей Николаевич, — конечно же, нарушил все традиционные «правила движения». Ему следовало закончить институт, получить диплом, походить, сколько положено, в молодых специалистах, а там — со ступеньками на ступеньку, из кресла в кресло... Впрочем, не буду иронизировать. Диплом, что ни говори, — вещь нужная и полезная. Но, если по совести, сколько мы знаем дипломированных неумех, бездельников, просто некомпетентных людей? Очень часто при приеме на работу требуют показать диплом — неважно какой, «пед» или «мед», лишь бы «корочки» были. Припомните: все ли ваши друзья, знакомые работают по специальности?

Не секрет: во многих вузах «тянут» явно неспособных студентов до выпуска, чтоб только не портить благополучия высоким отсевом. А разве неизвестны нам умудренные руководящими должностями — но тем не менее с трехком проваливающие порученное дело — начальники? Ни в коей мере не отрицаю полезность высшего образования, профессионального опыта, но и фетишизировать их тоже, на мой взгляд, не стоит. Сами же, оглядываясь в прошлое, восторгаемся прaporщиками, командовавшими армиями,

«красными директорами», поднимавшими нашу промышленность...

Я далек от прямых аналогий. Да, Сергей Николаевич Звонов — не прaporщик Крыленко. Ему еще предстоит доказать, на что способен. Мне непонятно, почему ему заранее, априори, не верят? Чем он успел заработать недоверие (и неприязнь) у своих руководителей, совершенно его не знающих? Попробуйте поработать, когда вам не верят... Не верят еще до того, как вы взялись за дело!

Начальник объединения сказал мне по телефону, что Звонов не имеет морального права руководить коллективом: «Такое выдвижение — от «баранки» в начальники парка — возможно, если водитель имеет хотя бы десятилетний стаж работы, а Звонов и шофер — неопытный. Я мог не утверждать его в должности, но согласился с мнением парторганизации, что в такой ситуации не утвердить нельзя. Что теперь? Показатели по прибыли у парка ухудшились, дисциплина упала... Если Звонов будет серьезно работать над собой — лет через десять станет руководителем».

Да, молод Сергей Николаевич, молод непростительно... да ведь это пройдет, не успеешь оглянуться. И диплом получит — сейчас он на втором курсе юридического факультета Ивановского университета. Так что дело не в этом. Случай (или судьба, как угодно) предложил ивановским руководителям возможность провести своего рода социальный эксперимент: может ли современный молодой человек в короткий срок овладеть искусством управления большим коллективом? Вместо этого здесь стали проводить совсем другой эксперимент — на выживание молодого лидера в самых неблагоприятных психологических условиях.

Многотиражная газета «Транспортник» начала копаться в биографии молодого начальника. Оказывается, не захотел он после техникума работать по специальности радиотехника и устроился на работу в «папином гараже» — хороша формулировочка? Но «устроился»-то он всего лишь автослесарем. Вообще-то тянуло за руль, но отец — заведующий гаражом — машины сыну как раз и не выделял, чтоб люди чего не подумали.

Другой «компрометирующий» факт из многотиражки — работал дворником! Все верно. Не сказано об одном: ждал Сергей тогда нового набора на курсы шоферов и нашел такую должность, с которой можно быстро, без двухмесячной отработки, уволиться. Видимо, в газете полистали личное дело, а с человеком поговорить не удосужились.

Не думаю, чтобы газета позволила себе писать в таком, почти фельетонном тоне о человеке солидного возраста, имеющем руководящий опыт. Причем статья эта вышла, когда Звонов

еще даже не приступил к исполнению своих новых обязанностей! Но «Транспортник» уже категорически назвал выборы ошибкой. На каком, собственно, основании? «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать»... то бишь в том, что молод, и биография твоя нам не нравится. Вот так, человек еще ничего не мог совершить, а ему шлагбаумом, да по голове...

А что в самом таксопарке? Большинство инженерно-технических работников, управленцев голосовало не за Звонова. Против был и тогдашний секретарь партбюро; он вскоре ушел из парка в райком народного контроля — после выговора в приказе за ненадлежащее «исполнение своих прямых обязанностей начальника отдела».

Есть три версии — попытки объяснить неожиданные итоги выборов.

Первая: Звонова выбрали «назло» руководству объединения, привезшего на выборы «своих» претендентов и пытавшегося оказать нажим на участников конференции.

Вторая: победили горлопаны, стремившиеся посадить в кресло начальника своего брата-шоferа и тем самым обеспечить себе «легкую жизнь».

Третья: Звонов — тот человек, который нужен сегодня таксопарку. Среди управленческих работников третья версия почти не рассматривается...

Говорили мы с председателем профкома Владимиром Николаевичем Разговоровым. О том, что парк машин не обновляется, а планы все растут, о других трудностях. Зашел к нам случайно Звонов, присел в углу приставного стола. Предпрофкома и его подключил к разговору: «Скажи, Сережа... А помнишь, Сережа...» Зная отношение Владимира Николаевича к результатам выборов, я отлично понимал, что это не было дружеским, отеческим расположением к молодому руководителю. Звонов отвечал сдержанно и корректно, ничем не показывая, что ему неприятна (а я в этом не сомневаюсь) фамильярность в присутствии постороннего человека. Сам он тоже мог бы — по должности! — говорить предпрофкому «ты» и «Володя», да возраст и воспитанность не позволяли.

Мелочь, деталь, незначащий штрих, скажете. Не знаю... В положении Звонова каждая мелочь, думаю, важна. А его положение точно характеризовал водитель-наставник, ветеран труда, орденоносец Юрий Александрович Мухин:

— Выбрать — выбрали, а помощников у него нет. Варится в собственном соку. Очень тяжело ему сейчас.

Разговоров Мухину не возразил... Я познакомился со Звоновым через три месяца после вступления его в должность. Что он успел сделать за такой короткий срок? Критиковать-то было легко, а вот теперь, когда ты сам

ДОВЕРЯТЬ МОЛОДЫМ?

Мы приглашаем наших читателей — всех, независимо от возраста, поделиться своими наблюдениями, мыслями: что по плечу современной молодежи? Можно ли доверить ей важные, трудные дела? Что надо сделать для того, чтобы перед молодыми действительно были открыты все дороги?

отвечаешь за все, что происходит на предприятии, попробуй-ка разгрести многолетние завалы, навести порядок.

— Практически ничего не успел, — откровенно признал Звонов.

Уточню: кое-что все же успел. Теперь учитывается и оплачивается время ремонта, простоя. Стали считаться рабочими и 23 минуты подготовительного времени (на оформление путевых листов, осмотр, мойку и заправку автомобиля). Но... экономические показатели покатились из-за этого вниз! Так что же, возвращаясь к прошлой практике, когда план делался любой ценой: ценой приписок, ценой постоянных переработок? Вот задача!..

Чаще в кино, чем в жизни, бывает такое: приходит новый руководитель поднимать отстающее хозяйство — а у него и миллион (выбился в министерстве) в кармане, и техника новейшая, и всяческая помощь «сверху».

У Звонова нет ничего. Та же рухлядь на четырех колесах; сто двадцать из двухсот «Волг» выработали свой ресурс, почти все «Москвиши» вообще стоят на приколе без запчастей; их поставки не были запланированы. Парк стареет, планы растут. Те же проблемы с ремонтом... У него нет еще пробивной силы, необходимой хозяйственнику, нет нужных деловых связей. В объединении раздражены тем, что он пытается добиться снижения плана: «Часть плана ему сняли. Дальнейшее снижение будет государственным преступлением!»

— Я не говорю, — возражает Звонов, — что нужен маленький план. Легкой жизни никому не обещал! Моя программа — выработать напряженный, но реальный план, пересмотреть нормативы отчислений, создать нормальные условия труда водителю, обеспечить честную зарплату. Главное же, что мне сейчас нужно, — деловая поддержка.

Признаюсь, у меня сложилось впечатление, что управленческий состав парка, шокированный результатом выборов, если не занимается тихим сабо-тажем, то занимает выжидательную позицию: когда и на чем молодой начальник свернет себе шею? Звонов опроверг мои предположения: единомышленники в парке у него есть. Знаю,

есть... Но знаю и то, что проект финплан на 1988 год он составлял сам; (как объясняет, хотел глубже вникнуть во все проблемы); что по сложным экономическим вопросам консультируется у преподавателей университета.

Задаю вопрос, если можно так сказать, ниже пояса.

— А у вас не появлялась мысль взять самоотвод на выборах?

— Взял бы, — твердо отвечает Звонов. — Если бы не взял самоотвод Кулаков, главный инженер автопредприятия. Двоих же оставшихся претендентов коллектива совершенно не знал — их привезли прямо на выборы. В этой ситуации я решил самоотвода не брать.

Осенью министр автомобильного транспорта РСФСР издал приказ (по инициативе «Ивановоавтотранса») о слиянии таксопарка с автобусным парком. Объединение расценивает этот шаг как конкретную помощь Звонову.

Новость снова взбудоражила коллектив. Зачем затевают объединение? Чтобы «убрать» Звонова, лишить самостоятельности? Наверное, вряд ли из-за одного начальника среднего звена стали бы готовить министерский приказ. Но сделали это в духе прошлых лет, забыв обсудить в коллективе предстоящую реорганизацию, объяснить, зачем она нужна.

...Многие руководящие работники считают итоги выборов издержками демократии: «Так и до архарии недалеко!» Звонов как по лезвию ножа ходит. Не справится с работой — можно будет сказать рабочим: «Видите плоды вашей «демократии»? Нам виднее, какой вам начальник нужен — убедились теперь?»

Не хочу идеализировать Сергея Николаевича Звонова. Революции в таксопарке он пока не совершил. Но у меня не могло не вызвать уважения его умение не опустить руки даже в атмосфере недоброжелательства. И не у меня одного. Есть среди инженерно-технических работников таксопарка люди, которые были против Звонова, а теперь поддерживают его.

Здесь еще надо сказать вот о чём. Звонов в полной мере испытал на себе несовершенства нынешней выборной системы. Все было сделано в соответствии с нынешними демократическими правилами: обсуждение кандидатов, тайное голосование. Победа молодого шоfera внешне не вызывает сомнений — за него проголосовали 42 участника конференции (за двух других — 35 и 15). Но эти цифры стали еще одним аргументом у оппонентов Звонова. «Значит, — многозначительно говорят они, — большая часть собравшихся голосовала не за Звонова? Значит, большинство все-таки против!»

Выборы есть выборы; кто набрал больше голосов — тот и победил, тут нет вопросов. Но сама возможность двоякого толкования итогов, спекуляции на цифрах заставляет крепко задуматься. Что-то надо менять в формуле выборов: в них должно участвовать абсолютное большинство работников любого предприятия, а не только собрание уполномоченных. Это нужно преж-

де всего самим избираемым (речь не об одном Звонове) — для твердой уверенности в поддержке всего коллектива.

...Что бы ни говорили оппоненты, а рабочие верят молодому руководителю. Председатель совета трудового коллектива, кадровый водитель Владимир Бажаев, например, считает, что Звонов с работой справится, несмотря ни на что:

— А вы хотели, чтоб он эту кашу, что десять лет заваривалась, расхлебал за полгода? Мы его выбрали — и он будет работать, а не кресло занимать. Нет опыта — научится. Я чувствую, что моральная атмосфера иной становится: нет крика, понуканий. Раньше к начальнику в кабинет не попадешь! А сейчас — дверь всегда открыта. Пришел водитель с жалобой — Звонов сразу вызывает мастера, решает вопрос тут же.

К концу года в таксопарке (ставший все-таки филиалом объединенного предприятия) зачищили комиссии — брали «на карандаш» любые отклонения от инструкций. «Нет «визиток» у водителей!». «Отсутствуют таблички с указанием времени работы». Контрольно-ревизионная служба устроила проверку при выезде из города и представила Звонову двадцать актов на водителей; потребовала их наказать. «За что?». «Они выезжали из Иванова без специального разрешения». «Но ведь они везли пассажиров только до Тейко-ва. Это всего тридцать восемь километров. А по инструкции можно выезжать до пятидесяти!». «А может, они во Владимир направлялись?» Наказывать водителей Звонов не стал. «Вы их покрываете!» В общем, свой первый «строгач» Сергей Николаевич уже заработал: за непринятие мер по устранению отмеченных недостатков.

И тогда Звонов, комсорг таксопарка Андрей Онипченко и инструктор обкома комсомола Дмитрий Белов отправились в Москву. Нет, не жаловаться и не просить снижения плана — «пробивать» идею индивидуального подряда: только он, по мнению Звонова, может выручить предприятие, помочь решить многие проблемы даже в нынешних трудных условиях. Таксопарк будет сдавать машины в аренду водителям. Установят твердую сумму отчислений, остальное пойдет в заработок водителю. В подробности я вдаваться не буду, но идея многообещающая. В объединении к ней отнеслись достаточно осторожно — ни за, ни против.

В Москве ивановцы пришли на прием к замминистра автомобильного транспорта РСФСР — заручиться хотя бы устной поддержкой. Звонов показал тетрадку с расчетами эффективности подряда. Замминистра тетрадку забрал и обещал помочь — прислать комиссию... Звонову же надо одно: чтоб хоть на полгода оставили его в покое, а то задергали комиссией. «Не будет через полгода результатов — сам уйду...». Договорились на том, что комиссия приедет не выискивать ошибки — помогать. А если найдет нарушения инструкций — не будет «тыкать в них носом» и указывать, как нельзя

работать, а посоветует, как можно.

В министерстве никаких методических рекомендаций по индивидуальному хозрасчету не оказалось, и ивановцы поехали в 21-й московский автопарк — адрес подсказали в ЦК комсомола. Начальник парка Владимир Гаврилович Цветков встретил коллегу со вниманием. Щедро поделился опытом, советами, дал всю необходимую документацию, даже согласился продать запчасти и чешский тахометр.

Потом съездили на АЗЛК, завязали контакты с комитетом комсомола автозавода. Есть надежда, что москвичи будут — на взаимовыгодных условиях — помогать с запчастями. Словом, Звонов активно ищет выход из трудной ситуации, и дело, кажется, пошло...

Твердую позицию в этом конфликте занимает Ивановский обкомом комсомола. Он поддерживает Звонова не из-за его молодости. «Дайте человеку возможность показать свои способности, осуществить планы, помогите так, как помогали бы другому новому руководителю» — такова позиция комсомола в отношениях с хозяйственниками. И поддержка обкома для Звонова значит немало.

В этой истории рано ставить точку и давать окончательные оценки. Время и конкретные дела покажут, кто был прав. Но проблема, как мне представляется, не в судьбе одного молодого человека — об этом я уже говорил вначале.

В так называемый «застойный период» считалось, что молодежь широко и активно участвует в управлении как производственной, так и социальной жизнью, располагает большими полномочиями и возможностями в этом плане. Комсомольцы имели своих представителей в Советах на всех уровнях, в профкомах, парткомах, различных комиссиях. Однако выдвигали туда молодых в основном по разнозадаче, для поддержки требуемого процентного соотношения в выборных органах. Нередко анкетные данные имели большое значение, чем личные качества молодого человека: принципиальность, смелость, твердость в отстаивании своего мнения. Фактически молодежь обладала правом лишь голосовать за принимаемые «вверху» решения. Что ж теперь старшим сетовать на инфантилизм молодежи, если они сами воспитывали не творцов — послушных исполнителей?

Процесс демократизации закономерно стал выявлять молодых лидеров — личности яркие, нестандартные и не вписывающиеся в традиционные рамки, правила. Они не хотят начинать биографию в двадцать четыре года; они знают, что жизнь коротка и надо много успеть сделать. А старшим их претензии не по вкусу! Мы, мол, шли по жизни постепенно, соблюдая все «правила движения», субординации не нарушили и вообще «не высовывались» — вот и вы знайте свое место. Может, я и преувеличиваю в чем-то, но все-таки не любим мы отдавать полк под команду молодых. Редкие исключения лишь подтверждают правило.

Евгений АЛЕЙНИКОВ

БИЛЕТЫ ЗА ПОЛНУЮ СТОИМОСТЬ

обливается, когда подумаю, что с его руками будет. Вы полагаете, он вновь сможет играть после двухлетнего перерыва? Хотя бы его по музыкальной части определить, все полегче как-нибудь... Да только виолончелист в полковом оркестре нет, будьте уверены...

Самое удивительное, что наше дачное общество, обсуждая Вадимовы перспективы, в большинстве своем как-то незаметно настраивалось на тот же сочувственный лад, будто речь шла по меньшей мере о рискованной экспедиции на Северный полюс. Женщины дружно охали, выслушивая словообильные сетования Анны Николаевны на невнимательность и бесчувственность медиков, так и не обнаруживших «законспирировавшуюся» Вадимову язву желудка, о существовании койки «гадяджалась» чуткое материнское сердце, и мрачновато соглашались:

— Да-а, там-то она даст себя знать. Солдатские харчи, Ан-Николаевна, далеко не ваш кубанский борщ, парень привык к домашней диете, теперь туда ему придется.

Не знаю, право, как обошелся несостоявшийся студент консерватории без фирменного семейного блюда, но вернулся — не узнать в крепком, по-хорошему уверенному молодце, мастере на все руки того сторонящегося солнца («избыточная радиация чревата раком, знаете ли...») паренька, которого я встречал июльскими вечерами у родника с неполными ведрами. Он и улыбаться-то стал иначе, не так застенчиво и виновато... Ну, а мамин борщ, по его словам, есть с еще большим аппетитом:

— Чего там, макароны да перловка — не ахти какие деликатесы. И вообще армия не сахар, особенно поначалу. Но там как-то быстро худые поправляются, а толстячки худеют, честное слово, хотя и одинаково все едят вроде... Но не это главное; что такое дружба, я ведь так и не знал, сейчас это понимаю, а теперь у меня есть друзья. Вот я и говорю, армия — лучшее, что было в жизни! — запальчиво уверяет меня недавний старослужащий с присущей его возрасту категоричностью.

А я и не собираюсь с ним спорить. Но что с мамой его тогда не поспорил, сейчас, пожалуй, жалею... Впрочем, толку-то, все одно, не было бы, наверное. Неблагодарное это дело — отстаивать право детей на неподдельную, единственную стоящую жизнь у чрезмерно заботливых родителей. Они не понимают, что, создавая тепличные (в нравственном аспекте прежде всего) условия для вполне уже взрослого «ребенка», оказывают ему медвежью услугу. Крылатая суворовская фраза «Тяжело в ученье — легко в бою» на самом деле не просто аксиома воинского искусства, а прежде всего жизненная концепция. Потому что жизнь — это и есть «бои», борьба за принципы, знания, Родину, семью, хлеб насущный, идеи, целостность своего «я». А служба в армии для вчерашнего мальчика обоснованно считается едва ли не основным уроком (без которого трудно стать надежным защитником Отчизны и основательной опорой семьи) того многолетнего «учения», имя которому, с другой стороны, та же жизнь. Так что, на мой взгляд, папы и мамы, берегущие сыновей от «бремени службы», поступают не столько в ущерб интересам страны, сколько во вред своим чадам, а значит, и себе.

Опека эта принимает порой необычные формы. Признаться, я был обескуражен, узнав об истории, приключившейся этим летом в сказочно-синих горах, обрамляющих Чуйскую долину: в ряды Вооруженных Сил призвали... дочь чабана из дальнего аула. Если верить документам, а не глазам своим. Ларчик просто открывается: дальнovidный родитель почти двадцать лет назад «позабочился» о родившемся

обливался, когда подумаю, что с его руками будет. Вы полагаете, он вновь сможет играть после двухлетнего перерыва? Хотя бы его по музыкальной части определить, все полегче как-нибудь... Да только виолончелист в полковом оркестре нет, будьте уверены...

дядигите, зарегистрировав его как девочку.

Такие вот дела.

Но, по-моему, гораздо тяжелее приходится отцам, чьи сыновья «своим умом» приходят к выводу, что служба не про них. Каково отцу и сыну смотреть в глаза друг другу?

В истории Телека Темирова (здесь и далее фамилии лиц, понесших уголовную ответственность, изменены. — Е. А.) нет ничего примечательного, никакой изюминки. При рождении ему, как и его братьям, не откали в принадлежности к сильному полу. Все шло до поры до времени как положено.

...Повестку на отправку ему вручить оказалось делом непростым.

Из показаний Т. Т. Темирова:

«Где-то в октябре милиционер привел меня в военкомат, я в это время сам хотел пойти туда, но не успел. В тот день был день рождения у кого-то, и я был выпивши».

Короче говоря, доставили, комиссию прошел, вручили «под роспись» повестку на отправку. Но не тут-то было.

Из материалов судебного дела:

«Темиров Телек Темирович на призывающей пункт не пришел, из города скрылся, не сообщив в военкомат о месте своего нахождения. В течение года получил десять повесток, но в военкомат не явился».

Домашним он сказал: «Майор Гусев мне объяснил, что я зачислен в железнодорожные войска, но раз имею шоферскую профессию, меня пока в армию не возьмут, а оставят до особого распоряжения». Стоит ли пояснить, что вполне реальный майор никакого фантастического «особого распоряжения» не давал. Согласно раз, парень вынужден был лгать и дальше. После того, как представители военкомата не единожды побеседовали с его отцом, тот окончательно поссорился с сыном. И в суде свидетельствовал против него. Но до этого Телек ушел из дома и по документам младшего брата, студента, устроился грузчиком на комбинат.

Но сколь веревочке ни виться... Словом, получил двадцатилетний преступник год в колонии общего режима. А краснеть на суде пришлось его родным...

Два года назад в республиканской комсомольской организации Киргизии работала бригада ЦК ВЛКСМ, изучавшая состояние военно-патриотического воспитания молодежи и подготовку ее к службе в Вооруженных Силах. Был отмечен ряд серьезных упущений и недостатков...

Тогда же в Иссык-Кульской области выявили и преступную группу врачей, по родственным и финансовым соображениям помогавших уклоняться от призыва тем, «кто в бой не рвался». Сейчас ни о чем подобном ни слуху ни духу.

Можно приводить вчерашние факты, сравнивать с днем сегодняшним: положение меняется к лучшему. Но, сдается, такой анализ созвучен сакраментальной фразе: «В нашей столовой стали кормить еще лучше». Прав Жванецкий: что такое еще лучше, если уже было лучше? Хочу быть правильно понятым; в республике действительно многое сегодня сделано — уделяется достаточное внимание подбору школьных военруков, ликвидируются проблемы в знании русского языка, проводятся военно-спортивные игры.

Все это, несомненно, дела нужные и достойные самой основательной поддержки. В том числе и со стороны комитетов комсомола. Но организационные функции союза не должны превалировать над функцией воспитательной.

Самое тревожное не выразишь цифрами и диаграммами, это — отношение молодежи к армии. Оно отнюдь не ста-

Время вносит свои корректировки в законодательство. Годы постепенно выявляют в нем недоговоренности, и издаются новые указы. А иные, напротив, устаревают или оказываются несостоятельными.

Увы, формулировки статей Уголовных кодексов республик, предусматривающих наказание за уклонение от призыва в армию, звучат по-прежнему актуально.

Не может быть и речи о том, чтобы снять этот вопрос с повестки дня, коль скоро находятся еще молодые люди, считающие обязанность готовиться к защите Родины обременительной и досадной помехой на жизненном пути.

Железнодорожный вокзал города Фрунзе напоминал в этот день раскаленный гриль: так же жарко и то же неспешное кружение. Вершила его масса прибывших, отъезжающих и провожающих, подчиняясь особой вокзальной механике. И в нарушение ее законов притихла, переминаясь с ноги на ногу, толпа призывников, чьи стриженые головы еще более молодили завтраших воинов. Прически — вот, пожалуй, и все, что есть у них пока общего, помимо дня отправки, такие они все разные... И каждый, наверное, думает: как-то оно там станется, куда забросит служба и какими они обернутся, эти 730 дней.

Скоро отправятся поезда... Этот последний эшелон призыва держит путь в Москву. А многие москвичи приедут на два года действительной службы сюда, в Киргизию.

Где-то здесь, недалеко от Фрунзе, между хребтами Таласс-Алатау и Киргизским — часть, в которой служил Вадим, сын моей дачной соседки. Все лето накануне призыва у Анны Николаевны только и разговоров было что о сыне. Хлопотала, «как бы Вадичку получше устроить», и без конца пытала меня насчет знакомого отставного генерала, «не поможет ли материнскому горю»:

— Понимаете, у мальчика чрезвычайно тонкая, ранимая натура, и вся эта армейская грубость, бесполезная муштра не для него... Сердце кровью

ло хуже или пассивнее, чем было некогда. Но сейчас все социальные институты, все наше общество решительно (пусть с пробуксовкой, но зато бесповоротно) двинулось вперед, и то, на что спокойно закрывали глаза вчера, ныне повод для беспокойства. И работая, пусть даже из всех сил, но старыми методами, мы уподобляемся чемпиону по бегу, пытающемуся догнать какой-никакой, но все же автомобиль. Недаром же говорится, что перестройка — прежде всего перестройка сознания.

Как тут не вспомнить древнее изречение: «Врачу, исцелился сам». Для того чтобы успешно работать с молодыми, быть им партнерами, а не опекунами, отдельным комсомольским вожакам надо ломать сложившиеся представления. Молодежь лучше, чем порою кажется; просто она в значительной массе инертна, а значит, при столкновении с непредвиденным пасует.

Что касается умышленно и последовательно бегающих от армии, то вопрос этот надо рассматривать не в «плане военно-патриотического воспитания», а панорамно — что-то с этими юношами неладно вообще. Нельзя делить воспитание «по отделам» и винить вину за пренебрежительное отношение к данной проблеме на ответственных за тот или иной участок работы.

Заведующий отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ЛКСМ Киргизии Юрий Эхтов рассказывал о проводимых мероприятиях, и, как мне показалось, он и сам понимал: силами одного отдела задачи не решить, да и вообще подходить к ней надо с другого бока. Конечно, за инициативу в организации военно-спортивных лагерей комсомолу республики честь и хвала. Но все это где-то рядом, не совсем в «десятку», так сказать. Ведь лагеря для «трудных», а они охотно и в лагеря едут, и в армии на сверхсрочную остаются, только бы не домой (кто не в силах терпеть пьяные слезы родителей, кто хочет вырваться из затягивающего омута «компании», а кого уже и участковый «достал»).

В апологии таких мер угадывается наша застарелая болезнь — упование на решение социальных проблем махом.

При всей масштабности мероприятий не учтывается едва ли не важнейший аспект проблемы — религиозный. Больше всего хлопот — из-за отказа верующих (или псевдоверующих) служить, точнее, принимать присягу (в республике много баптистских общин, часть которых даже не зарегистрирована). Сдается, что атеистическое воспитание — ахиллесова пятка «уклонизма».

Мне рассказывали историю о пяти братьях; все из одной секты. Когда пришла очередь служить старшему, он, как положено, явился в военкомат и в назначенный срок отправился в часть. Но принять присягу на отрез отказался (хотя, честно говоря, прессинг со стороны начальства был отчаянный). Через год пришел перед второго; присягу он принял, сражался в Афганистане, был ранен, домой вернулся с боевой наградой. И когда подошла очередь третьего, он не задумываясь, с какого брата брат пример. Не из-за боязни попасть под суд; суд совести строже. Всякое могло случиться, и если бы — не дай бог — остался второй брат в том ущелье у пакистанской границы, как бы тогда смотрел старший в глаза родным после двух лет службы в военно-строительном отряде? Так что касательно двух младших, еще пока школьников, у них сомнений нет: пойдут в танковые войска...

Кстати, в этой семье (они из переселенцев военной поры) до сих пор говорят по-немецки и знают, как переводится стариное германское «Lebenslügen» — «ложь всей жизни». Противопоставишь себя народу единожды, и путь один — вниз. Как тут не вспомнить героя повести Ч. Айтматова, дезертировавшего из эшелона, идущего на фронт и укрывшегося у обожавшей его жены, которая не только осознает потом всю

низость поступка Исмаила, но и сама выдаст мужа правосудию...

...Заведующий отделом пропаганды и культурно-массовой работы ЦК ЛКСМ Киргизии Джалаалбек Балтагулов настроен благородно: да, случается, что не хотят служить юноши, но быть в настороне причин нет. Самое главное, по его мнению, что на проповедях не принято выдавать; вот, вспоминает он, пару лет назад пришло участвовать в разбирательстве личного инцидента, произошедшего в Закавказье: новобранцы перепились и в поезде подрались на национальной почве. Вот это было да! А десяток-другой не желающих принимать присягу или попросту служить — это пустяки, выеденного яйца не стоит...

Странно мне было слышать, как комсомольский работник объясняет национальными традициями, вернее, их отсутствием, то, почему не всегда ладится служба у ребят коренной национальности: нет офицерских династий да и кочевники-скотоводы воинственно сроду не отличались.

— Вся надежда на созданную недавно республиканскую специальную школу-интернат, что-то вроде суворовского училища. Со временем толк выйдет...

Я все это слушал, а из головы не шли у меня сетования работников прокуратуры Киргизии, что на заседание специально созданного Координационного совета, контролирующего выполнение Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности», представителя ЦК комсомола республики сколь ни звали, так и не дождались.

...Восточная пословица гласит: «Если скажешь сто раз «халва», во рту все равно слаще не станет». Может, поэтому и не стоит в сотый раз говорить о недостатках в работе республиканского комсомола и о том, что воспитание молодежи — дело заинтересованных, переживающих людей.

Спору нет, армейская служба дарит и чувство товарищеского локтя, и самый искренний, без бумажного пафоса патриотизм, и ощущение причастности к высокому призванию мужчины защищать Отечество. Но наряду с официальными боевыми и общевоинскими уставами действуют негласные, нарушение которых влечет за собой наказания, отнюдь не предусмотренные Дисциплинарным. Деление на неофициальные категории — «смена», «кандидаты», «деды» — само по себе подразумевает наличие людей первого и прочих сортов, что недопустимо нигде и ни при каких условиях.

Конечно, институт поддержания порядка существовал в войсках всех времен и народов. Да и не только в армии люди с большим опытом естественно и оправданно становятся наставниками новичков. Но школа, в том числе и солдатская, нехороша, если неотделима от острожного привкуса унижения, оборачивающегося затянутым ожиданием: придет мой час, тогда уж и возьму свое. Пора честно признаться, что дедовщина во многих подразделениях давно сложилась как цельная иерархично организованная система.

Но вот рассказы о ней демобилизованных солдат частенько напичканы отчаянными небылицами и преувеличениями, вызывающими кое у кого вполне осозаемый страх: а вдруг не сдюжу? Малодушие может стать одним из мотивов «уклонизма».

Однако на откровенные уклонения решаются, по-моему, лишь неграмотные в правовом отношении юноши или те, кто уверен: хуже худа не бывает, и максимум, что может имгрозить, — это тот же призыв, но в стройбат. А попытка, мол, не пытка, почему бы не попробовать проскочить в очередной раз? А сказал «а», говорят уже и «б»...

«Отдельные должностные лица в нарушение ст. 21, 100 Закона не представляют своевременно военкоматам точные списки призывающих. Такое положение сложилось во всех регионах республики. Невыполнение... требований способствует уклонению от воинского учета, призыва лиц, умышленно на дневное отделение дожидаться

уклонившихся от воинской обязанности».

На всякого мудреца довольно просто. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.07.85 «Об административной ответственности за нарушение правил воинского учета» дает возможность воздействовать на нерадивых начальников. Но указ не всем указ получается. Применяется он крайне редко. «В целом по республике органами местного военного управления направлены на рассмотрение администрации местного военного управления материалы лишь (выделено мной. — Е. А.) в отношении 14 руководителей».

«Руководители учебных заведений допускают обучение (III—V курсы) студентов, которые должны быть призваны в ряды Советской Армии, не контактируют с военкоматами, без постановки на воинский учет отправляют студентов на сельхозработы, а по приезде их вовремя в общежитие не заселяют, в результате студенты по 4—5 месяцев не берутся на учет. Кроме того, многие студенты проживают на частных квартирах, у родственников, не имея прописки, умышленно не заселяются в общежития, уклоняясь от летнего призыва. При постановке на воинский учет первокурсников установлены факты, когда некоторые студенты вообще не состояли на учете и не имели прописок».

По всем правилам мне надо заключить цитату по меньшей мере тремя восклицательными знаками, обращая внимание на то, что потенциальные защитники Родины для соответствующих инстанций просто и не родились еще — куда там лукавому чабану с его немудреными изысками, вот уж воистину одиночка размахом не сравняться с ведомствами и министерствами.

При всем при этом «выпадение» студентов из заинтересованного поля зрения, как мне представляется, куда меньший повод для озабоченности, нежели выпадение из негласного студенческого кодекса части некоторых абсолютных истин...

Нет необходимости проводить массовые опросы и анкетирования, социологические исследования и тому подобное, чтобы прийти к выводу: служба — не самая желанная альтернатива учебе для студенчества. Если уж на то пошло, весьма показательно уменьшение числа абитуриентов сильного пола, стремящихся попасть в вузы, из которых стали призывать в армию. Не сбросишь со счетов и проявляемый в последнее время интерес абитуриентов к наличию в институте военной кафедры. Иногда этот момент становится одним из определяющих в выборе вуза.

Как раз во время моей командировки во Фрунзе по местному ТВ транслировали из Алма-Аты выступление министра высшего и среднего специального образования страны Г. А. Ягодина; отвечая на вопрос: считает ли он «утечкой мозгов» практику призыва после окончания первого курса, Геннадий Алексеевич ответил, что «это абсолютная безвыходность, временная мера», а затем, расшифровывая свое отношение к этой мере, обронил фразу: «Они возвращаются инвалидами с точки зрения знаний». Так и сказал: инвалидами.

Позволю себе не согласиться с этим высказыванием; по-моему, помимо определенного багажа сугубо армейских и узкопрофессиональных знаний, вчерашний солдат обладает еще внутренним чувством дисциплины в широком смысле, мастерством коллективно работать и быть социально активным, умением держать слово, заинтересованностью в самообразовании и здоровой конформностью (известно, что конформные реакции у мужчин ниже, чем у женщин); все это, безусловно, плюс в учебе, к минусам я отнес бы, пожалуй, лишь некоторую стереотипность мышления.

Другое дело, что разрыв между курсами действительно нежелателен, ибо практически сводит на нет два, а то и четыре семестра. Разумнее после вступительных экзаменов зачислению на дневное отделение дожидаться

призыва и после службы не восстанавливаться, а попросту приступать к учебе с первого сентября и не расставаться со своими сокурсниками до госэкзамена. Или — кажется, в некоторых странах это принято — допускать до приемных комиссий только отслуживших, вернее, тех, кто по тем или иным причинам служить срочно уже не будет. Пора установить какое-то единное правило. А то эти положения варьируются из года в год, вызывая конкурсную чехарду во время поступления и нервотрепку из-за расплывчатости студенческого статуса.

Я уверен, что непопулярность армии среди части скептически настроенных студентов — от нежелания «марать руки», страха не перед ратным, а вообще перед всяkim трудом. Учеба при нынешнем минувозовском уровне требований — не самое обременительное занятие.

В начале нынешнего учебного года на встрече выпускников факультета моя бывшая сокурсница познакомила меня со своим младшим братом — первокурсником нашей с ней alma-mater. Рыжеватые брови и эта манера рубить воздух ладонями во время разговора — вылитая копия сестры. То ли сработал «эффект вагонного купе» — вряд ли мы с Андреем еще свидимся, — то ли по какой другой причине, но был он со мной откровенен, когда зашла речь о грядущем призыва:

— До последнего буду бороться! Если отсрочку по семейным обстоятельствам пробить не сумею, придется идти на крайнюю меру — дружок научил, как заболеть «желтухой». Конечно, с болезнью Боткина придется в больнице повалиться, но все лучше, чем два года терять. Что значит «терять»? Да то и значит, что пока другие, кто подсуетился, будут диплом зарабатывать и связями обзаводиться, мне придется в грязи бахроматься. А то еще зашлют... (многозначительная пауза) сам знаешь куда. О чем вообще речь, армия — не подарок, кто не знает об этом, кроме «деревни»...

Вспоминал я его монолог не раз.

И когда комиссар Первомайского РВК г. Фрунзе в сердцах вскрикнул:

— Да в моем родном украинском селе хлопец со стыда горчит, если его в армию не возьмут!

И когда при подготовке материала о встрече боевых товарищ узнал о незавидной участии симулянта, по немудреному рецепту «заработавшего» тяжкий недуг и скончавшегося в военном госпитале бесславно и трудно. (Ребята вспоминали о нем без презрения, но с оттенком брезгливой жалости, в семье, мол, не без урода.)

И когда встречал сына моей дачной соседки.

И когда стоял в раскаленном зале Фрунзенского железнодорожного вокзала, провожая вместе с другими новобранцами весеннего призыва 1987 года.

...Несколько лет назад в Москве среди многочисленного семейства «неформальных» объединений появилась чахлая сестрица — группа пацифистов. Проповедовали они одну-единственную добродетель — ненависть к оружию. Что, впрочем, не мешало им до крови мордовать своих неприятелей — спартаковых болельщиков и поклонников «тяжелого рока». Они в военкоматах забывали о своих высоких принципах, зато вспоминали о несуществующих болезнях.

Скоро отправятся поезда... И начнется отчет солдатским будням, в которых будут и новые города, и дороги, и праздничность присяги, и нелегкое ратное дело, и до обидного стремительный отпуск, долгие марш-броски и долгожданные письма, непременное торжество приказов, и, наконец, возвращение.

...Уходят с вокзала поезда с новобранцами. И те, кто, словчив, получил так называемый белый билет, не смеют равнять его со счастливым лотерейным.

Идут поезда.
И возвращаются.

БРАТ МИЛОСЕРДИЯ

Валерий ГУРИНОВИЧ,
Леонид ПЕРЛОВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Для поступления в первый класс средней школы Косте потребовалось специальное разрешение Министерства просвещения республики.

Для поступления в институт — подпись министра высшего и среднего специального образования СССР.

Для прохождения армейских сборов ему пришлось обратиться в Министерство обороны.

Сейчас восемнадцатилетний Костя Славин — студент 6-го курса Азербайджанского медицинского института имени Н. Н. Нариманова.

Молодые хирурги из клиники Научно-исследовательского института нейрохирургии имени Н. Бурденко АМН СССР уговаривали остаться. Предстояла уникальная операция, и, возможно, ему удалось бы присутствовать на ней. Но дома ждали дела, поэтому Славин от заманчивого предложения отказался. Ребята, прощаясь, сказали: «До встречи, через год у нас будешь...» «Не слазьте», — улыбнулся он и постучал по дверному косяку.

Потом шел по длинному коридору клиники, по дорожкам больничного парка. Шел, вспоминая отчего-то свой давнишний, первый приход сюда. Это сейчас он вполне сходит за «своего» здесь, в знаменитом НИИ нейрохирургии, а тогда многие с нескрываемым удивлением смотрели на 14-летнего подростка, облаченного в белый накрахмаленный халат. Студент-медик из Баку? Недоуменно вскидывались брови, губы растягивались в ироничной улыбке...

Впрочем, он к такому привык.

Еще в ту пору, когда пятилетнего Костика привели в Бакинский институт усовершенствования учителей (он там должен был сдать экзамен, чтобы стать первоклассником), ему уже знакомо было несколько наигранное изумление взрослых при точных ответах на в общем-то несложные вопросы.

— Почему сначала зима, потом весна, лето и снова зима?

— А почему сначала ночь, а потом утро? — ответил Костя.

Один из экзаменаторов взял ручку, лист бумаги. «Я нарисовал квадрат», — сказал он. «Не квадрат, — поправил Костя, — параллелограмм».

...Из аэропорта он сразу же позвонил в больницу.

— Сегодня дежуришь, — сказал Микаил Меджидов. Помолчав, хмыкнул: — Какая погода в Москве?

— Дождит...

— А у Бурденко?

— Там «солнечно».

Они понимали друг друга с полуслова — учитель и ученик, нейрохирург и медбратья реанимационного отделения республиканской хирургической больницы, или, как все тут ее называют, нейроцентра. Позже, когда мы познакомились с Микаилом Рашидовичем, спросили:

— А не жаль расставаться с Костей?..

Дежурства, лекции, операции — дни насыщены до предела.

— Жаль, — просто ответил Меджидов. — Но он вернется сюда, как птица в родное гнездовье, только размах крыльев другого будет...

Пройти клиническую ординатуру в орденоносном институте, созданном в 30-х годах основоположником советской нейрохирургии Николаем Ниловичем Бурденко, — какой будущий врач не мечтает об этом?

Раз уж мыкоснулись мечты, заметим: к ней надо быть готовым. Франгиз Мирзоевна Славина, мама нашего героя, рассказывала:

— В одиннадцать лет, восьмиклассник, Костик прочел «Молекулярную генетику» Стента и Кэлидара, а буквально за месяц до этого вместе с отцом побывал в Ленинградском военно-медицинском музее. Эти два момента, пожалуй, и определили его интерес к медицине. Хотя... помню, в детском саду одной из любимых его книг была

«От головы до пят» — о том, как «устроен» человек. Гены, семейная традиция? Франгиз Мирзоевна Славина — инженер-химик; Владимир Леонидович — офицер Советской Армии, политработник; Леонид Львович, дед Кости, строитель. Голубая в прямом смысле мечта Аринки, двенадцатилетней стюардессы.

Любовь, доброта, доверие — этим прочно семья Славиных. Они заядлые путешественники, коллекционеры, книгоханчи. Часто ли встретишь в наше суматошное время семейное чтение вслух? А здесь читают. Вечером, при настольной лампе... Любят шахматы; страшные, как и все бакинцы, болельщики Каспарова.

Обычная семья? Но майор Славин знает французский язык, самостоятельно изучает японский. Дипломированный инженер, он нынче заканчивает

истфак Ленинградского университета. Мама увлекается живописью, музыкой, национальной кухней. Костя уже сегодня — один из серьезнейших филателистов республики, обладатель уникальных коллекций «Медицина», «Советская живопись». В Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, встречаясь с тинейджерами, младший Славин обходится без переводчика.

Костя был в США в составе делегации КМО СССР. Его поездке предшествовало конкурсное выступление на тему «Мир. Космос. Молодежь» в международном дискуссионном клубе.

— Я будущий врач, — говорил Славин, — и хочу привести здесь пример из близкой мне области человеческих отношений. Во время пресс-конференции сопредседателей движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» американского профессора Бернварда Лауна и академика Евгения Чазова с одним из тележурналистов случился сердечный приступ. И тогда оба врача — американец и русский, — скинув пиджаки, стали «оживлять» человека. Они спасли ему жизнь. Я думаю, что только совместными усилиями мы, молодые русские и американцы, плечом к плечу, как наши деды на Эльбе в сорок пятом, можем спасти будущее человечества...

Семьдесят восемь часов в месяц он работает в реанимационном отделении нейроцентра медбратьям. Те, кого он помогает спасать, не знают его в лицо. Он помнит каждого. Они для Славина — не «клинический случай», а люди, требующие заботы и милосердия.

Он — брат милосердия.

...Клиника на взгорье будто приподнята над оживленными бакинскими улицами. Бетон и стекло. Цветы, зе-

льень, солнце. На верхнем, пятом этаже клиники — отделение реанимации.

— В старину больного на гору поднимали: считалось — если выживет, заново, значит, рождается, на землю второй раз ступит. Красивое поверье. — Нейрохирург, главный врач клиники Р. С. Гасонов смотрит в узкое, похожее на бину окно. — Так вот, Костя Славин помогает возвращать людям жизнь.

— Но бывает, что не всегда...

— А вы как думали? — Руфат Салимових резко мнет сигарету. Потом, помолчав, тихо говорит: — Жаль бывает парнишку. Тут иногда и взрослый мужчина не выдерживает напряжения — боль, страдания, смерть... А он моло-дец, не скисает. Из него толковый, крепкий человек выйдет.

— А хирург? — поинтересовалась мы.

— Да взгляните на руки его — кисть, пальцы какие! Прирожденный хирург.

Старшая медсестра отделения Т. Ш. Гайдарова, она присутствовала при нашем разговоре, добавила:

— У меня тут четверо ребят из медицинского института. Ничего не скажу, старательные. А все же Костя — первый среди них. Довериться ему можно... Я тридцать лет в больнице — всяких работ-

ников видела. И, по мне, тот хорош, кто дело ищет, любит, а не тешит себя им...

Накануне мы были со Славиным на дежурстве. Просторная, бьющая в глаза белизной палата. В центре — пульты, дисплеи. Восемь специальных реанимационных коеч, над каждой — монитор интенсивного контроля.

Костя у кроватки двухлетнего Арифа: «Потерпи, маленький, потерпи». Пойти его из ложечки. Тихо переговариваются медсестры. Дежурство выдалось спокойным. Ничего экстраординарного, никаких ЧП. Но и в этом спокойствии ощущалась готовность мгновенно отреагировать на любую неожиданность, на ситуацию, когда секунды решают буквально все.

Знали мы, что Славин — член бюро ЦК ЛКСМ республики, член институтского комитета комсомола, занимается шефской работой. Но, честно говоря, думали — поручения для «галочки». Ведь сколько раз сталкивались: хороший студент, у всех на виду — вот его и избирают дружно. Но быть «бумажным активистом» не в характере Славина. В этом вскоре убедились и в институте, и в ЦК комсомола. Он выступал резко, затрагивая самые острые вопросы, о которых вчера еще было «не принято» говорить вслух.

Ученый совет — штаб института, где переплелись интересы практики, науки, учебы. А все решается без нас, без студентов. Почему? Или взять шефскую помощь. За нами закреплены шесть школ и Дом ребенка. Ну, бывали мы там, а что конкретного сделали? Разговоры одни...

Не Славин, другие рассказали нам, как он, взглянув в комитете комсомола шефскую работу, организовал в школах медико-педагогические отряды, как Дому ребенка на деньги, заработанные во время трудового семестра, студенты купили «Москвич».

Так совпало, что списки поступивших на лечебный факультет АМИ вывесили 20 августа — как раз в день его рождения.

Я смотрел в эти списки и все никак не мог поверить. Кто-то легонько обнял меня за плечи: «Не дрейфь, малыш, Боткиным будешь...»

Первокурсники тебя сразу признают?

Конечно, поначалу чувствовал себя неловко. Но не подстраивался... Смешно сейчас вспоминать, но после лекции несся по институтским коридорам, как в школе на перемене... А однажды после экзамена чуть не расплакался.

Профессор Караев вспоминает о том случае:

— Костя стоял в стороне от всех, отвернувшись к окну. Бледный, губы скжаты. Я спросил: что случилось? Не сдал химию? Четыре поставили, говорит. А я на пять знаю. Ладно, подумал, стоит поуважить в паренке задиристости, а то и впрямь вундеркиндом себя считает... При мне экзаменатор минут сорок «гонял» его по всему курсу — чистая пятерка.

В полтора года складывал слова, в два с небольшим свободно читал, в пять — первокурсник, в тринадцать — первокурсник... Тринадцатилетний студент! Сенсация! Газетный бум! Ворох славословий, а порой и нелепых, наивных вопросов — всего этого было в достатке у Кости... Как, впрочем, и у других юных талантов — Жени Кисина, Леши Репина, Ники Турбиной... Да и рядом со Славиным, на том же факультете, учится шестнадцатилетний пятикурсник Мушвиг Керимов, паренек из дальнего азербайджанского села. А нынче вот и среди нас, журналистов, появился феномен: на первом курсе журфака МГУ занимается тринадцатилетний Данила Пигилов.

Физиологи утверждают: в первые два года малыши познают больше, чем за всю последующую жизнь. Мозг ребенка интенсивно развивается и уже к трем годам достигает 80 процентов веса мозга взрослого человека. Вот этот-то период и нельзя упускать: «зарядка»

мозга должна быть насыщенная, ему необходимо постоянно получать и перерабатывать информацию.

Славин к ажиотажу вокруг своего имени относится с достаточной долей иронии.

— Я род нормально. Гонял на велосипеде, драли с мальчишками, знал все проходные дворы... Просто и мама, и отец считали меня личностью, а это очень важно. Кубики, географические карты, игры, книги — все формирует ребенка. Но главное — доброта и понимание окружающих. Я не был обделен ни тем, ни другим.

Меньше всего нам хотелось, чтобы у читателя сложилось представление о Косте Славине как о баловне судьбы, «везунчике». Он учился в обычной школе. С ним не занимались репетиторы, его не готовили в гении... Он сам готовил себя к жизни — сложной и яркой. Он пользовался теми же правами и преимуществами, что и тысячи других наших детей. Но — чуть больше ответственности.

У Бориса Слуцкого есть строчки: «У всех мальчишек огромные планы. Они

меха в апробированной, обкатанной общеобразовательной системе. Вспомним, сколько начальственных подписей требовалось да и нынче требуется Славину.

В порядке исключения... Задумаемся: а может, сейчас, на пороге двадцатого столетия, пора бы «исключению» стать закономерностью?

Мы спросили Костю, видел ли он фильм «Легко ли быть молодым?». Что запомнилось, привлекло? Славин задумался.

— Один парень снимает фильм. Другой работает в морге, третий идет в пожарники. Девочка хочет стать манекенщицей. Ребята ищут себя. Они хотят учиться жить даже на ошибках. Мы говорим: свобода — осознанная необходимость. Но, чтобы осознать эту необходимость, нужно быть действительно свободным человеком — без поводка, короткого или длинного, тут разница небольшая... «Афганцы» запомнились — это настоящие люди. Пусть не все гладко складывается у них, но есть стержень в душе, вера, идеалы. Они близки мне...

Фильм этот обошел экраны страны. Споры вокруг него уже утихли, мнения вроде бы пришли к единому знаменателю: да, плохо мы знаем молодых — не только встречаю, но и провожаю по одежке. Помните: «Нас учат, наставляют, до восемнадцати лет мы ничего не понимаем, мы дураки. А может быть, мы и сами кое-что заметили, кое-что поняли и можем сказать нечто такое, чего взрослые не замечают?»

Зрячее это занятие — проводить параллели. Но поверьте: Константину Славину и его друзьям тоже нелегко быть молодыми, талантливыми, счастливыми. И тут случается частенько, что взрослые «не замечают». Или не хотят замечать, отворачиваются поспешно от того правдивого, режущего глаз, душу, что подметили их дети и внуки.

Судьба Кости необычна в глазах взрослых, а не его друзей. Юля Кот, Лейла Шахгельдиева, Азад Самедов, Эюб Атаев не считают способности Кости чем-то сверхъестественным. Ленинский стипендия? Так и они, студенты АМИ, получают «повышенную», и в их зачетках хватает пятерок. Как и Кости, все они члены институтского комитета комсомола, общественники не для «галочки» — по душе своей, по характеру готовы взять на плечи больше «положенного». Они ценят искренность и дружбу, и их коробят лицемерие, ханжество, несправедливость.

Медицинский институт, пожалуй, самый престижный в Баку. И мы поняли Кости, когда он заметил: я не из «генералов» — из рядовых. Не будем сейчас говорить о протекциях, взятках — этого в иных бакинских вузах хватало. Закрылся институт народного хозяйства, многие преподаватели со степенями, с громкими титулами были вынуждены уйти из политеха, университета, нефтяного, педагогического...

Не в вакууме, не за «высоким забором» росли ребята. И не только по учебникам постигали жизнь. Знали они и о тех, кто на человеческом горе строил себе дачи, покупал лимузины. Знали, сколько берут за ту и за иную операцию, во что порой обходится бакинцам «бесплатное лечение». И как здорово, что сумели — успели! — воспитать в себе иммунитет против этих нравственных метастазов.

Ветер обновления не миновал и медицинский институт. Уже в прошлом году три четверти поступивших — из тех, кто поработал в больницах и поликлиниках, кто в плотную столкнулся с человеческой болью и страданием, кто хоть в малой мере научился сопротивляться этой боли.

Профессор, доктор медицинских наук Я. Д. Мамедов работает ректором АМИ пятый год. Славина он знает, конечно, хорошо. Но не только потому, что Кости — институтская, республиканская «знаменитость».

Отличный студент. Думающий, самостоятельный, внутренне определившийся. Последнее очень важно. Вот характерная деталь: я как-то предложил ему остаться на кафедре патофизиологии, у меня. А он отказался. Мягко, тактично, но отказался: четко нацеплен на нейрохирургию. Здесь мне видится и определенное мужество — мужество принимать решения. И это — в восемнадцать лет. Мы стараемся помочь ему продолжить учебу в клинике Бурденко...

Мы стоим возле входа в ректорат на террасе, обращенной к морю. Ниже — контур огромных темно-красных крыльев. Кажется, птица вот-вот взлетит, сделает круг над корпусами института, над городом и устремится к Каспию. Там, над волнами, ее стихия. Но нет, птица из металла застыла над Вечным огнем — памятником погибшим воинам. От этого Огня начинают свой путь будущие врачи. Здесь произносят они клятву Гиппократа: «...Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет счастье в жизни и искусстве и слава у всех людей на вечные времена...»

Для сестры
Аринки,
товарищей
по институту
Кости —
просто
веселый
парень...

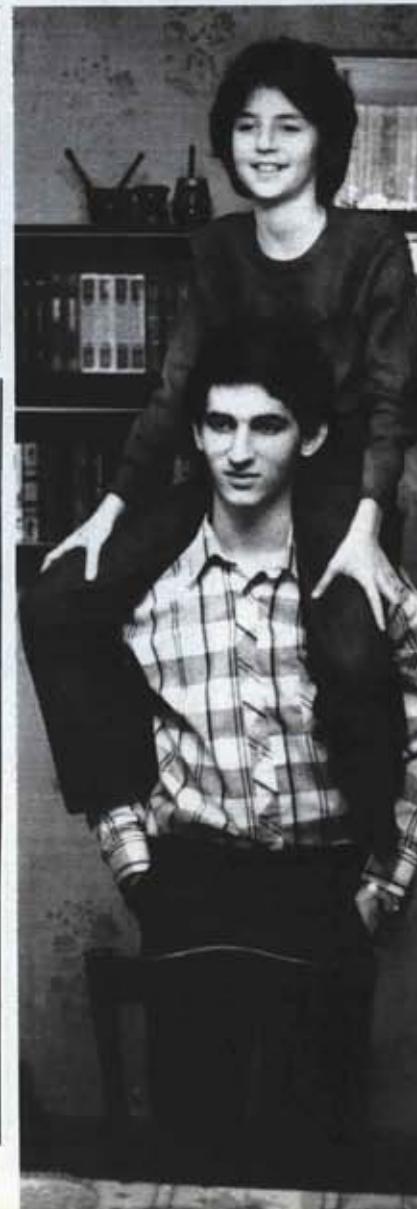
сокращаются с годами. У кого намного. У кого немногого. У самых счастливых ни на йоту».

Нет, Кости Славин не баловень судьбы, не «везунчик». Он просто счастливый человек.

Педагогика сотрудничества — это и о школе, и о семье, и об обществе. Это о нас с вами, о нашем отношении к маленьким гражданам. Уходит в прошлое силовое давление авторитарного руководства, столь милое минпросовским чиновникам. В какую графу отчетности вписать Кости Славина, Ники Турбину, Данилу Пигилова? Ведь нет, увы, такой — «счастливые люди».

А скольких мальчишек и девчонок, обогнавших свой возраст, мы так и не узнали лишь потому, что различные РУНО и ГУНО загодя согласно инструкциям запланировали их детство.

Сегодня мы прямо говорим о педагогических просчетах и победах. Есть Шаталов, Ильин, Лысенкова, Амонашвили, Волков, Щетинин. Есть классы «шестилеток», где ребята «играют» в таблицу умножения. Но никуда не делись, не перевелись и те, для кого школьная процентомания — привычный, удобный образ жизни. Они мыслят «масштабно». «Индивидуальная работа» воспринимается ими лишь как удачная формулировка. Для них такие, как Кости Славин, досадные недоразумения, по-

ЧУЖИЕ СНЫ

Евгений ДОДОЛЕВ

Когда мне было — точно не помню сколько, но совсем немного лет, я порезал руки о траву. Загадочно-изумрудная и тихая, она разрослась вдоль берегов речушки, обрамляющей наш дачный поселок. Я очень хорошо запомнил полное отсутствие каких-либо болевых ощущений вначале. Только по-детски отчаянный страх перед темной и бойкой кровью, соленоность и вязкость которой ощущались в жару особенно. Нудно лежала летняя мошкара, и высоко в небе самолет резал голубую сферу подобием облака-клиника.

С тех пор слово «трава» ассоциируется у меня с каким-то тревожным ожиданием... не боли даже, а болезненной досады. Старшеклассником я знал многи хиппи из тогдашней «системы», и легкость, с которой они угощали друг друга «травкой» (это называлось — «просечься в зелень»), вызывала у меня недоумение: как же не боятся? Потом ведь будет больно, может, и не заживет вовсе.

Мне и позднее приходилось сталкиваться с наркоманами.

Чем чаще встречал я этих потерянных людей, чем больше беседовал с теми, кто этих инвалидов духа пытается спасти,— врачами, юристами, педагогами, тем расплывчатее, неопределеннее представлялся мне среднестатистический преступник-больной. Полубезумные старухи и восторженно читающие стихи мальчики, юркие словоохотливые бородачи и флегматичные, потрапанные дамы в шикарных туалетах никак не складывались в единый образ этакого бледного субъекта со шприцем в руке или «косяком» в зубах, глядящего навсегда усталыми глазами внутрь себя.

...Об этот взгляд — испуганный, но при этом не затравленный, а напротив, хваткий, живой — я споткнулся. А может, не во взгляде дело, а в изломе тонких нервных губ. Или в очень тяжелых на вид руках... Она показалась мне типичной наркоманкой сегодняшнего дня.

«Старостина Наталья Алексеевна 1970 г. р. доставлена в... диспансер в состоянии глубокого наркотического опьянения... Диагноз — полинаркомания... с признаками адено-депрессивной неврастении... Курила гашиш, употребляла психотропные и психостимулирующие средства... По ее собственным словам, умеет изготавливать так называемую «мульку»... Руки имеют шрамы... По словам пациентки... бывали ремиссии продолжительностью до трех месяцев, заканчивавшиеся срывами. Сестра пациентки — Старостина Виктория Алексеевна 1964 г. р. привлечена к уголовной ответственности по статье 226 УК».

«Организация или содержание притонов для потребления наркотических веществ или предоставление помещений для тех же целей наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой» (ст. 226¹ УК РСФСР).

Так вот, взгляд у Наташи не потухший, как у иных ее друзей по несчастью. И сама она не по-девичи резкая, вся как-то на взводе, голос истеричен и тонок, без застарелой прокуренной хрюпотцы или бывалой циничной усмешки.

— Вы ничего не понимаете. Ничего. Каждый имеет право жить как хочет. Вику вот засадили за решетку, и меня тоже здесь держите как зека. А я никому не мешаю, не прошу у вас ничего. Все вы — жандармы, желаете, чтобы все было как вам нравится. А самим видно! Тоже ведь попробовать охота? Нет? Так я и поверила...

«Больные, уклоняющиеся от принудительного лечения, подлежат направлению по постановлению районного (городского) народного суда в лечебно-трудовые профилактории, а несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста, — в лечебно-воспитательные профилактории для принудительного лечения на срок от шести месяцев до двух лет» (ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 августа 1972 года «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией»).

Обликом, а главное, словами, философией своей напомнила мне Наташа совсем другую девочку. Ту мою одноклассницу звали Светой. Хорошо помню уверенность, с которой она излагала свое кредо:

— Травятся только новички-неумейки по неразумению, а секрет настоящего «зabora» прост — лучше побольше заплатить, потому что чистый и дорогой «продукт» очищает и душу, и тело. Бросить не смогу? А зачем мне бросать? Какой смысл жить без настоящего удовольствия?

Лечачий врач Старостиной-младшей, надо сказать, ошарашил меня: оказывается, медицина может избавить от ломка, отучить от наркотиков физиологически, нормализовать обмен веществ и освободить тело от рабской зависимости, но лечение на психическом, грубо говоря, уровне может остаться столь же сильным.

Вика, старшая сестра Наташи, впервые попала в поле зрения правоохранительных органов после того, как у нее дома скончался от сверхдозы один из ее знакомых. То, что причиной смерти послужило неумелое обращение с сильнодействующим наркотиком, решительно отвергали родственники погибшего. По их мнению, он стал жертвой иезуитской мести своих бывших приятелей, поскольку ему не простили «предательства» (добровольный отказ от наркотиков нередко расценивается партнерами именно как измена чему-то высшему, вслед за чем может последовать и явный донес на вчерашних друзей). Следствие, проработав версию родственников, остановилось все-таки на выводе, что смерть — результат трагической ошибки молодого человека, которому недостало силы воли забыть раз и навсегда «сноторвное для полетов».

После этого инцидента Вика, по словам сестры, некоторое время обходилась без «кайфа».

Однако прошло несколько месяцев, и распавшаяся было компания вновь стала собираться в тесной квартирке, которую снимала Вика. Наташа частенько гостила у сестры, но то да поры решительно пресекала попытки «угоститься». Хотя не только посвятила младшую в секреты приготовления наркотиков, но и просила иногда сделать угол: часто не хватало твердости в собственных израненных руках.

Увы, любопытство однажды взяло верх над сестринскими запретами. Как это часто случается, подумала: разок попробую, хоть буду знать, что это такое. Потом прислушалась к себе: вроде непреодолимой тяги не появилось ни на следующий день, ни неделю спустя. Потому смело (опять же в порядке эксперимента) сделала себе еще угол. И еще... Спустя буквально месяц ей требовалось по нескольку уколов ежедневно. А через год суточная дозировка достигла двадцати кубиков. Медики считают, что это балансировка на грани жизни.

«Ну и что?» — спрашивала она. В школе, семье, во всех общественных институтах вызубривается точка зрения. Например, наркотики — вредно и плохо. И когда молодой человек встречает темпераментных оппонентов, настойчиво и по-своему убедительно опровергающих эту точку зрения, он оказывается неготовым ее отстоять.

Моральный фундамент из монотонных поучений и холодных сентенций оборачивается колоссом на глиняных ногах. Потому что механически заученные нормы морали остаются как бы внешними. Если же они станут убеждениями личными, самостоятельно избранными из условно предложенного набора, то за способность самоконтроля можно быть более-менее спокойным. Но для этого нужно научить думать и взвешивать...

Моя бывшая одноклассница, я помню, ратовала за братство посвященных в смысл жизни — пусть меньше прожить, но зато как! Вот и Наташе, как выясняется, «помогают друзья», не давая ей «загнуться от ломка в больнице».

Подобные поступки едва ли не в частности, и не только у подростков-наркоманов. Но ведь если существуют такие извращенные кодексы поведения, значит, о нравственном здоровье нет и речи. Из «человека разумного» эти малыши и девочки добровольно превращаются в «человека самоистребляющегося». За чистоту атмосферы беспокоимся, биосферу бережем, а как же быть с гомосферой? По определению академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, это среда жизни человека, созданных им культурных и моральных ценностей.

Конечно, к общему социальному знаменателю можно привести любую проблему, но все же у этой если и есть социальная структура, то скорее микросоциального, так сказать, характера. Бывает, разумеется, что наркотик пробуют и от соблазна (в судебной практике много подобных историй, приключавшихся с медработниками), и от наплевательского отношения к своим близким и собственному будущему.

Но все же на первом плане — подражательство. Думаю, что мода на наркотики — самый плодовитый из корней этой беды.

Я не удивлюсь, читая в молодежной газете о студентке, искаловой вены булавкой ради того, чтобы похвастаться перед подружками своей «крутой»... Употреблять всякую дрянь мод-

но! Ореол наркоманки позволяет занять «более высокое место», выбиться в своего рода «сторонние лидеры».

В чем привлекательность наркотиков? Маслянистость конопли и сухость порошков сами по себе не могут возбудить интерес — это противно природе человека. Помимо всякого рода региональных традиций (в Средней Азии, например, коноплей плов заправляют!), влияет на распространение наркотиков мода. Быть наркоманом в определенной компании сейчас куда престижнее, чем алкашом каким-нибудь. Это загадочно, где-то даже романтично и мно-гообещающе.

Не секрет: молодые в вопросах моды равняются порой исключительно на Запад. Шприц или набитая гашишем палироса для многих ни много ни мало изысканный атрибут «ихнего» образа жизни.

Но... По данным института социальных исследований Мичиганского университета, в высших учебных заведениях США ежедневное потребление «травки» уменьшилось вдвое по сравнению с 1980 годом (доля активных курильщиков сократилась до 7,2 процента). Неужели «моду отказа» придется ждать так же долго, как и «моду потреблять»?

К сожалению, в пропаганде наркотиков недобрую роль сыграла музыка, на которую, в свою очередь, пытаются (который уже год подряд!) при克莱ить ярлык «духовного наркотика». Печально, но факт: многие рок-звезды, образцы для подражания и кумиры молодежи, увлекались играми с «белой смертью».

Лучший гитарист в истории рока Джими Хендрикс захлебнулся содержимым собственного желудка — сверхдоза снотворного. Первая из певиц «модернного бунта» Джанис Джоплин найдена была на полу гостиничного номера со свежими метками шприца на левом предплечье. У поэта и вокалиста группы «Двери» Джима Моррисона не выдержало сердце. Первый гитарист «Роллинг Стоунз» Брайан Джонс утонул в состоянии наркотического опьянения. Другой гитарист группы, Кейт Ричардс, с трудом выкарабкался из «райской карусели», лишь недавно он смог выступать в майке с короткими рукавами, до этого его вены, воспаленные укусами иглы, давали слишком много поводов для пересудов. А самый оригинальный (среди европейцев) барабанщик стиля диско Робби Макинтош попробовал «любопытства ради» героин в первый и последний раз — о его смерти писали не только музыкальные еженедельники. Даже экс-битл Пол Маккартни задерживался шведской таможней за попытку провоза марихуаны. Впрочем, его соратник по «Битлз» Ринго Старр не только написал «Нет-нет песню» (против любых наркотиков), но и сказал как-то в интервью, что «дурь», мол, для дураков. Так что каждый волен выбирать.

Опрос наркоманов, проведенный в Италии, выявил, как мне кажется, некоторые общие моменты распространения этого порока. Основной подоплекой приобщения к «сонному соблазну» почти тридцать процентов признали... скучу и желание испытать острые ощущения. Примерно столько же называли «неспособность противостоять жизненным обстоятельствам». Тридцать шесть процентов заявили, что просто последовали примеру друзей.

Повторюсь: эта беда с явно выраженной личностной основой от характера общественных отношений если и зависит, то косвенно. Молодой человек страдает не только от социальной дисгармонии, сколько от неладов в семье, во дворе или просто от внутренней пустоты. У одних это выплескивается в агрессивном отношении к родителям, учителям, вообще старшим. У других же личная, душевная неустроенность

Лорен Айзли (1907—1977) — замечательное явление не только в американской, но и мировой литературе. Он представляет собой редкое сочетание большого ученого и высокоодаренного, ни на кого не похожего художника слова. Научное признание пришло к нему много раньше литературного: Айзли слишком оригинален, самобытен, его нелегко уложить на какую-нибудь полочку, что так любят критики. Он не имеет ничего общего с другими писателями-учеными, вроде американца Азимова или нашего Ефремова, его не повяжешь ни с Брэдбери, ни с Обручевым, он сам по себе, король в царстве своем. Антрополог, натуралист, эссеист, поэт, он родился и провел детство в штате Небраска, суровая природа которого запечатлена им во многих философских этюдах. Свою писательскую деятельность он начал в 1946 году, выпустив по сей день переиздающийся сборник эссе «Дальняя дорога», главная тема которого — эволюция жизни на Земле. Последовал еще десяток сборников, в которых писатель показал себя не только продолжателем

в ХХ веке гуманистических традиций Ралфа Уолдо Эмерсона и Генри Дейвида Торо, но и выдающимся стилистом, не признающим предшественников.

Переводчик предлагаемых вниманию читателей эссе Дмитрий Брецинский, русский по происхождению, родился в Китае, где жили его родители. Высшее образование получил в США, там же и остался работать. Он литературовед, своей специальностью избрал древнюю русскую литературу. Все его исследования публиковались в научных записках Пушкинского дома в Ленинграде и принесли ему степень доктора философии. Он профессор русской литературы университета Пурдью в городе Лафайет. Его жена З. Брецинская, профессор того же университета, возглавляет новую, расширенную программу учебных курсов для американских студентов в СССР. Д. и З. Брецинские принадлежат к тем заокеанским ученым, которые отстаивают всемерное расширение научных, культурных и просто человеческих связей между США и Советским Союзом.

Юрий НАГИБИН

Лорен АЙЗЛИ

ТЕЧЕНИЕ РЕКИ

Если есть чудеса на этом свете, то заключаются они в воде. Малейшее ее колыхание — вот как теперь в дождевой лужице на плоской крыше напротив моего кабинета — вызывает во мне живейший интерес, заставляя то и дело подбегать к окну. Как знать, может быть, рябь от ветра вот сейчас претворится в жизнь. Меня не покидает чувство, что когда-нибудь я стану свидетелем знаменательнейшего чуда, произшедшего на городской крыше: увижу жизнь, в буквальном смысле слова внезапно возникшую из кучи ржавых труб и старых телевизионных антенн. Я всегда удивляюсь внезапному появлению жучка-плавунца, проделывающего свои подводные маневры среди островков зеленых водорослей. Разряженные испарения, ржавчина, мокрый асфальт и солнце — это перегонный куб, удивительно похожий на ум. Они отбрасывают осязаемые тени, которые угрожают облечься в плоть, когда никто не смотрит.

Может быть, только раз в жизни удается нам понастоящему сбросить с себя оковы плоти. Раз в жизни, если повезет, мы настолько сливаемся с солнцем, воздухом и проточной водой, что целые зоны — те самые, которых ведают горы и пустыни, — могут пройти в короткие послеобеденные часы, не причиняя неудобства. Ум плавится и просачивается к своим истокам среди древних корней, теряясь в смутном журчании и движении, от которых неживая природа начинает шевелиться. Как и в сказке об очарованном круге, в который человек однажды вступил, а по выходе из него узнал, что за одну ночь прошло целое столетие, тут кроется некая неразгаданная тайна; но связана она — в этом я не сомневаюсь — с обыкновенной водой. Водная субстанция проникает всюду: она касается прошлого и подготавливает будущее; она двигается под полярными шапками и рассеянно блуждает в заоблачной выси. Она может принимать утонченно-совершенные формы снежинки или же обладывать живое до одинокой отшлифованной кости, выброшенной морем на берег.

Много лет назад во время научных изысканий в далеком западном краю мне случайно пришлось испытать как раз то самое странное поглощение водой — своего рода растяжение телесных очертаний при помощи космоса, — на которое я намекал. Вряд ли вы когда-либо ощущали в себе извилистые истоки целого речного бассейна или же каким-то шестым чувством касались вытянутыми пальцами ледниковых ручеек снежной границы, протекая в то же время через

бломки размытых гор к Заливу¹. Поэт Макнайт Блэк писал о том, что «окрылен... водами, охватывающими полис». Ему были знакомы подобные ощущения, которые отнюдь не уникальны, хотя и встречаются достаточно редко. И та самая повышенная восприимчивость, которую испытывают люди, когда приставляют к уху морскую раковину, вызывает у них лишь улыбку, когда в ней признается профессор-книжник. Положение усугубляется еще и тем, что вследствие психической травмы, перенесенной мной в детстве, я плавать не умею и обычно роюсь при виде водных просторов. Возможно, именно это обстоятельство по-своему и способствовало тому, что я тогда пережил.

Покидая Скалистые горы и устремляясь через плоскогорье к Миссури, река Платт являет собой любопытное зрелище. При весеннем разливе, бывает, она превращается в бурный разрушительный поток шириной с милю, сносящий фермы и мосты. Как правило, однако, это блуждающий, рассеянный ряд ручеек, беспорядочно пересекающие огромные конусы песчаного и гравийного выноса, которые являются отчасти остатками более могучих потоков ледниковой эпохи. Плавуны и кочующие острова стерегут ее воды. Солнце прерий безжалостно печет ее летом. Река Платт «шириной с милю, глубиной с дюйм» — убежище для любого странника, разморенного жарой у ее берегов. В первую очередь это относится к району плоскогорья, минуя который река начинает свой далекий путь мимо городов.

Причина, почему я набрел на нее тогда, продираясь сквозь заросли тальника, где вода была мне по щиколотку, к тенистой дюне, не имеет отношения к этой истории. Преследуя различные научные цели, я исходил тот край вдоль и поперек и знаю, что за кости всплывают с булькающим звуком в гравийных насосах и что за наконечники стрел из блестящего халцедона вымываются подчас из размоченного песка. В тот день, однако, вид неба, тальника и извивающейся водной сети, тихо журчащей в заводах по пути к Заливу, поселял во мне, распаренном долгой ходьбой, неожиданную мысль: поплыть. Поплыть и испытать незабываемое приключение.

Вероятно, мысль пришла мне не сразу. Я разделся и с удовольствием барабанился в углублениях среди камыша, когда непреодолимое желание растянуться и предаться нежно-настойчивому течению стало по-немногу мной овладевать. Загорелому и смелому представителю нового поколения моя попытка перебороть

свою робость, стоя в воде по колено, может только показаться смехотворной, но мне тогда было не до смеха. Несчастный случай в детстве, когда я чуть было не утонул, окрашивал мои эмоции. Вдобавок к тому, что плавать я не умею, эта «речушка глубиной с дюйм» была коварна, изобиловала воронками и плывунами. Смерть блуждала рядом с ней вдоль призрачных ее русел. Как и на всех пустынных участках подобного типа, где ни вода, ни суша не преобладают, ее заросли были безлюдны и неискоженны. Случись там с человеком беда, он взывал бы о помощи напрасно.

Все это проносилось у меня в голове, пока я тихо стоял в воде, чувствуя, как песок вымывается у меня из-под ног. Тогда я лег на спину и оттолкнулся от берега. Небо закружилось над моей головой. В то мгновение, когда меня, как пробку, выносило в главное русло, у меня было такое ощущение, словно я скользу вниз по огромной наклонной поверхности материка. Именно тогда я и почувствовал в пальцах леденистые уколы высокогорных родников и тепло Залива, влекущего меня на юг. Вместе со мной, оставляя солоноватый привкус во рту и исходя подо мной танцующими брызгами песка, двигался весь необъятный массив материка — песчинка за песчинкой, гора за горой — к морю. Я струился по древним морским ложам, взброшенным вверх — туда, где некогда развились гигантские пресмыкающиеся. Я снашивал лицо времени, увлекая за собой в небытие увенчанные облаками горные цепи. Я касался своих пределов с чуткостью рачьих щупалец и чувствовал, как огромные рыбы скользят мимо меня, плывя по своим делам.

Меня несло мимо севших на мель деревьев, поваленных бобрьми в горных тайниках; я скользил над заводями, в которых были захоронены поломанные оси фургонов и кости мамонтов, завязших в трясине. Живой, я струился сквозь горячий, животворящий фермент солнца или же сочился еле заметно через тенистый кустарник. Я стал водой, превратясь в скачущие алхимики, которые созревают и принимают в воде форму, в те комочки болотной слизи, которые под огромным увеличительным стеклом солнца начинают вдруг извиваться и всплывать к поверхности громадными усатыми рыбами ртами или же незаметно погружаются обратно в тину, из которой вышли. И черепаха, и рыба, и бисерный стрекот отдельных лягушек — все это водные проекции, густки, каким

является и сам человек, того неописуемого водянистого варева, состоящего из соли, солнца и времени, смешанных в разных пропорциях. Оно облекается в разные формы, но в основе его лежит вода. И так как течение тихо приило меня наконец к песчаной отмели и оставило там как обыкновенное бревно, я встал, пошатываясь. Вновь познал я бунт тела против выхода в суровый, лишающий его опоры воздух, его нежелание покидать родную стихию, которая по сей день, столько лет спустя, дает приют и жизнь девяти десятых всего живого.

Что же касается людей, этих несметных полчищ обособившихся малых прудков, кишащих своей собственной корпескулярной жизнью, то не являются ли они лишь попыткой воды выйти за пределы речных русел? Сам я не что иное, как микроскопом струящихся ручееков и плавника, терзаемый призраками собственного воображения. Я на три четверти состою из воды, которая поднимается и спадает в такт глухому стуку в моих жилах — микроскопическому пульсу, похожему на тот бесконечный пульс, который поднимает Гималаи, а в следующую истому их сносит.

Вглядываясь в изумрудных щук, плывающих в Уолденском пруду², Торо со свойственной ему проницательностью назвал их «одушевленной водой». Располагая он геологическими знаниями, накопленными с тех пор кропотливейшим трудом, то, вероятно, пошел бы еще дальше и не без улыбки приметил в обыденном рокотании и трезвоне некоторого рода лягушек, очень тешивших его своим столь неистовым поведением, отзвуки тех темных подспудных сил, которые воздымают морское дно, превращая его в горные вершины. У него мог бы развиться тонкий внутренний слух,

позволивший бы ему улавливать шум прибоя на взморьях Мелового периода, где ныне колышется канзасская пшеница. Во всяком случае, следя за раскручиванием долгой нити жизни ее следопытами, он бы увидел, что его одушевленная вода меняла свои очертания зон за зоном, покорствуя биению темного тысячелетнего сердца земли. В болотах низколежащих материков процветали, достигнув своего зенита, земноводные; а когда материки снова стали медленно подниматься — изостатическая реакция земной коры — последовало повсеместное похолодание, и эпоха травянистых растений и млекопитающих вступила в свои права.

Несколько лет назад, хорошо защищенный от зимних холодов теплой одеждой, я прошелся несколько миль вдоль одного из притоков той самой реки Платт, по которой однажды спускался вплавь. окрестность была пустынная и скованная льдом. Ручейки замерзли, а в низинах заросли тальника создавали такую

перспективу уходящих вдаль вертикальных линий на фоне снега, что у пробивающегося сквозь них путника рябило в глазах и кружилась голова. На краю замерзшей заводи я остановился и протер глаза. У моих ног, где пронизывающий ветер прерий очистил лед от снега, виднелось нечто странное, отдающее запахом. Ошибиться было невозможно.

Огромная знакомая морда с беспомощно разбросанными усиками, замороженная намертво в подернутом рыбью льде, глядела на меня пучеглазо. Это был один из тех сомов, любящих зарываться в желтоватую муть обитателей извилистых русел, которые плавали вокруг меня и подо мной в день моего всепоглощающего путешествия. Кто его знает, что за пронизанный лучами солнца сон заставил его продолжать махать плавниками, пока температура стремительно падала и его чеширская³ улыбка медленно застывала. А может быть, он случайно оказался в перегороженном рукаве и просто продолжал плавать, пока лед его не сковал. Как бы то ни было, он застрял там надолго — до весенней оттепели.

Я уже собрался было идти дальше, но что-то в его грустной усатой морде колынуло меня, а может быть, это река взывала к своим детям. Я предпочел, однако, назвать это наукой — удобным разумным словечком, которое приберегаю для подобных случаев, — и решил вырезать рыбину изо льда, чтобы отвезти домой. Зажарить я ее не собирался. Просто мне в голову вдруг пришла мысль испытать живучесть рыб плоскогорья, особенно рыб такого типа, которые замуриваются себя в бескислородных прудах или пересыхающих старицах, заметанных снегом. Я вырезал ее в куске льда как можно осторожнее и бросил в ведерко для коллекционирования, которое держу у себя в машине. Затем мы отправились домой.

К сожалению, начальную стадию удивительного воскресения я упустил. Продрогший и уставший с дороги, я отнес ведерко с талой водой и льдом в подвал, предполагая плавающий там труп назавтра либо выбросить, либо анатомировать. Бегло брошенный мной взгляд не обнаружил никаких признаков жизни.

Однако, спустившись несколько часов погодя в подвал, я, к своему удивлению, услышал какое-то похлюпывание в сосуде и заглянул в него. Лед растаял. Огромные надутые губы, окаймленные чуткими усиками, предстали передо мной, жабры существа медленно работали. Тонкая струйка серебристых пузырьков поднялась к поверхности и лопнула. Рыбий глазглядел на меня сурово.

«Аквариум», — подсказал он. Я явно имел дело не с уолденской щукой. Это был изжелта-зеленый, зарывающийся в болотный ил, недружелюбный житель наводнений, засух и циклонов. Он являлся отборным продуктом плоскогорья и струящихся по нему вод. Ему никогда были выигрыши прерий, от которых гибнет скот, замерзая на ногах в сугробах.

«Сейчас принесу аквариум», — сказал я не без уважения.

Он прожил со мной всю зиму, и его отбытие было совершенно под стать его упрямому, независимому нраву. Весной что-то на него нашло — то ли это был инстинкт миграции, то ли просто непреодолимая скуча. Может быть, в каком-то потаенном уголке своего мозга он ощущал, как далеко-далеко высокогорные воды струятся по песчаным плесам реки Платт. Во всяком случае, он услышал чей-то зов и ответил на него. Однажды ночью, когда никого не было в комнате, он просто выпрыгнул из аквариума. На следующее утро я нашел его на полу мертвым. Он попытал счастья, как мужчина, вернее, как рыба. Будь он в нужном месте, эта попытка была бы отнюдь не безумной. Рыбы, оказавшиеся в измельчавших рукахах эфемерных ручейков прерий и почувствовавшие себя в западне, могут, если у них есть инстинкт прыгать, пока не поздно, выбраться к главному руслу и выжить. Миллион лет наследственности был сосредоточен в этом прыжке, подумал я, глядя на него, миллион лет восхождения сквозь подсолнухи прерий между столбовидных ног мамонтов, пришедших на водопой.

«А некоторые из твоих родичей пытались дышать воздухом,— заметил я мимоходом, поднимая его.— Давай встретимся опять среди тополей, лет этак через миллионы».

Я уже стал по нему немножко скучать. Он представлял для меня то утерянное древнее величие, чей источник — водяное братство. Мы оба были проекциями этого вековечного брожения, и в то же время нас связывало некое большее единство, находящееся неизмеримо выше нас. Не в одном плавнике и не в одной лапе пресмыкающегося узнавал я самого себя проскальзывающим мимо, то есть какую-то неведомую часть себя, не получившую развития в той временной оболочке, в которой обитаю. Когда я касаюсь этого вопроса в печати, то неизменно получаю резкие письма от читателей, упрекающих меня в отсутствии веры в человека. Кажется, они не доверяют ничему тому, что не соответствует их образу и подобию. Они бы и бога свели к представлению лавочника,

заключив его в этот тесный круг, чтобы он, чего доброго, не выкинул какой-нибудь совершенно невероятный фортель — не создал бы, например, по зрелом размышлении существа более совершенного, чем человек. Что до меня, то я считаю природу вполне способной на это и, поскольку был однажды частью течения, не чувствую ни капли зависти, как не испытывает зависть лягушка к пресмыкающемуся или обезьяний наш предок к человеку.

Каждый весной я слышу, как в залипах водой лугах и канавах раздается негромкий, но настойчивый хор, совершенно неотличимый от бесконечно повторяемого «мы тут, мы тут, мы тут». И как лягушки, они, конечно, тут. Ни в чем они, милашки, не сомневаются. Думается мне, что для слуха более тонкого, чем наш, оптимистичные заявления человека о своей роли и предназначении звучат примерно, как тот негромкий звон, который недалеко проникает в ночную тьму. Он раздражает только на близком расстоянии. На горной вершине или в болоте под вечер, однако, он совсем недурно сливается со всеми прочими сонными голосами, которые кваканье или чирканье говорят все об одном и том же.

Через некоторое время опытный слушатель начинает различать шум человека и ритмическое самоутверждение кузнецка; учитьвать заячью синкопу, улавливать монотонное верещание сверчков осенью, находя во всех них глубокое удовольствие, но не признавая ничего превосходства. А когда все эти голоса умолкают и вода становится неподвижной, когда вдоль замершей реки никто не пищит, не кричит и не воет, тогда невероятная бессмысличество вселенной комом ложится на душу. Где-то там, в пустыне ледяных глыб и отраженных звезд, черные воды, может быть, текут, но текут они, без видимых признаков жизни, к цели, где весь космос, может быть, будет скован неким серебристым льдом рассеянных излучений.

Вот тогда, когда ветер дует навстречу через пустынные болота и снег накатами обволакивает путника со

всех сторон, я ярче всего — каким-то скачком воображения — представляю себе свое летнее путешествие вниз по реке. Я вспоминаю свои зеленые щупальца, свое сомье зарывание в болотную муть и рыбье извивание в стремнине, свои студенистые материализации из первородного ила. И когда я продолжаю свой путь сквозь сильный снегопад, волшебство воды подает мне свой последний знак.

Люди много рассуждают о материи и энергии, о борьбе за существование, которая лепит жизнь в нужные ей формы. Все это — непреложная истинна. Но несравненно более тонок, неуловим и быстр, чем плавники в воде, тот таинственный принцип, который именуется «организацией» и по сравнению с которым все прочие тайны жизни кажутся избитыми и незначительными. Что нет жизни без организующего начала — это ясно. Но само это организующее начало не есть продукт, строго говоря, ни жизни, ни естественного отбора. Как некая блуждающая внутри материи тень, оно выплывает маленькие оконца глаз или мерно размещает песню полевого жаворонка внутри яйца в крапинку. Этот принцип, мне все больше начинает казаться, предшествовал жизни в водных глубинах.

Стало теплее. Маленькие колючие иглы уступили место огромным хлопьям, проплывающим, словно белые листья, сносимые с какого-то громадного дерева в открытом пространстве. Я зажигаю свет в машине и изучаю, пока она не растаяла, замысловатую снежинку на рукаве. Никакая утилитарная философия не может объяснить снежинку, никакая доктрина о пользе или бесполезности. Просто вода преобразилась из пара и тонкого «ничто» в ночном небе, чтобы облечься в форму. Для существований снежинки нет логической причины, как нет ее и для эволюции. Она призрак того таинственного, теневого мира, скрывающегося за лицом природы, того конечного мира, который содержит в себе — если оно вообще где-либо содержит — объяснение и людей, и сомов, и зеленых листьев.

ХИРОМАНТКА

— Ты умрешь от воды,— сказала хиромантка с проницательными, но бегающими глазами. Дело было давно, на захудалой квартирке в Лос-Анджелесе, и я был болен. Я поднял свои мозолистые ладони и посмотрел на въевшуюся в них сажу и ржавчину.

— А я почти уже умер,— сказал я.— Меня называли в честь утопленника.

Как ни странно, вся эта история вспомнилась мне под зонтиком против солнца на террасе гостиницы на Барбадосе. Сидящий напротив меня человек был одним из новых компьютерных королей. Я пропустил начало его рассказа, так как, впервые за долгие годы, эта тусклая проповедь проплыла мимо моих глаз в то время, как я глядел вдаль, поверх сверкающих вод Залива.

— Есть три круга памяти,— говорил он,— и молодой человек был так сильно ранен фехтовальной рапирой, что теперь пребывает лишь в первом: кратковременной памяти. В вашем присутствии он вежлив и любезен, но стоит вам только выйти из комнаты, как вы перестаете для него существовать.

— Значит, он вечно будет юн,— подхватил третий человек, сидящий за нашим столиком.— Жизнь, события не перестанут его удивлять. Он не погрузится медленно в старость с обросшей, словно коралловым рифом, памятью, которая бы его терзала. Не будет ни боли, ни сожаления, ни...

Он замялся.

— Как знать? — мрачно проговорил первый.— Ведь мы же все еще блуждаем, как в темнотах. Некоторые люди способны абсолютно все, до мельчайших деталей, восстановить в памяти, а вот отличить важное от неважного они не в состоянии. Мозги их так же забиты посторонним, как дом какого-нибудь скопидома, который хранит старые газеты и поломанные механизмы. Ваш мальчик избежал этой участи, но он никогда не будет по-настоящему любить или ценить другого, потому что живет лишь настоящим.

— Может быть, до него когда-нибудь дойдет эхо,— попытался я возразить.— То, что он мало что помнит, не значит еще, что нет в его сознании потаенного уголка, куда он украдкой ходит прислушиваться к звукам, которые не долетают. Однажды я знал одного умственно отсталого человека, лет под тридцать,— добавил я.— Будучи гостем в его семье, я уделял ему особое внимание, и он ходил за мной по пятам с географическими картами и прочими разными штучками.

Можно было подумать, что он тоже живет в первом круге, как животное. Но однажды вечером, сидя у камина, он дал мне понять, что боль расставания знакома и ему, хотя все он, бедняга, на свете перепутал. Он сообщил мне, и было тоскующее непонимание в его глазах, что мальчики, с которыми он играл, все куда-то подевались — стинули. Не знаю ли я, где они? Ему хотелось бы с ними поиграть. Тут меня вдруг осенило: ведь для него все это как вчерашний день. Он не знал, что прошло четверть века, что дети, с которыми он играл, давно выросли и ушли в мир взрослых, оставив его одного уныло бродить по опустевшему дому. Ему казалось, что все они еще юны, и он вместе с ними. Просто они где-то немного задержались. Он хотел, чтобы я его успокоил. Ну мог ли я сказать такому «мальчику», что он уже не мальчик? Не мог, конечно. Всеми силами стремился я проникнуть в общаемую им темницу. Я изучал карты, которые он мне приносил, и плел, что приходило в голову. Никогда больше не увидит он детей, по которым скучал. Я хитрил, я изворачивался, я его забавлял,— и все это время он глядел на меня блестящими, внимательными глазами собачек, как будто ожидал, что маленькие его друзья вот сейчас гурьбой ворвутся в комнату. Тут время тоже остановилось, хотя и было смутное ожидание, что оно вечно будет течь темпами детства. Есть ведь столько разновидностей времени,— продолжал я рассуждать.— Три круга: сиюминутный, промежуточный и долговременный,— это хорошее упрощение, но нельзя забывать, что то, что для одного человека кратковременно и эфемерно, может у другого оказаться в третьем круге. Вот почему наши так называемые воспоминания даже об одном и том же дне, проведенном вместе, могут резко расходиться, а иногда и вообще не существовать.

Я хотел было пояснить свою мысль примером, но начался отлив, обнажая безбрежную песчаную равнину, простирающуюся до горизонта. Мои собеседники продолжали с деловым видом копаться в своих профессиях. Я встал, все еще завороженный глазами хиромантки.

— Пойду подышать свежим воздухом,— сказал я.— Там, на отмелях.

Они мне машинально покивали. Я пошел надеть купальник — не потому, что плаваю, а потому, что этого требует обычай островов, а также условия прогулки по обнажившейся прибрежной полосе, покрытой плотной песчаной рябью, с задержавшейся в ложбинках морской водой.

Я прошел уже довольно далеко, как налетел небольшой шквал, оросивший песок дождем. Дождевые капли оставляют по себе на песчаных отмелях окаменевшие следы, точно так же как и ноги. Открытия такого рода, сделанные в начале XIX века — вроде находки отпечатков ног бродивших в мелководье динозавров,— послужили доказательством, что у земли есть своя глубинная память даже о такой безделке, как дождик десятимиллионлетней давности.

Я преодолел большое расстояние, иногда пускаясь в брод, прежде чем завернул обратно к пирсу, обслуживающему пришвартованный к нему катер с провизией. Море стало уже понемногу заливать отмели, которые в один прекрасный день станут частью острова. Я вошел в воду поглубже; она была мне по пояс и нетерпеливо потягивала меня. Вдруг мне показалось, что я увидел длинную серую тень, но она тут же исчезла. Чей-то голос окликнул меня с пирса. Я нетерпеливо повернулся голову, стараясь расслышать слова. Человек сделал широкий жест рукой в направлении берега.

«Акула!» — слабый, еле слышимый крик донесся до меня по ветру. В то же мгновение немножко впереди меня пули — из автоматической винтовки в опытных руках — стали вскипать фонтанчиками.

Я попятился назад к берегу, не сбавляя шаг, пока не оказался вне опасности. Могла ли это быть та тень, померещившаяся мне в воде? Кто его знает? Может быть, с пирса человек и видел плавник или более ясный силуэт. А может быть, он просто не хотел рисковать.

Странно, что я не был встревожен происшедшем. За мню точно пришли, но не застали дома. Акула ушла, пуля ее не настигла. Она заплыла как только могла ближе, и я на столько же вышел ей навстречу. Вот и все, что можно по этому поводу сказать. За мню прилил уже заносил песком следы дождевых капель и отпечаток странной ноги — моей собственной, блуждающей вдоль берега. В памяти мира я ничем, собственно, не отличался от тех гигантских ящеров, отпечатки чьих ног давно превратились в камень. Единственное мое притязание на бессмертие осталось там, на изменчивом песке — земной след одного летнего дня, бывшего до пятого великого оледенения, перед которым не устоят города человека.

Небольшой вздох вырвался из моей груди. Как и море, отмежевавшейся частью которого оно является, тело мое, в недрах своей соли и извивающихся

рек, уже что-то задумало. Я ему надоел. Где-то внутри оно уже размывало воспоминания, хоронило их. И оно не перестанет, пока ничего не останется. Длинная бурлящая волна преследовала меня до берега, омывая ноги по щиколотку. Теперь я их с трудом переставлял, двигаясь, как, вероятно, двигалось последнее гигантское пресмыкающееся, влашащее свою огромную тушу по песку. Мне захотелось прилечь и отдохнуть. Так расправляетя земля с первым кругом сиюминутной памяти: уничтожает все, что в нем хранилось; расчленяет все, что двигается, на отпечатки ног и кости; замечает все песком. Как робот, выбралася я из воды и захромал к своей даче у моря. По дороге я на мгновение с предельной четкостью, как при вспышке молнии, представил себе каждый след, оставленный мной на той бесконечной прибрежной полосе.

Вечером были танцы на террасе, песни для гостей и ритмы маримбы, бьющие в бархат звездной тропической ночи. Кто-то пел жалобную балладу. Я сидел в белом пиджаке за уединенной стойкой и украдкой поглядывал на свои руки, охватывающие стакан. Ржавчины и мозолей как не бывало.

На горизонте прополхала зарница. Мне показалось, что она вновь осветила отпечатки моих голых ног на песчаных отмелях. Сиюминутная память? Нет, к ней была примешана долговременная память мальчика, идущего по следам другого босоногого человека, по имени Пятница, через книгу с заглавием «Робинзон Крузо».

Девица жила на морском берегу,
Зашел к ней однажды матрос поутру,

Но столбик стремительно падал.

Голос певца всплыл в моем сознании. Звучал он словно издалека, с того конца цепочки отпечатков ног на песке, освещенном зарницей. Я стиснул стакан.

Их больше никто никогда не видал —
Девица исчезла, матрос тот пропал,

Поскольку барометр падал.⁴

Я встал из-за стола. Лило теперь как из ведра. За балюстрадой, у подножия волнолома, раздавался глухой гул прибоя.

Голос все еще до меня доносился, предупреждая о надвигающемся урагане, о волне, которая нахлынет, о падающем столбике. Мне представился хитрый, острый носик хиромантии с лицом хорька, юркого и кровожадного. Не она ли поселяла во мне эту мысль, изучая безнадежную руку странника? Ее лицо поглощало все остальное в ночи. Я следовал за ним сквозь ливень, пока не вышел наконец на волнолом. У моих ног необычный механизм моря вгрызлся в кромку острова. При вспышке мокрого света мне вдруг показалось, что что-то скользкое, с неясными очертаниями, цепляется за находящие камни волнолома. Как аквалангист, оно подняло черную руку, указывая на зияющую подо мной яму. Боже, сколько уже лет приходилось мне сталкиваться с разновидностями этого кошмара! И сейчас это был полусон, и даже песня — даже она — была в союзе против меня, ничего, кроме непогоды, не обещая, как ничего не обещает земля, как ничего не обещает жизнь, кроме очередного дня.

Я взялся покрепче за железные перила балюстрады и покачал головой, чтобы ее прочистить. Хорьковая образина исчезла. Я даже перегнулся через край волнолома, чтобы, как и в прежние годы, бросить вызов черной лоснящейся фигуре. Но ее уже не было, она не стучалася более в двери моего сознания. Небольшой механизм все еще обгладывал камни, брызгая слюной.

«Есть только три круга, это все», — где-то далеко позади меня прозвучал голос инженера. Неужели и он был участником заговора заключить меня во все более сужающийся круг для удобства моего невидимого противника? Ну, этот номер не пройдет! В отчаянии бежал я по кругу долговременной памяти, но что-то кратковременное, сиюминутное, что-то из другого круга, как квантовый скачок, вторгалось в тайную игру. Как затравленный зверь в лабиринте кустов, мой ум отчаянно метался между кругами. Размеренным шагом, не торопясь, прошел я обратно к своей даче. Пение все еще доносилось до меня издалека, но теперь оно находилось в другом измерении, потеряв свою власть надо мной. А вот что касается хиромантии, так тут я менее уверен, ибо история была с продолжением, в другом, правда, контексте.

Я уже несколько дней гостил у директора большой частной библиотеки, в которой занимался историческим изысканием. Я задержался почти до полуночи и с разрешения хозяина должен был одним из последних покинуть здание. Я пошел по гулкому коридору мимо длинных, молчаливых рядов стеллажей, хранящих все безумие, всю мудрость, все одиночество веков. Нетленная мысль притаилась тут в великом общественном мозгу, выжидая время, чтобы заронить искру в родственную душу. Она находилась за пределами бренной памяти. Люди, записавшие эти мысли, большей частью сошли уже в могилу.

Некоторые из книг уже веками не читались, но ждали, что кто-нибудь возьмет их в руки, быть может, в эпоху более терпимую, чем наша. Хотелось бы мне знать судьбу своего собственного мозга, в котором я лишь временный, случайный гость. Я был археологом и слишком хорошо знаю превратности судьбы. Все

идет дорогой пожарищ, наводнений и разрушения к конечному превращению в двусмысленные письмена каменной летописи земли.

Пока я шел, пыль в тех коридорах незаметно оседала, пересекая полосы лунного света, проникающего через узкие оконные проемы. Пыль эта, я вдруг почувствовал, была мне уже по щиколотку и поднималася все выше, начиная душить меня, как песок в разрушенном пузбле.⁵ Я проделал далекий путь в ту ночь, пора было возвращаться. Созвездия поблескивали, выхваченные кусками в оконных проемах. Мозг был расколот на части, но ядро его еще тлело среди свисающих паутин и рухнувших балок. Его еще можно было вытащить, если подоспят саперы. Я поковырял пересохший переплет.

Еще один камень грохнулся с потолка. Все теперь съеживалось, оседало, потянуло плесневатой сыростью. Хотя мы и находились в глубине страны, у меня было такое ощущение, что море незаметно приближается и береговая полоса где-то совсем рядом заливается. Ненадежное место для мирового мозга, подумал я мельком. Архитекторы не заглянули достаточно далеко вперед. Мне вспомнился тот день на песчаной косе — и как акула заплыла в воду, которая была мне по пояс.

Может быть, я принял все это слишком близко к сердцу. Может быть, поскольку мои книги находились здесь, женщина увидела в моем лице большую развалину, чем тело одного человека. Вокруг меня все капало. Еще немного, подумал я, и я начну обращаться моллюсками и кораллами. Вот за тем-то старая вешунья и прощупывала пульсирующие слои моего мозга. Но была уже полночь, и я решил, что вернусь, даже если мои слова, напечатанные на бумаге, покроются слизью морских моллюсков и станут нечитаемы.

И я вернулся. В полночь всякие чудеса возможны. Ряд за рядом, стеллаж за стеллажом прошел я обратно по длинному коридору. Потолок все еще стоял. Возобновилось еле слышимое знакомое гудение. Стеллажи нечувствительно стали превращаться в те огромные залы жизни, на страже которых я в юности стоял, — залы, где сомнение обманутых и искалеченных вошло в жизнь, чтобы дать бой сильным мира сего и навсегда исчезнуть. Гудение усиливалось — ропот множества голосов, спорящих между собой то резко, то спокойно. Это мозг говорил сам с собой, ведя какой-то немыслимый диалог, который я не в состоянии был расшифровать, хотя мне показалось, что я услышал свой собственный голос. Мозг не догадывался о своем конечном погружении в вязкую тьму.

Я уже вернулся к тому месту, где горел красный огонек лифта, когда когти старого пса стали постукивать рядом. Я ощутил его тяжелое дыхание и понурную голову. Он нес ее с трудом, но останется здесь до последнего. В моем мозгу вдруг всплыл образ целого моря разрушенных жилищ под вечер и терпеливо лежавшего меня языка. Дверь распахнулась в открытое фойе, и ночной сторож приложил два пальца к фуражке.

— Когда-то и я чем-то таким занимался, — сказал я ему. — Наверное, вам бывает немного тоскливо здесь одному?

— А я справляюсь, сэр, — улыбнулся он мне во весь рот. — Не стоит слишком много видеть или слышать, не так ли?

— Правильно, — сказал я учтиво и направился к выходной двери, которую придержал, чтобы слышать терпеливое постукивание, все еще раздававшееся за мной. Затем наступила тишина. Ночь была холодная и звездная, и я забрел далеко в будущее. Хиромантка показала мне истинную смерть через воду, и тем не менее ощущение сладости меня не покидало.

В угловом баре, открытом всю ночь напролет, сделал я заказ. Когда бармен отвернулся, я кивнул лицу в зеркале передо мной. «За то, что выпало на мою долю метанием костей в детстве», — пробормотал я. — И за последний бросок. Я стал потягивать свой напиток, и привычная дрожь в руках утихла. Хиромантка окончательно исчезла.

Перевел с английского
Дмитрий Брецинский.

¹ Имеется в виду Мексиканский залив. — Прим. перевод.

² Аллюзия на книгу «Уолден, или Жизнь в лесу» известного американского писателя-эссеиста Генри Дэвида Торо. — Прим. перевод.

³ Речь идет о неизчезающей улыбке Чеширского кота, одного из персонажей сказочной повести Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». — Прим. перевод.

⁴ Здесь непереводимая игра слов. То, что в первом куплете переведется как ртутный столбик (glass), также означает «стакан», почему рассказчик и стискивает его за стойкой. Только во втором куплете смысл образа раскрывается: падает барометр (weatherglass). — Прим. перевод.

⁵ Старинное индейское поселение в юго-западной части Северной Америки, как правило, на склоне горы в пустыне. — Прим. перевод.

обращается попыткой забыться «по примеру друзей».

Конечно, попадаются среди наркоманов самоуглубленные «тихони» (по внутренней организации интроверты), которые в одиночку приходят к идеи попробовать, а после также независимо от окружающих «наслаждаются». Но чаще всего, приобщившись к новым, необычным ощущениям «по рекомендации знающих», наркоманы стремятся поделиться своим открытием не столько из желания втянуть приятелей, сколько из присущей им тяги проверить собственные переживания. Делают это зачастую неосознанно. Но суть-то не меняется!

«Склонение к потреблению наркотических веществ наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. То же деяние, совершенное в отношении двух или более лиц либо несовершеннолетнего... — до десяти лет» (ст. 224 УК РСФСР).

Недаром родная сестра наркомани — токсикомания — породила еще и озадачившую специалистов разновидность «пропаганды»: токсикоманы со стажем порой силой заставляют ребят помладше «нюхать». И как за это карать — непонятно. Потому что формально за «распространение и сбыт» всяких аэрозолей, мазей и клея наказание в кодексах не предусмотрено. Да, вообще говоря, одними наказаниями годы не сделаешь.

Повсеместно создаются организации, где к наркоманам подходят нетрадиционно, рассматривают их не как отбросы общества, а как попавших в беду людей. Помимо этого, важно различать степень запущенности недуга и его разновидность: в обычательском представлении одинаково опасен и уже безнадежный «ветеран иглы», и подросток, разок-другой наглатавший таблеток. А ведь к ним и отношение, и подход все-таки должны различаться, верно?

Коллеги-журналисты рассказывали мне, не скрывая удивления, о созданных в Польше спеццентрах «Монаро». Среди работников этих учреждений много бывших наркоманов, прекрасно разбирающихся в «белевых точках» страдающих от порочного недуга.

А венгерский еженедельник «Мадьяр ifjúsgá» не так давно организовал для помощи молодым наркоманам фонд «Оставайся с нами!».

Активисты английской благотворительной организации «Поворотный пункт» ратуют за постепенное, поэтапное спасение от «белой смерти» — сперва более безобидные наркотики (вернее, менее опасные), затем уже лекарница, желательно «семейного» типа. В этой организации работают выпускники самых престижных колледжей Великобритании.

Если создать, не побоявшись этого слова, благотворительную организацию без явного «медицинского» или тем паче «юридического» уклона, то у нас нашлось бы много добровольцев, желающих помочь молодым людям, попавшим в беду. В том числе, я думаю, и бывшие наркоманы, и их близкие.

Например, родичи моей знакомой Светы...

Исповедуя свое кредо — «употреблять» исключительно высококачественный, а значит, и дорогой «продукт», она стала зарабатывать деньги банально и позорно — занялась проституцией. От нее, кстати, я узнал, что это путь-дорожка с двусторонним, так сказать, движением: многие проститутки приобщаются к наркотикам, и не оттого, что «деньги некуда девать», просто в этом уходе от реальности проявляется душевный экстремизм, вызванный самоподражанием, разрушающим дух и тело.

Светлана погибла четыре года назад, уснув в собственной ванной: после укола, под «торчем», она закурила «косяк». По изящному выражению ее бывших учителей, «уснула на траве».

...А лезвие осоки покрывает лишь болотистую, подгнившую землю. Руки эта трава режет, увы, не только тем, кто к ней тянется.

ЛЕНДЕМЕНДЫ

■ Говорят, что художник Юрий Ракша был счастливым. Он и сам утверждал это. В своем дневнике он записал: «Любимое дело. Любимая женщина. Любимый дом. Наверное, это и есть счастье». Впрочем, сколько людей — столько ответов. Но в одном, наверное, ответы сойдутся: счастье — это прежде всего любимое дело. У Юрия Ракши оно было. Даже и не дело... Нет, то была страсть, огромная страсть, ради которой он жил и работал! Смею утверждать — он казался мне одержимым...

Однажды мне удалось увидеть очень близко его глаза. Вы усмехнетесь — ну и что же? Но я вас разочарую: в этот миг художник стоял в двадцати метрах от Собора Парижской Богоматери. Он стоял и просто смотрел на Собор. И какие у него были глаза! В них и радость, и какофония прощальных печальных светов, и сверх того боль, нестерпимая боль, а может, даже тоска. Честное слово,

все это жило в нем вместе, и я поразился. Да и откуда она, тоска, почему? Так бывает, когда человек с кем-то расстался — навеки близким, родным навеки. Но ведь это было не прощание: а встреча: знаменитый Собор стоял перед нами, а его башни матово горели в теплых лучах сентябрьского солнца... А в глазах у художника стыла печаль. Но откуда она, почему? И почему ему так тяжело?.. Я терялся в догадках... А может, он что-то вспомнил сейчас, что-то решает. И вдруг он быстро-быстро раскинул свои походные этюдники и стал рисовать. Лицо его сразу напряглось, побледнело, а брови прижались к самым глазам и чуть заметно подрагивали. Я отвернулся, чтобы не мешать, и опять поднял голову — башни Собора куда-то плыли в теплом парижском небе. Именно плыли, даже как будто покачивались. А вокруг гудела толпа, пахло свежей зеленью и цветами. Все это

напоминало Сочи — и нарядная толпа, и цветы, и высокое праздничное небо. Я сказал об этом художнику, он взглянул на меня рассеянно, как будто увидел впервые. Глаза его снова были печальны. Но что с ним, ведь рядом Париж... А впрочем, помните у Бодлера: «В провалах грусти, где ни дна, ни края, куда судьба закинула меня...» Но при чем же здесь Бодлер и парижское небо? — спросите вы и будете правы. Потому расскажу сейчас все по порядку.

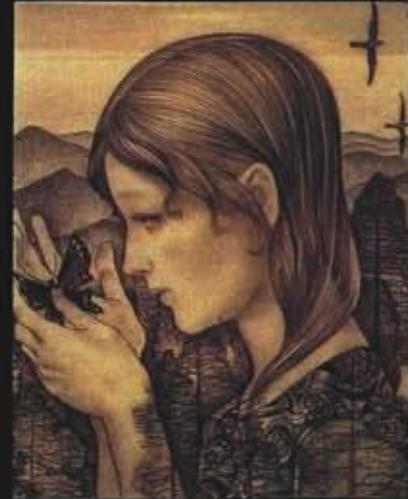
С художником Юрием Михайловичем Ракшой я познакомился в Париже, точнее, по дороге в Париж.

Еще в Шереметьеве я успел перекинуться несколькими фразами с Юрием Михайловичем. Художник заговорил со мной очень приветливо, располагающе и сразу напомнил мне кого-то из моих бывших сокурсников по Литературному институту, а кого — я никак не мог вспомнить. Вот и потом, в самолете, я все время

разглядывал профиль художника и все думал: ну на кого он похож, на кого?.. А потом самолет набрал высоту, и моторы загудели очень ровно и усыпляюще — и сразу стихли в самолете все шутки и разговоры, ведь под нами уже Европа... И каждый теперь думал только об одном: как-то встретят Париж? И вот через два часа аэропорт имени Шарля де Голля. А еще через час — отель Гарнье. А потом уж Париж...

А через день мы стояли с художником и его женой Ириной у знаменитого Собора. И вот тогда-то я и увидел близко его глаза. Увидел и поразился. Они были совсем другие, чем в самолете. Они были особенные — в них застыли боль и тоска. Но вдруг глаза ожили на миг, засияли, и в них вспыхнул свет, но ненадолго. Он посмотрел на меня и как будто с усилием что-то сказал. Но я ошился — и глаза стали тяжелые, безразличные, они точно с кем-то

ОДНАЖДЫ

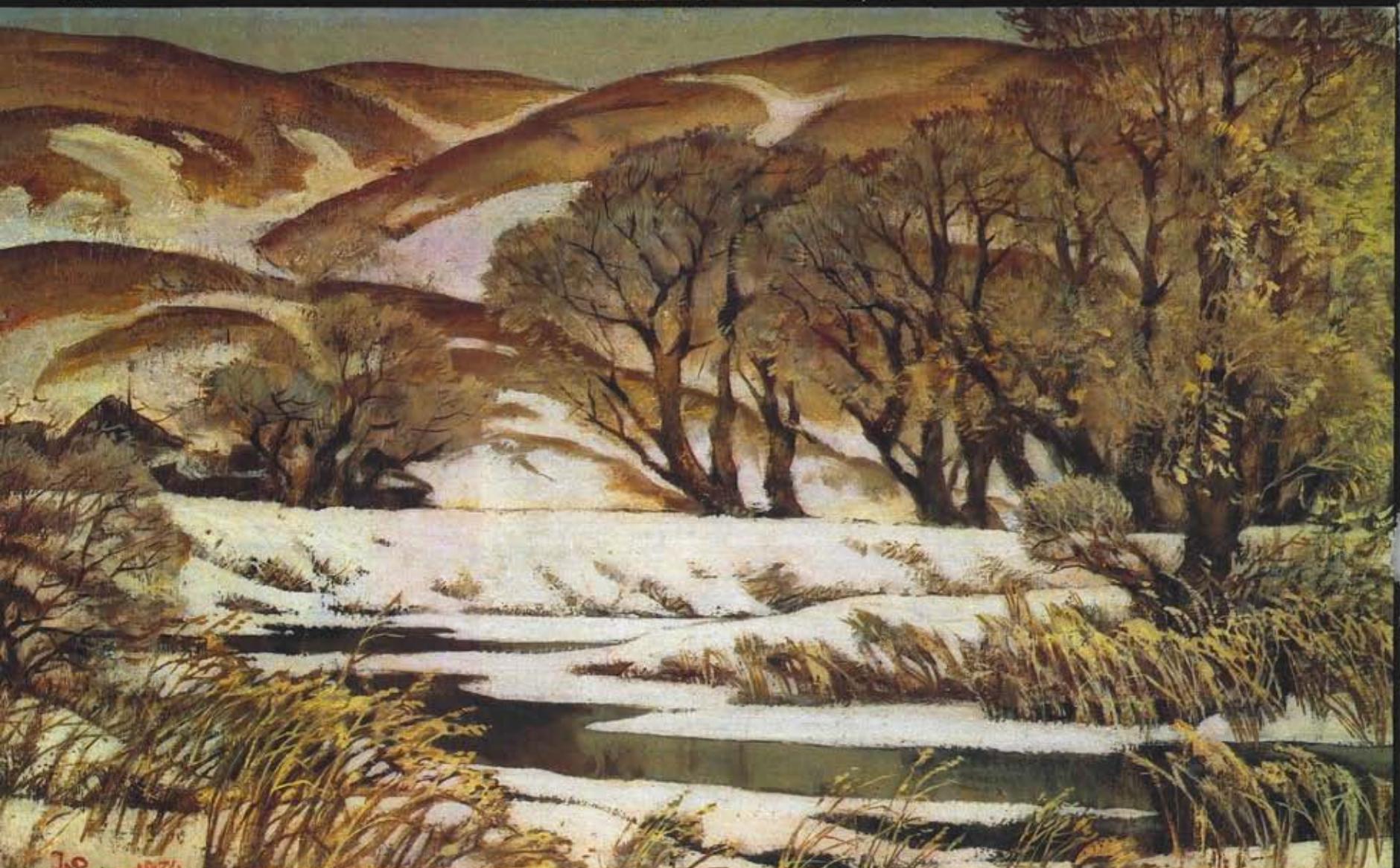

И НАВСЕГДА

Виктор ПОТАНИН

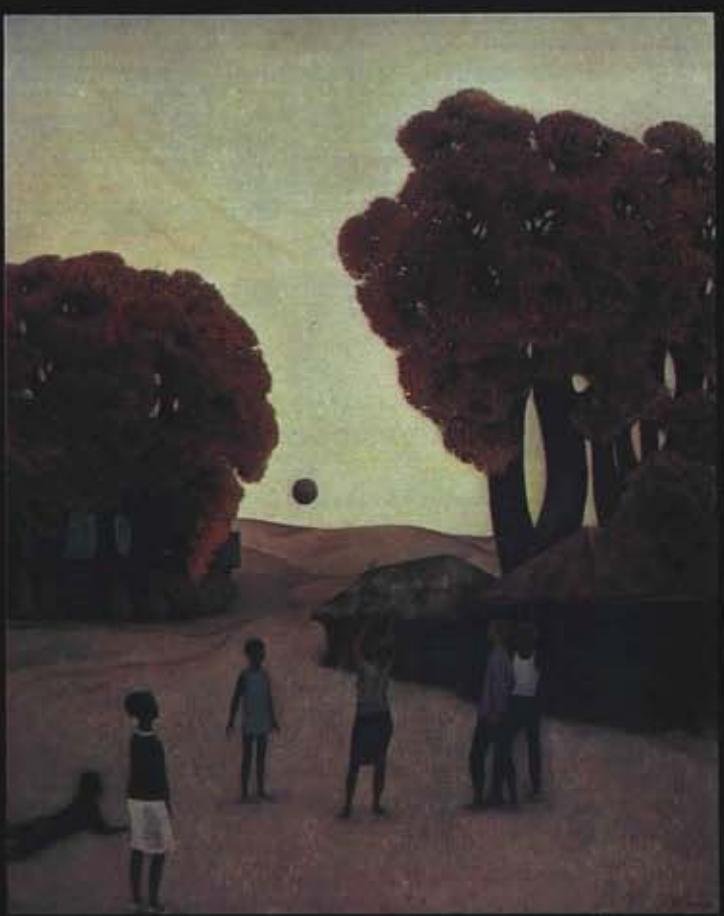
Тальник.

Гармония.

Беракит-77. Молодые зодчие

Воскресение

прощались... Где мне было знать тогда, что художник уже носил в себе тяжелую неизлечимую болезнь крови и, наверное, понимал уже, что дни его на земле сочтены.

Как это тяжело — не только написать, но и подумать: «Дни его сочтены...» Но еще тяжелее с таким знанием жить и работать. Какое нужно мужество, сила, страсть! И еще что-то сверх этого, что называем мы порой волей к жизни. Но я зачеркнул бы все-таки слово «воля» и поставил — «любовь». Да, любовь ко всему существу на земле — иначе не скажешь. У него это было, было. Потому он и работал как одержимый.

Вот и тогда метрах в пятидесяти от Собора он раскинул свой походный этюдник и стал рисовать. Я стоял близко и видел его рисунок. Это были, конечно, наброски, всего лишь поиски темы и интуиция, но все лицо художника как-то изнутри посветлевшо и стало бледным, почти что берестяным, а глаза стали сухими и жесткими и перестали замечать окружающее. Он видел теперь только Собор — творение, все его бесконечные каменные плетения, все витражи, фигуры и башни... И я наблюдал, как его карандаш единным росчерком рождает фигурки библейских царей и пророков, как стремительно выпытывает порталы Девы Марии и святой Анны, и все это появлялось под его некрупной, аккуратной лепки, но твердою рукой так стремительно быстро, что походило на фокус, нет, даже не фокус, а точно бы проявитель соединился с фотобумагой — и там, на листах у художника, сразу же все ожидало приобретая точные

формы и излучая дыхание. Именно дыхание, я не ошибся: рисунки жили уже своей отдельной от художника жизнью, и это было все-таки чудо. Вот оно, чудо, это чудо искусства — приходил я в восторг и без конца заглядывал к художнику на листы и даже пытался у него что-то спросить. Но Юрий Михайлович отвечал нехотя, односложно, а потом и совсем перестал отвечать, но я не сердился.

Красивое лицо его слегка напряглось; заострилось, и брови, широкие, темные, сошлись в одну тугую линию. С таким решительным и серьезным лицом в моей родной деревне Уятке мужики плотничают, рубят лес или косят сено. Только взмахнули лопаткой, положили рядок — и вот уже напряглись глаза, посуревели и точно бы уж говорят сейчас, кричат всему миру — не мешайте, не мешайте мне, я творю большое, самое главное крестьянское дело.

Да, Юрий Ракша тоже творил свое дело. Впрочем, слово «дело» мы уже договорились заменить на другое. Например, на слово «Страсть», написанное с прописной буквы. Поступив так, мы восстановили высшую справедливость, потому что Юрий Ракша всегда работал страстно, даже азартно, забывая в эти минуты обо всем, обо всем на свете... Даже о своей страшной болезни. Но об этом немногого позднее...

В музее Родена он повернулся к какой-то скульптуре и сказал глуховатым медленным голосом: «Зачем выставляют черновики великого человека? Роден бы этого не одобрил. А впрочем, сам виноват. Все наброски и варианты надо уничтожать самому. Зачем они? — это же шлак, отработка. Вот Модильяни — тот понимал! Он выбросил свои скульптуры в канал и забыл про них... Он был прав, он смущался потомков... Главное для художника — знаешь что? — Он посмотрел мне прямо в глаза и, не дождавшись ответа, продолжил: — Главное всегда — завершить картину, сохранив при этом первый эмоциональный замысел. А если у картины или скульптуры нет взлета, концовки, — тогда прямо в канал ее или в печку... Он засмеялся. — Это, знаешь, как роман без последних глав. Читать его можно, а лучше все-таки не читать... Художник усмехнулся и покачал головой. Мы шагали по залитому солнцем Парижу. А вокруг нас шумела толпа туристов, но Юрий Михайлович думал уже о чем-то другом...

Этот разговор я вспомнил, когда открыл «Советскую культуру», а там рассказ о том, как осенней ночью 1809 года, будучи на родине, в городе Ливорно, Модильяни выбросил в городской канал несколько своих неудачных скульптур. Впрочем, это только первая половина рассказа... А вторая о том, как современные власти этого города начали чистить дно канала. И вот прошло всего несколько дней, и — о радость! — на поверхность вытащили два скульптурных изображения, а через несколько дней — еще одно... Казалось бы, радость! Но все обернулось горем. Вокруг этой находки начались споры, целая драка на тему — подлинный ли это Модильяни или поддельный?! Не скрою, эту газетную статью я прочел как веселый, увлекательный детектив, а перед глазами у меня все время стояла ироническая усмешка Юрия Ракши и его голос: «Все наброски и варианты надо уничтожать самому. Вот Модильяни — тот понимал!»

Не верится, что Юрия Ракши уже нет на земле, что уже никогда-никогда мы не увидим его улыбки, не услышим его голоса...

А ведь если сказать правду, я все-таки кое-что знал о нем наперед и даже догадывался. Я, например, твердо верил тогда, что картины Юрия Ракши однажды окажутся в Третьяковке, что их поместят на-

всегда в лучшие музеи Европы. И когда так случилось, даже не удивился. Случилось закономерное. И все-таки я вижу сейчас, что мои воспоминания не получаются. А причина одна — я все время думаю о нем как о живом... И сам художник приходит ко мне не из прошлого, а все время как бы из будущего. И мне мешает вспоминать сейчас его слава, его посмертная слава, которая дошла сейчас и до самых лучших парижских музеев. А ведь однажды мы были с ним там просто как посетители...

Однажды... Какое это легкое, мимолетное слово. Точно пух с тополей, точно крылья весенних ласточки. Только тень на небу, и вот уж нет ничего. А ведь было же, было же все это — и его улыбка, и его походный этюдничек, и его глуховатый и сильный голос: «Если бы ты, Виктор, знал, как я люблю работать! Для меня работа — все. Абсолютно все — понимаешь?» И я молчал, боясь спугнуть его речь. Я так любил его слушать! Я так любил его глаза в эти минуты! В них сиял огонь нетерпения, а может быть, страсти. Да, да, страсть, помноженная на доброту, сострадание. Он очень любил эти два слова. Он даже талант определял как сострадание. Никогда не забуду его слова: «Талант — это сострадание. Заурядного человека от талантливого отличают умение и степень сострадания. Талантливый человек виден во всяком человеке, особенно ярко — в простом. Талантливый художник обладает наивысшей способностью сострадать. Он сострадает, когда воспринимает жизнь, затем — когда воссоздает ее в своих образах. Душа, способная понять художника, тоже должна уметь сострадать...»

Вот видите, как точно, бескомпромиссно: душа... должна уметь сострадать. И вот сейчас мне подумалось: а ведь он так и воспитывал свою душу — от нее постоянно шли лучи доброты и сострадания. Она всегда звала к себе и притягивала. Она светилась, она сверкала. И это был особенный свет...

И опять припомнилось, как мы были в знаменитом Музее импрессионистов, как бродили, не спеша, по национальному Музею современного искусства — залы были просторные и почему-то полупустые. И как, наоборот, стремительно, почти бегом, обходили Лувр. Времени на посещение этого храма искусства всегда не хватает... И припомнилось опять, как мы летели в розовый город — Тулузу. Летели на свидание с бессмертными шедеврами великого Тулуз-Лотрека... А потом в Каркассоне любовались старинным замком и узкими средневековыми улочками. А потом — Альби. Кастр и снова — музеи, выставки.

В походах по этим музеям и выставкам я всегда стремился быть поближе к Юрию Ракше. Иногда с грустноватой улыбкой Юра подводил меня к какому-нибудь шедевру и говорил точно бы про себя: «Теперь уже так не пишут... Смотри, какая точность, какая непреходящая сущность земли, деревьев и неба. И все для того, чтобы воспеть человека!» Слово «Человек» он произносил всегда с особым ударением и придыханием. Произносил почти что язычески, с невыразимой любовью...

А его походный этюдник почти не закрывался. Он ухитрялся рисовать даже по вечерам, даже ночью из окон номера гостиницы у вокзала Сен-Лазар. Я повторяюсь уже: Юрий Ракша был одержим. Он всюду искал для себя темы, сюжеты. Он часто делал мгновенные зарисовки. Где-нибудь в ресторанчике нам разливали супы, носят кофе, а он все рисует...

Я особенно запомнил наш последний, самый последний день в Париже. Даже точнее будет, если я скажу, что то был не день, а вечер. И мы

втроем пошли прощаться с Монмартром... Мы поднимались на вершину знаменитого холма по многогрустной лестнице нижнего склона. Везде на ступеньках — как сейчас вижу — сидело много подростков, студентов. У многих в руках гитары. Но молодые люди не шумели, не пели под гитару и не дурачились, они сидели почему-то молча, сосредоточенно. Стояла тишина, как в лесу. Снизу, с бульваров, сюда не долетали гудки машин, да и сами машины точно пропали и вымерли. И хотелось крикнуть, обратиться к кому-то — какой, мол, век сейчас, какое время? А звезды отсюда сияли ярко, пронзительно — у нас, в Сибири, так не сияют. И вдруг художник наклонился ко мне, стиснул локоть: «Смотри кругом и запомнишь. Сюда когда-то приходили великие. И Ван Гог, Пикассо... И наши русские тоже бывали». Его ладонь тихонько подрагивала. А внизу, в синем пламени электричества, плыл куда-то ночной Париж... «Города-корабли от меня уплывают...» — припомнилась чья-то строчка, а может быть, это своя собственная выплилась из души...

Так прошел час, а возможно, и больше. Звезды все так же сияли над головами, и ночь все так же не отпускала от себя, и все так же молодые люди сидели неподалеку в каком-то оцепенении... Кто-то из нас произнес: «Пора...» И я помню, как медленно-медленно мы стали спускаться по южному склону, и наши шаги были отчетливо слышны в тишине... Как потом прошли бульваром Клиши, как в последний раз оглянулись на «Красную мельницу» — знаменитый мюзик-холл Мулен Руж, как оказались на заброшенной уличке... Уличка примыкала прямо к холму, и на ней, наверное, жили студенты. Ну, конечно, студенты! Иначе откуда бы этот молодой и сразу покоряющий голос. Он шел на нас сверху — как будто бы с неба. Потому что скоро мы уткнулись в низкий железный заборчик, а там дальше — прямо во внутреннем дворике — пела певица. А может, то совсем была не певица, а просто девушка, которой почему-то взгрустнулось. Голос этот и сейчас у меня в ушах. Очень томительный, нежный, он не пел, а рассказывал, и рассказ был печальный. Наверное, эта печаль и покорила художника.

И мой спутник вначале остановился, потом резко подошел вплотную к заборчику и стал смотреть на певицу. На ней было белое, ослепительно белое платье. А может, это ночь его оттеняла. Не знаю, может, и ночь, но только всему этому он придал какой-то магический смысл. Я не ошибаюсь — художник заговорил, и голос его прерывался:

— Ну, что ты тоскуешь, милая? У тебя еще все впереди, все впереди...

В ту ночь мы прощались с Парижем. Но и Париж прощался с нами. Иначе зачем бы ему дарить нам такую теплую, звездную, почти летнюю ночь. К слову сказать, мы, конечно же, были не одиноки. Мимо нас, особенно на Большых бульварах, протекала огромная толпа туристов, и скоро мы утонули с головой в этом потоке и даже не сопротивлялись, не проявляли характера, а, наоборот, сразу и бесповоротно подчинились. И так бы ходили, может быть, до утра, но Юрию Михайловичу вдруг захотелось в отель. Теперь я понимаю, что ему стало просто плохо, он устал тогда, измотался по бесчисленным переходам, болезнь уже заявляла о себе.

Мы пошли по направлению к отелю. И тут случилась одна история. Впрочем, расскажу опять по порядку: в Париже витрины магазинов горят всю ночь до утра. Да что горят — прямо пылают неоном — то желтым, то синим, то фиолетовым... И вначале для свежего глаза это даже приятно. Но потом устаешь, утомляешься

от огней, от нестерпимого электричества — и уже болит от него голова и напрягаются нервы. Я видел, что Юрий Михайлович был такого же мнения об этой рекламе. Но в ту ночь случилось такое... Впрочем, пусть будет все по порядку. А началось с того, что он слегка обогнал нас. Шагал он быстро, мы за ним едва поспевали. И вдруг художник остановился у одной стеклянной витрины. Странно, подумал я, он изменяет своим привычкам. Но он стоял и что-то цепко разглядывал за стеклом. Через две-три секунды и мы были у этой витрины и тоже стали смотреть туда — за стекло. Но лучше бы нам не смотреть! Ведь там, за стеклом, в куче мелких опилок возились настоящие, живые щенки. Внизу огромными цифрами была проставлена цена за каждого.

— Господи! — воскликнул художник. — Хозяин магазина хотя бы света убавил. А то ведь ослепнут щенки. Как ты думаешь, могут ослепнуть? — Он смотрел на меня, на жену, и губы его дрожали. А я не знал, что ответить. Ирина стала его успокаивать, и он немного оттаял. Но голос все равно был напряженный и нервный.

— Пойдемте отсюда! — Он повернулся спиной к витрине и зашагал прочь крупным шагом. А шагов через десять опять оглянулся. Витрины уже не видно. Вместо нее дрожало небольшое желтое пятнышко. Но потом и оно исчезло — слилось с другими.

— Ты знаешь, — вдруг признался художник, — а ведь мне дали большой заказ — предложили написать картину о Куликовом поле. Ты представляешь, что это значит?

Я ответил, что представляю. И тогда он рассмеялся как-то по-мальчишески, очень весело, звонко. Он умел так неожиданно, звонко смеяться.

— Чудаки, а? И почему выбрали именно меня? Я никогда не писал на заказ. Всегда приносил на выставку готовые вещи. А это первый заказ, и я принял его всем сердцем. — И, немного помолчав, добавил: — Я три недели ходил и раздумывал, а потом согласился. Ты знаешь, я уже начал ее... — Глаза его опять засияли... И это было последнее, что было в ту ночь. В ту последнюю парижскую ночь, которая началась у нас на Монмартре.

А на другой день быстроходный «Ил» доставил нас в Шереметьево. Мы дома... Вот и настала пора прощаться. Супруги Ракши приглашают меня к себе домой. Но я почему-то отказался. Моя вечная деревенская стеснительность помешала мне, как всегда. Да и подумалось: побываю у них в другой раз. Успею...

Не сбылось, не случилось. Зато скоро, очень скоро попалась мне на глаза в одной из центральных газет некролог. Я читал и не верил глазам — не стало Юрия Михайловича Ракши... Я читал и не верил. Но как же! Ведь газета дальше сообщала, что он умер как воин, как гражданин, как художник. И что его триптих «Поле Куликово» попал уже в Третьяковскую галерею. И умер он у мольберта, в мастерской, прямо с кистью в руках. Упал — и больше уж не поднялся. Я не верил.

Не верю и сейчас. Нет, не верю... А недавно я увидел в одном из его посмертных альбомов те парижские зарисовки. Стал их смотреть, и все во мне сжалось, задрожало. А потом встала в глазах его улыбка... И его голос! Рисунки двигались по альбому, точно живые. Они были живые, потому что жив сам художник. Да жив. И в своих картинах, и в нашей памяти... Потом я прочел все в той же московской газете, что картины Юрия Ракши уже разъехались по всей нашей стране и по всей Европе... И подумалось — все правильно, все справедливо. Значит, художник Юрий Ракша вступает в свое бессмертие.

«Как замечательно вспоминать стихи Пушкина, Тютчева, Блока в момент самого неимоверного обстрела. Великолепна моя судьба: она кинула меня в самую гущу событий... Я — кристалл, в котором преломляются их лучи...» — так писал с фронта в мае 1943 года поэт Евгений Абросимов своему другу в Москву... Рослый парень, механик на заводе, один из ярких участников литературного объединения при журнале «Смена»... Он не вернулся из боя... Ветеранами Великой Отечественной стали и другие поэты и прозаики литербюдинга — Вадим Кожевников, Александр Коваленков, Павел Железнов, пишущий эти строки Яков Белинский...

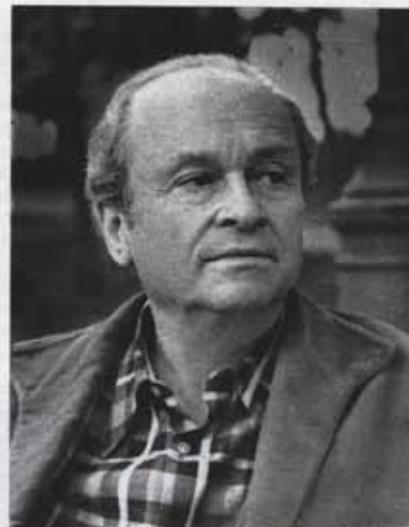
Мое первое опубликованное произведение — маленькая поэма «Девять негров» вышла в мартовском номере «Смены» за 1932 год. За ней в журнале стали печататься новые стихи: «Время», «Большевик», «Бетховен»... Наша литгруппа на своих занятиях встречалась с большими мастерами советской литературы. К нам охотно приезжали А. Толстой, И. Эренбург, И. Бабель... Шел откровенный, увлекательный разговор о жизни, о личности писателя, о мастерстве. Выступали в журнале со своими произведениями и критическими разборами В. Шкловский и М. Пришвин, К. Паустовский и Н. Ушаков... Конечно, нам, молодым литераторам, повезло — общение в начале своего творческого пути с кругом таких замечательных художников!

Я всегда ощущал и доныне чувствую внутреннюю связь с этими мастерами, столь разными, но каждый из них — с неповторимым талантом и ярко очерченной индивидуальностью. Часто встречались мы с заводской молодежью, читали мы свои стихи в студенческих аудиториях, встречались в Московской консерватории с начинающими композиторами. (Среди них — смуглый, черноволосый Арам Хачатурян и его сверстники...) Нередко приходили к нам и другие молодые московские поэты — Д. Кедрин, Я. Смеляков...

Поколения поэтов... Возраст мастера... Признаюсь, я придаю не слишком большое значение этим критериям... Истинный поэт — это всегда молодость. И если он утратил пронзительно ясное восприятие времени, острое чувство новизны, если он теряет способность излучать своим творчеством то, что способно взволновать его сегодняшнего современника, он просто перестает быть поэтом. Неудовлетворенность

сделанным и неотступное стремление к совершенству — без этого нет художника. Поэт — непрестанное саморазвитие, постоянное движение вперед, каждодневный поиск. Истины далеко не новые. Однако на семинарах молодых поэтов — в подмосковном ли Внукове, в далеком ли Иркутске, где мне доводилось быть одним из руководителей семинаров, хочется постоянно о них напоминать молодым. И не забывать самому.

Слово за молодыми поэтами! Слово новой смене!

ВСЕОБЩАЯ ЖИЗНЬ

Яков БЕЛИНСКИЙ

ТРИ ФРЕСКИ

Я стою на плечах отца. Мой отец на плечах деда... Держит мир на плечах предок рук моих, глаз моих, моего лица... Подо мною — бездонность тысячелетий. Без начала. И без конца. Сквозь негаснущий вечности ветер — вечный свет моего лица. О, ведущие в Завтра ступени, восходящие этажи. Гул идущих людских поколений. Без предела. Без края. Жизнь. Надо мной — ствол галактики. Справа и слева — ветви неба: людей и созвездий семьи. Вот мое генеалогическое древо. Я. Род Человеческий. Мы. Стоящие рядом. Идущие в Завтра. Летящие к звездам. Сколько нам лет? Говорят: один миллион. А дальше — путь в беспредельность. Мы. Род Человеческий. Те, что ушли. Те, что живут. Те, что будут. Каждый из нас — я, ты и он — часть громады, шагающей по тысячелетиям. Кто говорит, что мы смертны? Род Человеческий нескончаем. Богоподобный. Священный. Род Человеческий. Мы.

I СОН О КАМЕННОМ ТОПОРЕ И ПЕРВОМ ХУДОЖНИКЕ

Дымил костер, вздуваясь на ветру... Выл зверочеловек, ощерясь... Косматый круг и топот у пещеры... Гимн Каменному Топору... Зрачков не отводя, в упор я видел, как метались краски, и в пятнах пламени топор кружил в своей багровой пляске... За ним вилась волны тропа, царил закон звериной силы, топор, дробящий черепа, и первых воинов могилы...

И новый сон ворвался в этот сон, прозрениями странными чреватый, — бежал сквозь время яростный бизон, изображенный охрой красноватой... Средь тайников Гиссарского хребта, в пещере древней у Кигитангтая сияла мне рисунка красота, что за тысячелетья не устала... Глядел в глаза мне светоносный глаз, вонзались в камни — острые копыта... Мне снился сон... И было мне открыто, скрытое пластами лет от нас... Художник первый!.. О, как мне близка твоя мечта — исканий трудных время... Свет красоты струился сквозь века... Власть красоты преображала время... Средь грубых глыб рождался новый век, столкнулись свет и хаос круговерти... Так начинался новый человек, завоевавший право на бессмертье...

II СОН О ХИРОСИМЕ

Через 9 кругов Дантова ада ты ведешь меня, мой Вергилий, о, как жутко волит человечьих страданий громада, боль и ярость лики избородили. Ртов разъятых воронки. И ужас воздетых рук... По кровавым полям веков ты ведешь меня через 9 багровых кругов — в 10-й круг, которого у Данте нету... Мы с тобой переплыли не Стикс, а бессонную Лету, что давно не лепечет, а ревет разъяренно, правит Робот ладьей вместо старца Харона... Мой Вергилий! — не тот в одеянии белом, чье чело гордится лавровым венцом, — мой Вергилий — голый мальчик с полусожженным телом, с тем безглазым, безгубым, что было когда-то лицом... Вижу! Хватит! Ступнями босыми, — весь сплошной келоид, за струпом — струп, — ты ведешь меня снова в ту Хиросиму, — в 10-й круг... Пузыри земли. Пляска атомной пыли. И молчание тысяч. Но кричит каждый камень... Беспощадно со мной мой Вергилий — память...

III СОН О СТЕНОБИТНОЙ МАШИНЕ

Я видел город. Вставший на вершине холма. Напоминающий наяду, античную... Стена. И стенобитная машина, несущая сквозь ночь свою кувалду, — Бараний Лоб, окованный железом и обагренный кровью и пожаром, раскаивающейся всем стотонным весом, всей яростью за миг перед ударом... Стена, что окружает дивный город — мир мастеров, мыслителей и магов, — он стар, как мир, и беспредельно молод, над ним шумят веселый праздник флагов... Идут за стенобитною машиной всю ночь вооруженные мужчины — псырыщи, ландскнехты, канониры, — пищали, аркебузы и мортиры... И вот уже средь топота и гула, в седых снегах или в пустынях знайных отсвечивающих длинной сталью дула орудий дальнозорких, дальнобойных... И дальше — вслед — бесстыжий и коварный, угрозой наглоя всем земным пределам, — баллон, несущий подлый газ бинарный и узкий лазер с дьявольским прицелом... Стена. И город. Вставший на вершине холма... Дома его, одетые загаром зари... Стена. И стенобитная машина. Ее таран. За миг перед ударом...

■ ■ ■

Бег времени. Неукротимый бег... Закончив спор, над коим буря кружит, шагнуть всем миром в XXI-й век, XX-му — в музей — сдав оружье! Убить войну! Навеки. Навсегда. Чтоб твердь Земли вновь кровью не намокла, чтоб радостно вздохнули города, лежавшие под острием Дамокла. Чтоб в мире цели не было святей: сотворчество и всех народов благо, чтоб был спокоен мирный сон детей в домах Чимкента и в домах Чикаго. Чтоб в день грядущий распахнут врата, в тот век, где неразрывны мысль и чувство, где высшая сияет красота, связя труд, науку и искусство. Пускай растопят свет и власть весны вчерашних льдов заторы и торосы!.. О, новый день — сияние новизны! И новые Эйнштейн и Ломоносов!.. Пусть правит мысль, высвечивает дали, — всеслитна связь сердец, и рук, и лбов: ты — Человек и, значит, гениален, и гениальна каждая любовь! Судьба Земли — содружество людей, хор всех народов — белых, желтых, черных, всех сил Земли, навек раскрепощенных, Всеобщий путь. И нет других путей... Да будет мир вовеки нерушим! Да светит солнце мира всем народам! Да не погаснет Разум! Защитим Бессмертье Человеческого Рода!

началось все... с кукол. Учащиеся единецкой школы № 3, ожидавшие гостей из Прибалтики, решили преподнести на память своим сверстникам не совсем обычные сувениры. Накупили кукол-гольшней, выкроили для них одежду, расшили ее гладью и болгарским крестом.

И обычные куклы превратились в красавиц молдаванок, наряженных в яркие национальные костюмы. Выдумка понравилась и гостям, и хозяевам.

Вскоре после этого кто-то подал идею: а почему бы не вышить таким же образом и костюмы для школьного танцевального ансамбля? Попробовали — получилось. На одном из концертов костюмы увидели руководители соседнего колхоза. Тут же оформили заказ на изготовление нарядов и для своих самодеятельных артистов. А к тому времени, когда юные мастерицы смогли получить первое в жизни вознаграждение

за труд (в виде экскурсий и туристических путевок), в стране появились и первые кооперативы.

Бывший директор школы, покойный ныне Василий Федорович Бурденюк, был человеком инициативным и энергичным. Это он предложил, казалось бы, немыслимое предприятие. В числе его сторонников оказалось подавляющее большинство педагогов и абсолютное — учащихся. Так в районном центре Молдавии родился первый в стране школьный кооператив. Точнее — кооперативно-производственное объединение «Интеграл».

— Перед нами постоянно стоял большой вопрос: как организовать производственный труд школьников, — рассказывает Мария Павловна Лаблюк, учитель химии (есть у нее еще одна должность, которая так и называется — организатор производственного труда). — Куда бы я ни обращалась, везде встречала отказ. Детский труд у нас не поощряется. А сегодня нам уже не нужно ходить с протянутой рукой. Иголка да нитки — вот и все, что требуется для работы. Правда, мальчикам приходится сложнее. Они у нас осваивают инкрустацию по дереву.

ЕДИНЕЦКИЕ РУКОДЕЛЬНИКИ

Александр КОБЕЦ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Вышивка,
шитье,
вязание —
любимые занятия
восьмиклассницы
Светланы
Каминской.

В кооперативе
есть дело
и для мальчиков.

В колхозном
детском саду
праздник:
кооператив
привез
нарядные костюмы.

А это и специальные материалы, и инструменты, и даже дорогостоящий пресс.

Хотя мы делаем лишь первые шаги (кооперативу нет и года), — вступает в разговор председатель кооператива Иван Афанасьевич Марцефляк, — все время ищем новые области применения сил и навыков ребят. Мальчики сколачивают посыльочные ящики; недавно с местным дорожно-ремонтным строительным управлением заключен договор на изготовление из листового железа различных деталей для отделки кровель, парапетов, подоконников. Девочки шьют теперь и летнюю одежду, рассчитанную на массового покупателя, — блузки, платья, комбинезоны. Готовые изделия реализуются через Райпотребсоюз. Постоянно вступаем в контакты с предприятиями местной промышленности, предлагая выпускать ту продукцию, в которой они испытывают дефицит. Уверен, что в заказчиках недостатка не будет...

Заработка ребят — от 10 до 50 рублей в месяц. Как их тратят? Алла Бадалий, например, вносит все деньги в семейный бюджет. Инга Оболончик купила школьную форму, ранец и учебники брату. Оля Матвеева собирается приобрести туристическую путевку.

Главная наша задача, конечно же, не набивание мошины, а приобщение детей к общественно полезному, производственному труду, — убежден И. А. Марцефляк. — Десятиклассникам, членам кооператива, мы завели трудовые книжки. Человек еще учится в школе, а у него уже идет трудовой стаж! Вступая в производственные отношения, наши дети учатся рачительности, умению ценить труд, трудовую копейку. Появляется хозяйствское отношение к своему делу. А ведь чего-чего, а именно бесхозяйственности мы все хлебнули с избытком в последние годы... У каждого из учащихся — своя норма. За ту работу, что ребята выполняют дома, они получают сто процентов заработка. А за выполненную в школе — половину. Вторая идет на

счет школы. И, поверьте, недовольства этим ребята не проявляют. Напротив, ведь средства, полученные с их помощью, идут на оборудование классов, укрепление материально-технической базы школы.

Но не мешает ли работа в кооперативе нормальной учебе? И учащиеся, и педагоги отвечают в один голос: нет, не мешает. Принимают лишь тех, у кого нет троек и чьи родители подают заявления с просьбой включить их ребенка в состав кооператива. Заявление визируется классным руководителем.

Взрослых в «Интеграле» много — пенсионеры, учителя, но труд их оплачивается ниже, чем детский. Если взрослый получает за некую операцию, скажем, рубль, то подросток — на семьдесят копеек больше.

Опыт единецкого школьного кооператива поучителен. Перенимать его едут из разных концов республики. Растет спрос и на его продукцию. Образцы ее представлены на ВДНХ Молдавской ССР. Знают об умельцах из Единцов и за пределами республики. В далекий Мурманск ушла недавно заказанная партия русских и молдавских народных костюмов, расшитых рукодельницами из третьей школы.

А вот в местном руно да и в Министерстве просвещения Молдавии интереса к кооперативу нет. Более того, районный отдел народного образования запретил снабжать заказами учащихся четвертых—шестых классов. А ведь именно шестиклассницы, как рассказывали мне педагоги из третьей школы, особенно настойчиво просят, буквально умоляют, дать им хоть какую-нибудь работу. Так стоит ли быть по ручонке, тянутся к труду? Может статься, позже она не давать, но лишь братя пожелает...

Вероятно, в министерстве и руно считают кооператив не лучшей формой приобщения школьников к производственному труду. Пока учреждения ищут альтернативу «Интегралу», в Сорокском районе Молдавской ССР готовится к открытию новый, сельскохозяйственный школьный кооператив.

НЕИЗЛЕЧИМАЯ «БОЛЕЗНЬ»
— Второй, второй, я первый, объект на месте, перекрывают дорогу.

— Я второй, вас понял, перекрываю.

Голубые «Жигули» резко вырулили на шоссе и стремительно рванули вперед — стрелка спидометра показывала 120. Вот и стоянка для иностранных машин. Водитель красных «Жигулей» растерянно оглянулся. Его приятель, невысокий толстячий молодой человек с черными усикиами и в полосатых широких штанах, удивленно хлопнул глазами и все время повторял: «Откуда они взялись, я же все проверил!»

— Милиция! Документы, деньги и вещи на капот!

Оба фарцовщика от такого неожиданного поворота все еще находились в шоковом состоянии. Покорно выложили из карманов ключи, паспорта, две толстые пачки денег — в каждой по несколько тысяч. Купленный у иностранца магнитофон «Шарп» так и стоял на капоте красных «Жигулей». Неожиданно толстячок завопил истошным голосом:

— Только здесь обыскивайте машину, а то потом валюту подложите! Я вас знаю!

К нему приблизился один из сотрудников УБХСС.

— Арам, успокойся.

Фарцовщик удивленно глянул на оперуполномоченного.

— Володя? А я тебя не узнал! — Толстячок заметно сник и плаксивым голосом затараторил: — Володя, ты же меня знаешь, я валютой не занимаюсь, только шмотками, вот хотел аппарат для жены купить.

Едем до ближайшего поста ГАИ, составляем соответствующие документы. Водитель красной машины Виктор Калайда, мастер-строитель Выборгского СПМК, бормочет что-то невнятное. Мол, ехал на станцию техобслуживания колеса отбалансировать. Только вот зачем взял с собой две с половиной тысячи рублей, объяснить не может. Балансировка колес стоит значительно дешевле. Арам Григорьянц, мастер-спасатель Рощинской спасательной станции, наоборот, спокоен и даже весело улыбается. Многих работников УБХСС он уже узнал, встречались не раз, называет их по имени, щедросыплет комплименты.

— Ну, мужики, вы и даете, грамотно нас взяли! Не ожидал, вот это работа!

Несмотря на свои 25 лет, прожженный фарцовщик Григорьянц прекрасно знает, что, как всегда, отделяется штрафом. Ничуть не смущаясь, откровенно рассказывает о сегодняшнем дне.

— Выехали на трассу, у финна за 150 рублей взяли «Шарп».

— А валюта? — спрашивал руководитель группы задержания Юрий Осипов. — Давай разберемся, кто и кому ее подложил?

Григорьянц видит Осипова впервые, панибратьяский тон сразу меняется на предупредительно вежливый, даже заискивающий.

— Да нет, что вы, такого никогда не было. Понимаете, там, на стоянке, нервы сдали. А на трассе я больше не покажусь, клянусь вам. Всю жизнь на ней провел, тянет сюда, словно болезнь какая-то. Но я заявлю, клянусь.

Работает Григорьянц по ночам, днем свободен (правда, кого ночью надо спасать, он и сам затрудняется ответить). С начальством отношения отличные. Еще бы — только что прошел А. Якунин, начальнику Рощинской спасательной станции, свои новенькие «Жигули»-2106-дешевые госцены. Так что если и придет «телефага» на работу, не страшно.

Григорьянц и Калайда обычные, так называемые трассовики. Постоянно выезжают на международную трассу Ленинград — Выборг, останавливают иностранцев и покупают у них все возможные вещи, а потом перепродают их в тридорога. Если удаётся, берут валюту, ею занимаются гораздо выгоднее, хотя опаснее. Но пока, как говорится, бог миловал.

Начальник отделения УБХСС ГУВД Леноблгирисполкомов Юрий Осипов уже давно занимается борьбой с валютными сделками. Несмотря на молодость, опыт по этой части у него большой. Вместе со своими товарищами часто задерживает валютчиков в ресторанах, барах, на улицах Ленинграда, но иногда приходится выезжать и на трассу. Ведь все беды для его отделения начинаются именно отсюда.

ИЗ ИСТОРИИ. Само понятие «трассовики» появилось в начале 60-х годов, когда поехали через Выборг первые иностранные туристы. Сюда любители легкой наживы приходили пешком, с собой брали пару-две бутылки водки и рублей 50 денег. Рас-

ях, другие — у гостиниц на улицах. Знакомятся с иностранцами тоже по-разному, для этого у фарцовщиков существуют десятки способов. Трассовики выделились в особый контингент фарцовщиков — в так называемые «сливки общества». Они первыми вступают в контакт с иностранцами, берут больше товаров, и по более дешевой цене, а потом передают приезжих своим городским «коллегам». Дальше, как по конвейеру, зарубежные гости переходят от «ресторанно-гостиничных» фарцовщиков к «уличным».

ПОЧЕМУ ЭТО ЯВЛЕНИЕ ТАК ЖИВЧЕ? Причин много. Это и значительные доходы валютчиков, фарцовщиков и спекулянтов, и несовершенство законодательства, и отсутствие действенных мер борьбы с ними. Постараемся рассказать о каждой из этих причин отдельно.

Некто Павел Барбаш (27 лет) по кличке Маня и Андрей Петров (28 лет) знакомы давно. После армии занялись фарцовкой вплотную, и вскоре каждый из них купил по... три автомашины. С 1985 года они стали

совики, а есть рыбка покрупнее. Недавно в третий раз сел на скамью подсудимых спекулянт-оптовик Валерий Власов. В обороте у этого человека находились сотни тысяч рублей.

Регулярно появлялся на трассе и скупщик валюты Тараканов. Ведь трассовики стали главными поставщиками валюты для крупных городских дельцов. Недавно Ленинградское телевидение показывало судебный процесс над группой валютчиков: Дахьей, Таракановым, Рогинским и другими. Михаил Дахья (32 года, ранее уже судимый за валютные операции) с сентября 1984 года по март 1985 года вместе со своими компаньонами незаконно переместил через госграницу СССР товаров и ценностей на 1 миллион 20 тысяч 18 рублей 88 копеек. Валюту, которая шла с трассы, Дахья в основном и использовал в своих махинациях.

Но выбраться на самые «верхи» удается не каждому. В погоне за призрачным богатством очень многие молодые люди калечат свои судьбы,

Леонид МИЛОШ

ходили по всей трассе, группами по 20—30 человек скапливались на стоянках для иностранных машин и ждали, пока вдали покажется яркий заграничный автобус. Покупали в основном жвачку, джинсы, рубашки. Доходы от перепродажи подобных мелочей были весьма значительные: сотни — другая. Постепенно иностранные водители знакомились с завсегдатаями трассы, заводили с ними более тесные контакты. Совершенствовались и трассовики: учили иностранные языки, брали с собой более крупные суммы денег, устраивали в лесах тайники.

Стали беспокоить их и работники милиции. Проедутся по трассе, найдут автобус до отказа и — в ближайшее отделение милиции. Но какими-либо действенных мер правоохранительные органы в те годы к фарцовщикам принять не могли. Воспитательная беседа — и все, даже вещи, купленные у иностранцев, приходилось возвращать. Позже вышел закон: за скупку вещей в неподтвержденных местах штраф 10 рублей. Но подобные меры не останавливали фарцовщиков, скорее наоборот.

Этот промысел уверенно проник во все крупные города, куда приезжают иностранные туристы, разделился на многочисленные, если так можно выразиться, группы специализации. Одни пристают к иностранцам в гостиницах, ресторанах, музе-

вывезжать на трассу вдвоем, как говорят работники милиции, — в одном экипаже. Правда, через два года дружному экипажу пришлось расстаться — попались на валютной сделке. Но уголовное дело возбудили только против Петрова. Барбаш-Маня удалось отвертеться. Он прекрасно знал, что его дружок скоро предстанет перед судом, что их промысел рано или поздно приведет на скамью подсудимых. Но через три дня Маня снова был на трассе, только уже на другой машине. Правильно заметил Григорьянц — болезнь. Ведь за последние годы трасса дала Барбашу не только новенькие автомобили, но и дорогостоящую видео- и радиоаппаратуру, многочисленные гардеробы импортных одеяний, толстую пачку денег и самое главное — непоколебимую уверенность в собственной безнаказанности.

Если Арам Григорьянц хоть для приличия клянется, что забудет трассу, то Барбашу не до приличий. Ловите его, доблестные работники милиции, но на трассе он будет каждый день, и с поличным его никогда не поймают. По крайней мере так заявляет Барбаш-Маня. Кстати, тот же Григорьянц приехал на трассу на следующий же день после задержания. Штраф — четвертый за этот год — его тоже не вылечил.

Григорьянц, Барбаш, Петров и им подобные всего лишь рядовые трас-

совики, попадают на скамью подсудимых. Впрочем, проходят через это и те «везунчики», которым удается ухватить приличный куш. Недавно был задержан и самый удачливый валютчик Ленинграда — Александр Иванов по кличке Бэст. В незапамятные времена он мог выйти на улицу в одних спортивных штанах, занять сорок рублей, а вечером, облачившись в дорожие заграничные одеяния, прогуляться в ресторане «заработанные» две тысячи рублей. Пrijатель и учитель Дахья и Тараканова Иванов действительно был до какого-то дня удачливее других. Все-таки в активе две судимости, да и возраст уже обязывал — не мальчик, скоро сорок. Но и «счастливчик» Бэст попался с поличным. В его машине обнаружили крупную сумму финских марок и 4279 рублей — его дневную выручку.

Этот перечень можно продолжить. **ОБРАТНАЯ СТОРОНА «МЕДАЛИ»** — К сожалению, количество валютных сделок растет, фарцовка и проституция тоже получили широкое распространение среди определенных категорий нашей молодежи, — говорит заместитель начальника УБХСС ГУВД Е. Олейник. — Валютные операции становятся не только самым доходным промыслом, но и модным среди них. Средний возраст дельцов — двадцать с небольшим. И они разворачивают других моло-

дых людей, паразитируют. От некоторых работников милиции еще можно услышать, что, мол, валютчики не так страшны, как кажется. Глубокое и опасное заблуждение. Если в ближайшее время мы не примем действенных мер, которые позволят покончить с ними, нашей стране будет нанесен значительный экономический, моральный и даже политический урон.

Валютные сделки действительно наносят большой экономический урон стране. Валюта, минуя Госбанк, попадает в руки преступников, ведь иностранцы охотно идут им навстречу, так как те платят значительно больше, чем по официальному курсу. Тем самым происходит девальвация рубля, падает его покупная способность по сравнению с инвалютой даже внутри СССР. Многие иностранцы, которые очень часто бывают в Советском Союзе, тоже делают на этом бизнес. Контрабандой везут в нашу страну большие партии вещей, валюты. Но если экономический ущерб еще как-то можно подсчитать, то в каких показателях измерить нравственный, моральный урон?

Подобное явление несет большое социальное зло, разворачивает других. У нас еще, к сожалению, есть такие должности, где надо только сидеть, смотреть и даже спать. Практической пользы от такой работы нет. Ведь, например, те же сторожа, как правило, не материально ответственные лица и в случае кражи ущерб государству не возместят. Они, вроде огородного пугала — поклюют птицы урожай, с пугала за это не спросишь. Есть множество и других специальностей, где числиться может один, а работу выполнять другой, по-настоящему нуждающийся в деньгах. Это и должность банщика Барбаша, сторожа Петрова, туалетчика Дахи. Таким образом получает распространение новый вид паразитизма. По закону такой «работник» ничем не отличается от других — оплачиваемый отпуск, больничный лист, трудовой

законодательные прорехи. Помогает валютчикам-фарцовщикам и несовершенство законодательства. Например, сколько ни лови фарцовщика за скопку вещей, он отделывается штрафом. (Правда, сейчас он увеличился до ста рублей.) Но что такое сто рублей для человека, имеющего большие нетрудовые доходы? Укус комара, не больше! А после каждого задержания фарцовщик становится более опытным и осторожным. Если проанализировать это явление с точки зрения логики и законодательства, то фарцовщик, задержанный более двух раз, — потенциальный спекулянт. Почему более двух? Первый раз он клянется, что вещи покупал для личного пользования. Но после первого задержания (с точки зрения закона) должна действовать презумпция невиновности. Если доводы человека нельзя опровергнуть другими фактами, ему надо верить. А почему только потенциальный спекулянт после второго задержания? Вот здесь уже логика вступает в конфликт с законом.

По закону человек признается спекулянтом только тогда, когда доказано, что он перепродал вещь дороже, то есть получил наживу. Когда ловят фарцовщика, он еще ничего не успевает продать, только покупает. И в данной ситуации для него действует палочка-выручалочка — личное пользование. По закону в его действиях (хотя в сотый раз) никакой спекуляции не будет, только скопка. А по логике? Десять штанов сразу не наденешь, и десять магнитофонов сразу слушать не станешь. Фарцовщики берут вещи только для перепродажи, то есть для спекуляции. Вот и получается замкнутый круг: знаем, но сделать ничего не можем, только оштрафовать. Доказывать фарцовщику его спекуляцию — занятие неблагодарное и бесполезное. Необходимы показания иностранца, который продавал вещи. Иначе фарцовщик может заявить, что продает вещи по тем же

законодательные наказание — штраф. Можно скупить валюту случайно и впервые, на этот счет в законе тоже существует снисхождение — лишение свободы условно. Те, кто составлял подобные законы, плохо знают валютчиков — так считают практические работники милиции. Во-первых, случайностей в валютных сделках не бывает, валюту берут только с определенной целью — перепродать, во-вторых, валютчики, как правило, покупают валюту небольшими партиями, колят ее (кулькуют), а потом реализуют оптовому покупателю, вроде Дахи.

В последнее время в адрес прокуратуры и суда было высказано много нареканий по поводу слишком жестких и даже в некоторых случаях необоснованных наказаний. Кто-то правильно понял критику в свой адрес, а кто-то нет. Раз нужны мягкие наказания — пожалуйста. Подобная перестройка правоохранительных органов валютчикам понравилась.

Некто Виктор Балан был задержан с поличным во время скопки у финна вещей на инвалюте — есть и такой вид промысла. Балан признался в незаконной валютной сделке, подтвердили это финн и его жена. Работники УБХСС больше года «охотились» за Баланом, человеком, в мире валютчиков известным. И вот наконец поймали. Пошли за постановлением на арест и обыск квартиры. Но им отказали. «Зачем его арестовывать, если он и так во всем признался?» — такой ответ сотрудники милиции слышат уже не в первый раз. Балана отпустили, и вскоре тот изменил показания. Оказывается, он покупал вещи у финна на рубли, а не на инвалюту. Подтвердили это и новые «свидетели» — сожительница Балана и его закадычный друг-фарцовщик. Кстати, при досмотре у финна не нашли ни одной единицы советских денег. Но адвокат и новые «свидетели» упорно гнули свое: валюту

дательницы по его делу и говорят, что они не будут давать против Иванова показания. Пытаюсь разобраться, в чем дело. Оказывается, в зале судебного заседания адвокат при всех спрашивал их место работы, жительства. Сам Иванов на скамье подсудимых, но в зале полно его друзей. И если эта честная компания нанесет визит свидетелям, то как бы действительно Бэст не превратился в невинную жертву. От своих показаний свидетели откажутся. Виноваты будем мы — не смогли найти «нормальных» свидетелей. А то, чего доброго, и перед Ивановым извиняться придется.

Зачем спрашивать в суде фамилию места работы, жительства? Закон требует. А кому нужен такой закон, если он не защищает интересы людей, справедливость? Например, в законодательстве США недавно принята дополнительная мера по охране жизни и интересов свидетелей, дающих показания против мафии. Свидетель может сменить имя и место жительства. Причем все эти сведения хранятся в строгой тайне и охраняются законом. Новая мера уже принесла ошеломляющие результаты в борьбе с мафией.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ. Но существуют не только чисто юридические проблемы и трудности. Валютно-фарцовочная деятельность тесно связана с экономикой. Наша легкая промышленность, мягко говоря, уступает западной. Люди хотят купить более красивое, более качественное изделие, и это вполне понятное желание. Пока мы будем выпускать безвкусный ширпотреб, спрос на заграниценные изделия никогда не упадет. Соответственно останутся спекулянты, валютчики и фарцовщики.

А выход найти можно. Один знакомый директор текстильной фабрики как-то сказал: «Если нашу легкую промышленность поставить в жесткие рамки спроса — предложения,

ФАРЦОВЩИКИ

стаж, пенсия. Только подобные «трудящиеся» — те же бездельники и тунеядцы, вроде Бэста и Власова,

А вообще-то валютчики стараются устроиться поближе к интуристовскому заведению. Кем — не важно, была бы официальная «крыша». И им это удается. В гостиницах и ресторанах любители заграничных купюр чувствуют себя как дома и своего начальства не боятся. Наоборот, подчас начальство само создает благоприятнейшие условия для валютных махинаций. Многие валютчики — официанты и швеицары — платят своему руководству налог, в два-три раза превышающий их собственную зарплату. Недавно сотрудники УБХСС возбудили ряд уголовных дел против администрации и дирекции некоторых ленинградских ресторанов. Началось все с незаконных валютных сделок, а всплыли взяточничество и коррупция.

Поймать валютчика с поличным — дело нелегкое. С «городскими» проще, с трассовиками сложнее. Не напрасно удивлялся и расточал комплименты Григорьянц: действительно сотрудники УБХСС оказались на высоте.

У трассовиков существует целая система «работы» с иностранцами. И самое главное здесь не ловкость и изобретательность — в милиции тоже не дураки работают — а скорость машины.

ценам, что и покупает. Абсурд? Возможно, но закон-то не интересует эмоции, нужны факты. Когда иностранец покинул пределы Советского Союза, фарцовщик может продавать приобретенный у него товар по любой цене, главного свидетеля уже не найти.

Будет разумно, если в отношении к фарцовщикам ввести возрастающее наказание, как по всем видам преступления УК РСФСР. (Ведь увеличили же штраф от 10 до 100 рублей.) На первый раз достаточно оштрафовать на 100 рублей, на второй, к примеру, уже на тысячу, на третий — конфискация машины, лишение водительских прав или даже лишение свободы. Уверен, подобная мера даст реальные возможности покончить с этим злом. А то сейчас происходят какие-то странные игры: одни убегают, другие догоняют. Догонят, отпустят, и снова игра продолжается. Странная игра для взрослых людей.

Не все гладко в законодательстве и в отношении валютчиков. Уж, кажется, серьезное преступление, относящееся к разряду государственных, и все-таки... Нет в Уголовном Кодексе РСФСР статьи за хранение валюты. Покупать, продавать, совершать иные операции с валютой запрещено, а хранить, значит, можно? Не парадокс ли? Можно скупить валюту в небольших количествах, за

подложила милиция. Знакомая фраза, не правда ли? Показания понятых, дружинников, сотрудников УБХСС, не говоря уже о финне и его жене, были взяты под сомнение. В итоге матерый валютчик получил условное наказание, и сейчас его персону снова можно встретить у гостиницы «Европейская». Что он там делает, лучше спросить у самого Балана.

А ведь в законе ясно сказано, в каких случаях применяется арест подследственного до суда: если совершил тяжкое преступление и задержанный может скрыться, если подследственный может совершить другое преступление или мешать следствию.

Когда работники милиции взяли с поличным изрядно всем надоевшего Бэста,казалось, можно вздохнуть свободно. Но не тут-то было. Сперва сотрудники милиции не могли добиться его ареста. Поэтому Иванов взялся за «обработку» двух свидетельниц, которые случайно оказались на месте совершения им валютной сделки. Впрочем, обрабатывать их в том понятии, в котором подразумевает читатель, он не собирался. Резюме преступника было коротким — найду, убью! Но он их не нашел, работники УБХСС настояли на его изоляции.

Рассказывает Юрий Осипов: «Неожиданно ко мне приходят две сви-

детельницы по его делу и говорят, что они не будут давать против Иванова показания. Пытаюсь разобраться, в чем дело. Оказывается, в зале судебного заседания адвокат при всех спрашивал их место работы, жительства. Сам Иванов на скамье подсудимых, но в зале полно его друзей. И если эта честная компания нанесет визит свидетелям, то как бы действительно Бэст не превратился в невинную жертву. От своих показаний свидетели откажутся. Виноваты будем мы — не смогли найти «нормальных» свидетелей. А то, чего доброго, и перед Ивановым извиняться придется.

Зачем спрашивать в суде фамилию места работы, жительства? Закон требует. А кому нужен такой закон, если он не защищает интересы людей, справедливость? Например, в законодательстве США недавно принята дополнительная мера по охране жизни и интересов свидетелей, дающих показания против мафии. Свидетель может сменить имя и место жительства. Причем все эти сведения хранятся в строгой тайне и охраняются законом. Новая мера уже принесла ошеломляющие результаты в борьбе с мафией.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ. Но существуют не только чисто юридические проблемы и трудности. Валютно-фарцовочная деятельность тесно связана с экономикой. Наша легкая промышленность, мягко говоря, уступает западной. Люди хотят купить более красивое, более качественное изделие, и это вполне понятное желание. Пока мы будем выпускать безвкусный ширпотреб, спрос на заграниценные изделия никогда не упадет. Соответственно останутся спекулянты, валютчики и фарцовщики.

А выход найти можно. Один знакомый директор текстильной фабрики как-то сказал: «Если нашу легкую промышленность поставить в жесткие рамки спроса — предложения,

Ледовая крошка фонтаном брызжет из-под заднего колеса, и кажется, что на такой скорости просто немыслимо волить в вираж — вынесет, кинет на бровку, раздаст чудовищная центробежная сила. Но гонщик, положив машину почти параллельно земле, аккуратно обкатывает поворот, чтобы вновь распрымиться на прямой, разогнаться на просторе. А через считанные секунды — новый вираж. Это и есть спидвеи.

Его летний собрат — мотогонки на треках и гаревых дорожках стадионов — приобрел мировую известность в начале 30-х годов. Зрелищно этот вид казался очень выигрышным, вот только зимой гонщикам негде было поддерживать спортивную форму — чтобы представить в те годы мотоцикл на льду, нужно было, согласитесь, обладать довольно богатым воображением. Во всяком случае, когда 9 января 1939 года диктор на стадионе «Динамо» объявил, что в перерыве хоккейного матча на опоясывающую поле ледовую дорожку выйдет человек и будет кататься на мотоцикле, ни один зритель, несмотря на трехсучий мороз, с трибун не ушел. Да что там болельщики — сами хоккеисты остались посмотреть на диковинное зрелище. И слесарь завода «Красный пролетарий» Сергей Бучин их не подвел, отмерив колесами с металлическими шипами собственной конструкции ровно десять кругов по овалу стадиона с вполне приличной по тем временам скоростью — почти 40 километров в час. Сегодня гонщики, бывает, разгоняются на прямых участках до двухсот пятидесяти.

Новым видом спорта заинтересовался ДОСААФ. Союз оказался прочным — спустя почти полвека ледовые гонщики салютуют своему обществу в преддверии его X Всесоюзного съезда новыми успехами.

Под шлемами, шарфами и железными наколенниками прячут гонщики все свои травмы и болячки. У покорителей ледовых трасс как-то не принято распространяться о своих болезнях и повреждениях. Здесь болельщики лишены какой-либо информации. И им остается лишь несказанно удивляться, когда, например, восьмикратный чемпион мира Сергей Тарабанько на полной скорости вдруг таранит снежный сурою на обочине трассы. Не справился с рулевым управлением? Тарабанько?! А Сергей с закованной в гипс шеей мог определить момент входления в поворот, только ориентируясь на ехавших рядом соперников, а когда те привычно отстали, прокатился мимо невидимого виража. Но заезд тот, пусть последним, закончил. Ледовые гонщики лишь в исключительных случаях сходят с трассы.

В заезде стартуют четверо гонщиков. Победитель получает на финише с отмашкой судейского клетчатого флага 5 очков, приехавший вторым — три, и так далее. Гонщик же,

не закончивший дистанции, на очки рассчитывать не может — потому и надо дойти до финиша во что бы то ни стало. Все крупные турниры проводятся в два дня, по 16 заездов в каждом, так что неудача в одной гонке еще не поражение.

В индивидуальных чемпионатах мира советские гонщики участвуют уже без малого три десятка лет и за это время настолько приучили болельщиков к своим победам, что любое второе место нашего спортсмена воспринимается в мире мотоспорта как самая громкая сенсация. Габдрахман Кадыров. Сергей Тарабанько. Владимир Любич ездили на мировые первенства только за «золотом».

История командных чемпионатов мира (в каждой сборной — по три гонщика, и очки, набранные ими в своих заездах, суммируются в командную копилку) ведется с 1979 года. И здесь наша сборная за восемь лет уступила соперникам пальму первенства лишь дважды.

По оценкам зарубежных специалистов, главное достоинство гонщиков нашей страны — быстрый старт. Очень важно хоть на полколеса опередить соперника до входа в первый вираж, чуть-чуть, но вперед высунуться. А дальше уже — по нарастающей. После финиша гонщики долго еще кружат по ледовому овалу — в зимнем спидвеи тормозов на мотоциклах нет. Только скорость.

Антон КОШКИН

Русский поэт Николай Степанович Гумилев родился в Кронштадте 15 апреля 1886 года в семье военно-го корабельного врача. Вскоре после рождения сына семья Гумилевых перебралась в Царское

Село, потом в Грузию, в Тбилиси, где юный гимназист пробует писать стихи и даже печатает одно из них в «Тифлисском листке». В 1903 году Гумилевы снова возвращаются в Царское Село, и семнадцатилетний Николай поступает в седьмой класс Николаевской царской гимназии, той самой, директором которой был тогда Иннокентий Анненский.

Очевидно, смолоду Николай Гумилев рос очень упрямым и настойчивым человеком. Он хотел быть героем, поэтом или путешественником и воспитывал в себе мужество и бесстрашие.

Еще гимназистом, в 1905 году Гумилев издал первый сборник своих стихотворений «Путь конкистадоров», где вполне определенно говорил о своем назначении:

Как конкистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Это была не только декларация, но попытка самоутверждения личности, попытка найти достойное место под небом, желание сделать позу позиций.

«Путь конкистадоров» — первый выход поэта к читателю, начало, может быть, неосознанного спора с Бальмонтом и Блоком, начало утверждения будущих собственных взглядов на поэзию.

От книги к новой книге растет мастерство Гумилева, стих обретает громкость, энергию, а сам автор превращается постепенно в путешественника и охотника за песнями мужества. Потом он объявит о несостоятельности символизма, начнет проповедовать свою теорию поэзии, назовет ее загадочно и звонко: акмеизм, но эта теория, как покажет время, подобно ниспровергаемому ею символизму, ни на йоту не приблизит поэзию ни к жизни, ни ко времени.

А ведь поэзия, как сама жизнь, не-прерываема. Ее поток перехлестывает через мели и перекаты и отстаивается на глубинах, чтобы вместе с самой жизнью двигаться дальше. Он пересыхает с затуханием жизни и возрождается с ее пробуждением; любой капле, любой струе всегда найдется место в не-предсказуемом, как сама жизнь, потоке поэзии. Этот поток особенно усиливается от весеннего паводка предчувствий грядущих войн, катастроф и революций. Не случайно Велимир Хлебников в книге «Учитель и ученик», выпущенной в 1912 году, замечает как бы вскользь: «...не следует ли ждать в 1917 году падения государства?» — и в этом нет никакой мистики: предчувствия поэзии продиктованы необходимостью времени.

Поэзия сильна индивидуальностями. Был символизм, но от него остались Блок, Брюсов, Андрей Белый. Ушел футуризм, но остался Маяковский. Был имажинизм, но остался Есенин. Был акмеизм, но осталась Ахматова и Гумилев. Все яснее простая истинна, что без индивидуальности Николая Гумилева поток поэзии явно не полон.

К счастью, в юности мне попалась прекрасная книга. Она была внуши-тельна по размерам и тяжела на вес. Под именами составителей И. С. Ежова и Е. И. Шамурина на белой мягкой обложке крупными красными буквами было напечатано: «РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА», а ниже мельче чернело слово: «Антология». Эта книга была выпущена в свет в 1925 году издательством «Новая Москва». На семистах тридцати страницах, в две колонки, здесь были напечатаны стихи ста двад-

МИХАИЛ ДУДИН

"мир- тыль луц от лужка друга"

Рисунок Елены Флеровой

дцати восьми поэтов, начиная с Мережковского и кончая Светловым. Эта книга вышла всего в пяти тысячах экземпляров, но я ее встречал у многих друзей поэтов и ценителей поэзии.

У меня эта антология тоже есть. Я ее выменял на офицерский павук 8 сентября 1942 года в блокадном Ленинграде около Дома книги у одного старика, пережившего страшную зиму.

Радости моей не было конца. В книге открывалось прекрасное единство русских поэтов начала двадцатого века, точнее первой его четверти. Теперь антология была лично моей, и я путешествовал по ее страницам и почти половину стихов знал наизусть, и в моей душе — в блокадном Ленинграде — уживались рядом со строками Иннокентия Анненского:

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, что я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света —

стихи рабочего Теплоэлектроцентрали Никифора Тихомирова, напечатанные в той же антологии:

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие обьятия —
Смерть и гибель для владык.

Это была самая демократичная по составу поэтов антология.

А с Никифором Тихомировым, как и со многими участниками книги, я потом познакомился лично. Эти знакомства продолжаются. Совсем недавно в Международном аэропорту Ленинграда мне довелось встретить дежа-носто-вухлетнюю участницу все той же антологии поэтессу Ирину Одоевцеву, одну из учениц Николая Степановича Гумилева, вернувшуюся из Парижа в родной город на Неве после шестидесяти пяти лет эмиграции...

Вот я и думаю сейчас о том, что все поэты мира — родственники, что истинная поэзия, как и все подлинное искусство, никогда не была и не может быть контрреволюционной.

После окончания Царскосельской гимназии Гумилев поступил на филологический факультет Петербургского университета. Потом жил в Париже. Слушал лекции в Сорбонне. Совершил несколько путешествий в Африку. Был в Абиссинии и Сомали. Пребывание в Африке длилось в общей сложности около двух лет. А в 1914 году Гумилев ушел добровольцем в русскую армию. По свидетельству однополчан, он был безрассудно храбрым солдатом, за что и оказался награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в прaporщики.

Между тем вслед за книгой «Путь конкистадоров» Гумилев выпустил другие: «Романтические цветы» «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан», вышла пьеса в стихах «Дитя Аллаха», поэма «Мик», сборник стихов «Костер», «Фарфоровый павильон», «К синей звезде», переводы из Теофиля Готье («Эмали и камеи») и С. Т. Колльриджа («Поэма о старом моряке»), перевод древневавилонского эпоса «Гильгамеш».

Гумилев работал много, беспощадно к самому себе, оттачивал свой стиль, свою манеру. И хотя все, что он писал, было, в общем, далеко от событий на-двигавшейся революции, в его поэзии тем не менее чувствовался ветер мужества и озона близкой грозы, которую он не мог не приветствовать. В стихах и прозе Гумилева, в его рецензиях и выступлениях на литературных вечерах, в организованной им литературной студии билось живое дыхание, тревожный ритм времени. Некоторые критики называли Гумилева последователем Киплинга и Рембо. Он знал их действительно хорошо, как и всю французскую и современную ему английскую поэзию. Но все-таки он был поэтом русским и писал о тайном трепете русской души на русском языке для русского читателя.

И этот читатель был благодарен поэту за открытый им мир прекрасной и благородной романтики, за свежий ветер мужества, за любовь к жизни, за вечную и таинственную ее красоту, которой дышали стихи

И я, четырнадцатилетний мальчишка, с восторгом читал соседу по парте в Ивановской школе ФЗУ Грише Рябинину запомнившееся наизусть со второго прочтения в антологии Ежова и Шамурина (тогда библиотечной) ошеломившее своей таинственностью «Шестое чувство»:

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб,
Что в печь для нас садится,
И женщина, которой дано,
Сперва измучившись,
Нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам
С бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить,
Ни поцеловать —
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Обречены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой
За девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все же мучится
Таинственным желаньем.

Как некогда в разросшихся хвоющих
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья.

Так век за веком —
Скоры ли, господь?
Под скальпелем природы
И искусства
Кричит наш дух,
Изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого
Чувства.

Нас, влюбленных сразу в Маяковского и Есенина, Тихонова и Багрицкого, это стихотворение заставляло думать об удивительной, захватывающей безграничности мира и человеческой души, нашей души, имеющей какие-то свои очаровательные неразгаданные тайны. Гумилев не мешал нам любить Маяковского и Есенина, Тихонова и Багрицкого. Он расширял наш мир познания чем-то неизведанным и заманчивым. И мы ехали в «Заблудившемся трамвае» — «через Неву, через Нил и Сену мы промчимся по трем мостам» и «Пьяный дервиш», превратив трамвай в парусник, вырывал из-за пояса пистолет, и на палубу с брабантских розовых манжет ссыпалось легкое золото кружев. А парусник шел по Нигеру, и винты пароходов его крокодилы разбивали могучим ударом хвостов. Представить это нам было не трудно. И мы были благодарны Гумилеву за этот первозданный мир, требующий от человека мужества и великолюдия.

Я помню, как в мутный осенний день 1942 года с «невского пятака» на правый берег Невы, в редакционную землянку вернулся мой друг Георгий Суворов. Его лицо и плащ-палатка были перепачканы в крови и глине. Он посмотрел на меня, устало сел рядом на нары, сдернул с высокого прекрасного лба пилотку, закинул назад спущенные от пота волосы и прочел:

И так сладко рядить Победу,

Словно девушку в жемчуга,

Проходя по дымному следу

Отступающего врага.

Я ему ответил тоже стихами Гумилева — такая уж между нами была заведена игра:

Я бродяга и трущобник,

Непутевый человек,

Все, чему я научился,

все забыл теперь навек,

Ради розовой усмешки

и напева одного:

Мир лишь луч от лица друга,

все иное тень его!

Георгий Суворов улыбнулся мне, потом освободился от плаща-палатки — не скинув ее с себя, а вылез из нее, не снимая сапог, вдвинулся в глубину нар и заснул. Он тоже знал стихи Гумилева по моей антологии, а занимать у Гумилева храбрости ему не надо было.

Гумилев был нашим поэтом. Нам казалось, что в своих стихах он понимал нас. Иногда мы собирались на Зверинской улице в доме № 2 на шестом этаже, на кухне в квартире Николая Семёновича Тихонова. Гумилев был улан. Тихонов — гусар. Они оба были поэтами нашего солдатского братства.

Белоголовый, обветренный до бронзового каления, выносливый, как Дворцовый мост, хозяин на Зверинской сам читал гумилевскую «Молитву мастеров», и его рокочущий голос мы слушали как откровение:

Всем оскорбителям
мы говорим привет,
Превозносителям
мы отвечаем — нет!

Упреки льстивые
и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни
не потребны.

Вам стыдно мастера
дурманить беленой,
Как карфагенского слона
перед войной.

Тихонов кончил читать. Раскурил трубку. Затянулся. Выпустил дым и произнес тихо и раздельно: «Это ошибка. Зря его расстреляли. Он ни одного слова не напечатал против Советской власти». И снова умолк. Только эхо дальней канонады чуть тронуло гулом прекрещенные бумажными лентами стекла.

В этой нацеленной тишине раздался голос Марии Константиновны, жены Тихонова. Сколько она знала наизусть стихов, подсказывала всем, кто сбивалася, подсказывала и самому Тихонову, и грешным нам, терявшимся от стеснительности... На этот раз, вслушиваясь в ее голос, только на второй или третьей строфе я понял, что она читает стихотворение Гумилева «Мои читатели»:

...Много их, сильных, злых
и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного

льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многоизначительными
намеками

На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта...

Я учю их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ пред лицом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.

Мы опять умолкали. Каждый про себя понимал, что прекрасному нужна тишина.

«Не эмбр был Гумилев, а мастер», — скажет Марина Цветаева. И это останется правдой о Гумилеве.

Жестокость отвратительна сама по себе. Она непростительна, когда от нее погибает Поэт. Правда, у истинного поэта нет смерти.

Прекрасно, что сейчас творчество Николая Степановича Гумилева возвращается из полузабвения к своим читателям и круг Поззии становится шире не только для Охотников за песнями мужества.

Николай ГУМИЛЕВ

ПАМЯТЬ

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья.
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... Любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звуны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, вливавшее в воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабеешь год от году,
Тот ли это, или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но Святой Георгий тронул дважды
Пулею непронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я взревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо: но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... Но разве кто поможет,—
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожу,
Мы меняем души, не тела.

ТОТ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд,—
И к упоеньям я приучен,
И к мукам, горше во сто крат.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла
твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющее миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое
это скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.
Надо вечно петь и плакать этим струнам,
Звонким струнам,
Вечно должен биться, виться
обезумевший смычок,
И под солнцем, и под выгой, под белеющим
буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг
превратится пенье,

И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться
и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном
исступлены
В горло вцепятся зубами, встанут лапами
на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все,
что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный
испуг.

И тоскливыи смертныи холод обовьет,
как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь
ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.

На, владей волшебной скрипкой, посмотри
в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго выхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь,
кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых
трав...

Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дальней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своееволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной трауре
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнин радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

ЛЕС

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы,

Из земли за корнем корень выходил,
Словно руки обитателей могил,

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки,

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого стола,

И разбойник не гнездился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах,

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,

Но в короне из литого серебра
И вздыхала, и стонала до утра,

И скончалась тихой смертью на заре
Перед тем, как дал причастье ей клюре.

Это было, это было в те годы,
От которых не осталось и следа.

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневеющей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя.

Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.

■
У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой и заявят.
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут...

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помни, был и горбатым, и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

СОН

Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжко скорбя;
Снилось мне — ты любишь другого
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Aх, наверно, таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоюю,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали «довольно»?
Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

■
Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего же соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

Подбор и подготовка текста
Галины Калашниковой.

многочисленные ремонты выкидываются деньги — не одну новую можно купить! Но у каждого ведомства, в том числе и у милиции, существует разнорядка на автотранспорт, на срок эксплуатации. Сейчас МВД СССР увеличило этот срок с 2 до 5 лет. Трассовики больше года машиной не пользуются — не та маневренность и не те ходовые качества. А работники милиции, значит, могут обойтись и старой. И даже этих старых машин тоже не хватает. Конкретный пример. В 1982 году для спецгрупп по борьбе с валютчиками и фарцовщиками Ленинграда и области было выделено 14 легковых машин. Сейчас их осталось всего три на 260 километров международной трассы. Из 5 машин, обслуживающих Выборгское направление, одно из самых тяжелых, осталась одна. Справивается, куда делись остальные? Разошлись по областному начальству, бесследно исчезли в ремзонах. А пешком даже при большом энтузиазме много валютчиков не поймаешь. Когда технический прогресс на стороне преступности, никакие дедушкины методы в борьбе с ней не помогут.

А ведь проблему с транспортом — самую болезненную — решить можно. Обратимся к опыту наших друзей из ГДР. Каждому оперативному сотруднику дается скидка на покупку легковой автомашины, которую он использует в интересах работы, оплачивается ремонт, бензин. А разве нельзя это сделать и в нашей стране?

Теперь что касается отчетности, показателей борьбы с валютчиками. Сотрудник ОБХСС считается хорошим, если он из года в год ловит большее количество валютчиков. Но есть крупные, а есть мелкие преступники. Один Дахья перевесит сотню других своих «коллег» по бизнесу. Можно поимать одного такого, как он, тем самым принести большую пользу государству, и быть плохим оперативником, а можно поймать десяток мелких, но быть в числе лучших. Отсюда стремление давать вал. Есть и другие негативные стороны у подобной отчетности. В один год можно поимать 20 валютчиков, в другой — 100. Но если оперативник знает, что такое отчетность и показатели, он не будет ловить эту сотню. Ведь не исключено, что на следующий год он не поймет и 20. Поэтому он будет постепенно увеличивать «свой» показатель: в 1987 году — 25, 1988-м — 30, 1989-м — 35, и так далее. Нужна ли такая отчетность, помогает она делу? Сомневаюсь.

ВОПРОС ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТЫМ. Если подвести своеобразный баланс — кредит, то мы увидим, что валютно-фарцовочное явление несет с собой большое количество опасных рифов и подводных камней. Оно сильно бьет по экономике, морали, политике, социальной справедливости и даже престижу Советского государства. Ведь некоторые заграничные гости, столкнувшись в нашей стране с проституцией, попрошаничеством, с валютными дельцами, получают неправильное представление о советском строе и системе социализма в целом. Не теряются и западные спецслужбы, которые неустанно выискивают своих потенциальных союзников, готовых за тридцать золотых сребренников оклеветать и продать Родину.

Можно много говорить и писать о наших недостатках, проблемах. Но если дальше разговоров дело не идет, то грош цена нашим словам. Хочется напомнить, что каждый год только через ОКПП «Выборг» в нашу страну приезжает более одного миллиона иностранных туристов, проходит 800 тысяч автомашин из 126 стран. А сколько зарубежных туристов приезжает всего в СССР через Прибалтику, Западную Украину, Белоруссию, Дальний Восток! Так что вопрос пока остается открытым.

Георгий ВАЙНЕР

ДЕСЯТЬ РЕБРО

Рисунок Виктора Скрылева

Такие лабиринты коридоров и залов для укрепления здоровья и развития физической культуры скрыты, оказывается, под трибунами стадиона! Я шла, как кладоискатель по недостоверной карте,— справлялась у встречных, рассматривала загадочные таблички, читала непонятные надписи на указателях, и во всей этой круговерти переходов, круто изломанных поворотов, пробросов по лестницам вверх и вниз, в освещенных пожарными табло тупиками я никак не могла уловить ни намека на связь с внешней архитектурой стадиона, на пустой трибуне которого остался ждать меня Ларинов.

Казалось, что проектировщики специально запутали всю внутреннюю планировку, исходя из непреложной мысли: кому надо, тот знает где здесь что, а кто не знает, тому и делать тут нечего. И людей было мало-мало. Если бы не доносились из-за перегородок и дверей тугие шлепки мячей, гулкие хлесткие удары и раскатистый звон «блинов» брошенной на помост штанги, можно было бы подумать, что сейчас глубокая ночь, а натрудившиеся за день физкультурники давно разошлись по домам, забыв выключить люминесцентное освещение в бесконечных пустых коридорах.

И усиливая это ощущение безлюдства, отсутствовала на своем месте секретарша в приемной. А дверь в кабинет Чагина была приоткрыта, и я слышала оттуда приятный мужской баритон. Я просунула голову в щель и спросила:

— Можно?

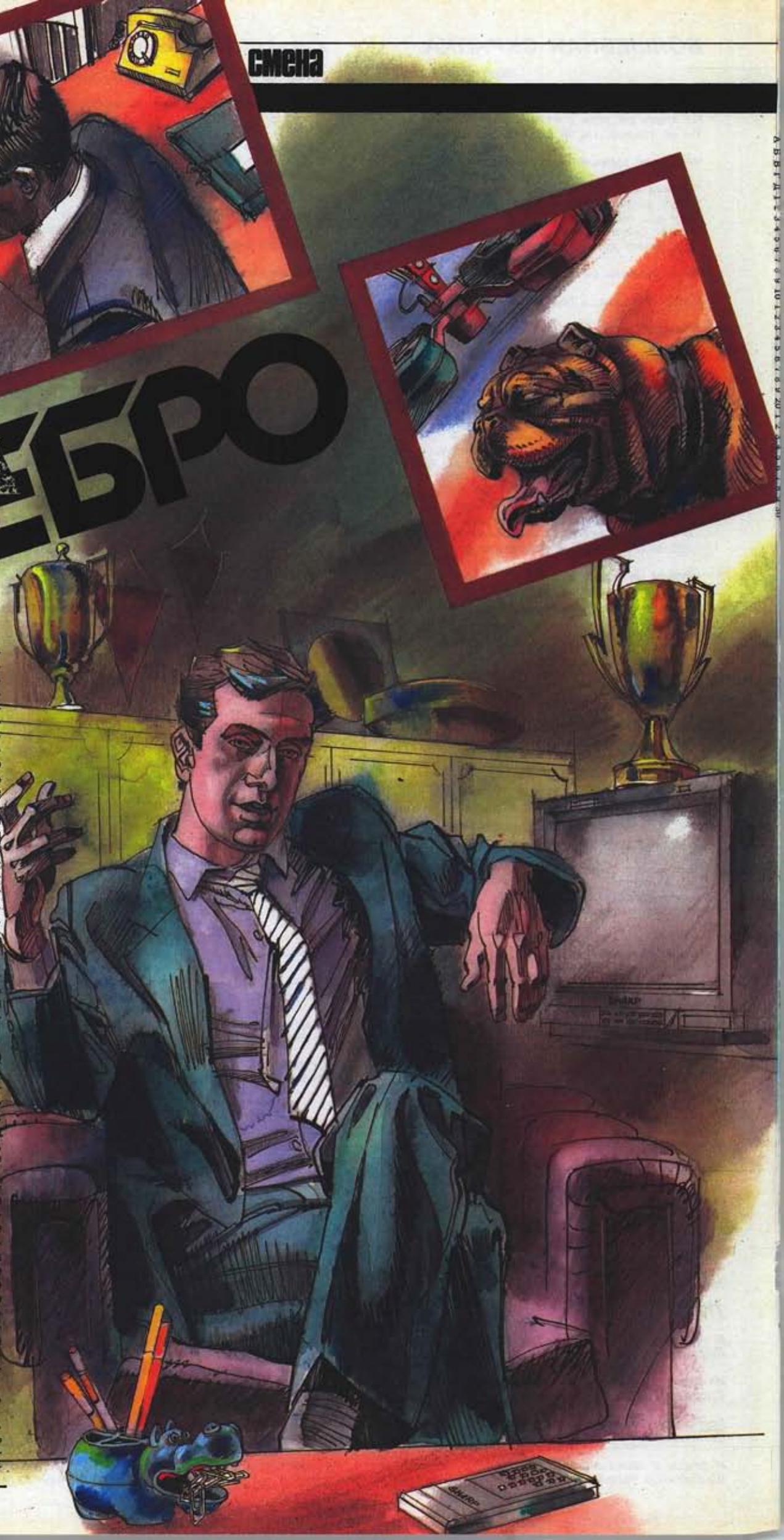
Ой, какой замечательный кабинет был у Чагина! Чтобы попасть в такое обиталище, имело смысл поплыть по всем этим переходам, лестницам и коридорам. Тем более, что стеклянная дверь в стене с огромными зеркальными окнами выходила прямо на улицу. Точнее сказать, на трибуну стадиона. Сидя в глубоком финском кресле за низким журнальным столиком, можно было со всеми удобствами наблюдать любые ристалища на спортивной арене.

Чагин, не отрываясь от телефона, кивнул мне и показал на кресло. Он лениво и однозначно отвечал собеседнику, внимательно разглядывая меня. А я через широкие линзы окон смотрела на нежно-зеленое поле, ребристый серый раструб трибуны напротив, лыжкой сейчас в своей пустосквамечной оголенности на вздыбившуюся стиральную доску. Во втором ярусе сидел на лавке какой-то одинокий человек, и я не сразу поняла, что это Ларинов. Он был совершенно один на огромном ступенчатом скате трибуны, и пустые ряды вокруг него закручивались стоячим бетонным водоворотом, и в этой бездокной мертвой воронке он казался мне сейчас затерявшийся бессильной крупинкой жизни. И впервые мне стало его по-настоящему, от сердца, жалко.

А Чагин, закрыв на миг широкой ладонью микрофон, сказал любезно:

— Вы, Ирина Сергеевна, устраивайтесь поудобнее...

Остолбенело смотрела я на него. Оперативность и информированность у них — позавидуешь! Что ж делать, надо с восторгом и некоторым оцепенением взи-

рать на таких людей! Тем более что посмотреть было на что.

В интерьере из финской темной мебели, в окружении бесчисленных вымпелов, кубков, штандартов, призов, каких-то флагов, тесно узанных значками и медальками, у телевизора «Шарп», рядом с холдингом «Филлипс», под вентилятором «Мицубиси» сидел красавец.

Несколько пухловатый. Набивной-надувной красавец, весь из себя благоухающе-прекрасный, на которого непереносимо хотелось наклеить этикетку «Ив Карденович Сен-Лоран». Я поражалась беззаветной храбости Ларионова, который решился такое трогать руками. Такое можно только с восторгом рассматривать в витрине, а не вышибать ее этим мужественным, немного одутловатеньким лицом, покрытым сейчас геометрическим гримом царапин и ссадин.

Мы смотрели друг на друга с видимым удовольствием. Потому что Чагин вдруг решительно прервал свой вялый поток междометий и продемонстрировал, что он не только красив, но и житейски опытен, по-настоящему философически мудр.

— Дуся твой хороший, — сказал он своему собеседнику задушевно. — Запомни, дурачок ты мой сладкий, женщина — это самка человека... И качество ее определяется только количеством ласкаемой поверхности... А все остальное, голуба моя, гроша ломаного не стоит... Не объясняй мне ничего, дурачина-сложноФилья... Поехай и все реши... Быстро и шустро, как говорил Заратустра... Настоящий мужик-бабоукладчик всегда знает, что надо делать, нежный ты мой... Нет, я приехать не смогу... Дела, дуся, не могу, дела... У меня тут с девушкой назначен сеанс одновременной игры... Бывай, мой лапочка... Если кто обидит, сразу ко мне... Я тебя, дуся, поддержу... Пока...

Еле слышно гудел никелированный вентилятор, неспешно разворачивая по сторонам свою блестящую ветряную морду, — в нем было так много самолетного, что я стала ждать, когда под ним вспыхнут буквы: «Не курить! Пристегните ремни!» Может быть, они бы и загорелись на стене и серебристо-голубой вентилятор взмыл бы в это серое низкое осенне небо, пробив толстую пленку стекла, но Чагин положил трубку и любезно улыбнулся мне:

— Итак, Ирина Сергеевна, дуся вы моя дорогая, что значит ваш визит? Голубица белая, мираносица? Или згрозная орлица, ястребица, коршунница? Жестокая птица войны, кровопролития и мести?

— А вы разве боитесь войны и мести, Владимир Петрович? — спокойно спросила я.

— Помилуйте, Ирина Сергеевна, дуся моя! Как всякий советский человек, я ненавижу войну! Я — часть миролюбивого человечества — всей душой против несправедливых, захватнических войн! Но как наследники боевых славных традиций наших героических отцов всегда помню о том, что если завтра война, если завтра в поход, то наш бронепоезд стоит на всякий случай на запасном пути...

— Вы мне показались больше наследником героических традиций ваших тестей, — скромно заметила я. — Отец жены, кажется, называется тесть?

— Фи, дуся моя любезная! Это пошло. — Чагин осуждающе помотал своим красивым, чуть отекшим лицом. — Фи, повторяю! Пошлисть на грани банальности. Банальность, переходящая в тривиальность. Тривиальность, смахивающая на троизм. Я вижу, что вы хотите не мира, но мести. А месть, вообще истительность — чувство неплодотворное и неперспективное...

— Разве?

— Уверяю вас, Ирина Сергеевна, дуся моя дорогая...

Ласковый нахал и въедливый шут. Я видела, что ему доставляет нескрываемую радость называть людей оскорбительным словом «дуся». И всеми своими грязными разговорами он хотел меня сильнее разозлить и вывести из себя — заставить разреветься, разорваться от унижения и злости.

— У мести, Ирина Сергеевна, кислый запах разочарования и горький вкус от пепла наших надежд. — Он доброжелательно смотрел мне в лицо, снисходительно покачивал многомудрой, толстой башкой.

— Приятно поговорить с интеллигентным, начитанным человеком, — ответила я душевно. — Вы произведите глубокое впечатление эрудита, настоящего знатока сборника «Крылатые фразы»...

— О, Ирина Сергеевна, как вы меня грубо умыли! Как унизили моей невысокой образованностью! Вы не боитесь вселить в меня на всю жизнь жуткий комплекс неполноценности? — Он весело, от души захохотал.

— Нет, не боюсь, — смирилась я. — Ваше состояние определяется специальным термином — неконтролируемый комплекс сверхполноценности...

— Да-а? — озабочился он. — Надо бы запомнить... Хотя зачем мне это? Нет, пожалуй, ни к чему. У меня, Ирина Сергеевна, необычная память — забываю, как

зовут неудачников, не помню бесполезное себе, не вспоминаю вчерашние заботы... И вообще человек я мягкий, дружелюбный, незлобивый, как большой красивый цветок... Трудно мне жить в мире озверелых людей, скандалистов, грубиянов и драчунов...

Он говорил упористо-мягко — «вощ-щ-е». Въедливый шут. Я перебила:

— И когда устаете от грубиянов, то идете на них с отколотой бутылкой?

— Случается, — охотно согласился он. — Но это, как говорится, не для протокола. Между нами. Антру, как говорят французы. В жизни всякое случается, и люди должны научиться прощать друг другу маленькие слабости...

— Например, плевок в лицо?

— Да, и плевок в лицо, — кивнул он. — Взгляните на мой фейс — я пострадал больше всех, но я не только не затянул в душе злобы против ближнего своего, прохожего матроса, вашего дружка, а проявил христианскую готовность всех и вся простить, раскрыть братские объятия примирения и разойтись как в море кораблей! Но ослиное упрямство вашего дружка гонит его прямоходом в тюрьму...

Я посмотрела через окно на трибуну — Ларионова уже было не видно, его размыли надвигающиеся сумерки.

— А Шкурдюка? — осведомилась я кротко.

— Ну о ком вы говорите, Ирина Сергеевна, дуся моя? Шкурдюк — животное, потный антисанитарный скот, который в пьяном виде становится просто сумасшедшим. И у меня были способы наказать его очень сильно без всякой милиции и прокуратуры. Я ведь предлагал Ларионову потом: хочешь, плюнь Шкурдюку в рожу хоть десять раз! Хочешь, он перед тобой на колени встанет и до вокзала тебя так провожать будет! Но вашему, простите, придурочному другу это почему-то казалось еще обиднее! Вот и связались теперь железный болван и вязкий дурак...

— Если я вас поняла правильно, то вы хотите посадить Ларионова в тюрьму для того, чтобы спасти своего Шкурдюка?

— А что мне остается делать? — развел руками Чагин. — Конечно, Шкурдюк скотина, но это моя скотина. И парень он, вообще-то говоря, неплохой. Я его бросить не могу. Да и Ларионов сам хороший! Мне его жалеть не за что... Не хочет по-хорошему, пусть тюремный баланды покушает...

Я заметила, что благодушное наглое шутовство Чагина постепенно и незаметно истаяло. Было отчетливо видно, что он сердит и расстроен.

— А вы знаете, Владимир Петрович, мне не кажется, что вы за Шкурдюка стали бы так ломаться...

— То есть? Что вы хотите сказать, голубка моя?

— Мне кажется, что на Шкурдюка вам плевать. Вы сейчас за себя боретесь.

— Дуся моя, наивнечка сладкая, вы что-то путаете. Мне за себя бороться не надо! Вина Ларионова доказана всеми свидетелями и материалами дела.

— Ах, оказывается, вина Ларионова уже доказана?

— Ну, будет доказана! Это ведь мы только здесь анту не знаем, что Шкурдюк плюнул в вашего дружка... А в прокуратуре ни свидетели, ни тем более мы, потерпевшие, этого сказать не сможем... Должен вас огорчить...

— Я вас тоже должна огорчить, Владимир Петрович. В прокуратуре может рассказать, как Шкурдюк плевался в моего дружка Ларионова, ваша подружка Рита...

Чагин молча, очень пристально разглядывал меня, и выражение лица у него было такое, что я испугалась: как бы он не вынул отколотую бутылку из своего роскошного письменного стола. В наступившей тишине по-прежнему негромко гудел вентилятор, но мне казалось, что это гудит от напряжения и злости Чагин. Это гудение шло от него, как от трансформаторной будки, рядом остро пахло озоном. Хорошо было бы еще нарисовать на его гладком пузе череп с костями.

— Дуся моя, безумная женщина, вы что, надумали шантажировать меня?

— Упаси бог! Я хочу вам напомнить, что рассаживать беззинных людей по тюрьмам из воспитательных соображений, чтобы они вперед не были дураками вязкими, — дело рискованное. Можно самому проколоться...

Чагин помотал головой, поцокал языком и довел до моего сведения:

— Все-таки я убедился, вы не голубица мирная, а ястреб, птичка злющая и вздорная. Обещаю, что сегодня же начальство будет на вас громко топать, сипло кричать и вам придется грязно унижаться...

Я кивнула:

— Очень даже возможно. Но я потерплю. Потому что я знаю, как вас достать...

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил он.

— Я имею в виду разыскать Риту, и тогда не только руководство прокуратуры, но и руководство «Главзеленстроя» очень удивится, что она была с вами в машине...

Чагин помолчал немного и душевно сказал мне:

— Если вы не умрете, мне придется вас попросту уничтожить. Я ликвидирую вас как социальный факт... Может быть, буквально...

Только промчавшись несколько коридоров и переходов, я остановилась перевести дух и подумала о том, что в ужасе я пошла от Чагина обратно через все эти лабиринты вместо того, чтобы выйти из его кабинета прямо на улицу.

На стене висел красочный стенд «Наши лучшие люди». На стадионе было человек пятнадцать лучших людей, и где-то в сердце красовался цветной фотографический портрет Чагина. Стенд был довольно старый, потому что под фотографией Чагина была приклеена напечатанная на машинке табличка: «Руководитель детско-юношеской школы спортивного мастерства, заместитель директора по водным видам В. П. Чагин». Стенд повесили, когда мой сладкий дуся из просто лучших людей пробивался к должности самого хорошего человека на стадионе.

Я оглянулась: в коридоре никого не было. Еще не соображая даже, зачем мне это надо, я протянула руку и аккуратно сорвала фотографию лучшего человека, положила ее в сумку и понеслась к выходу.

Под козырьком трибуны, скрываясь от начавшегося дождика, ходил заждавшийся Ларионов. Он взял меня под руку, и я почувствовала, что нас обоих бьет дрожь. Ничего не говоря друг другу, пошли к воротам. Над бревенчатым красивым домом вился белой струйкой дымок. У резного крыльца тормозили, с шиком шипели шипованными шинами широкие машины. Ларионов кивнул на дом:

— В Англии за особые заслуги дают орден Бани, а у нас — просто баню...

— А это что — баня? Такая красивая?

— Да, это баня. Чагинский бастион...

Ларионову надо было ехать в прокуратуру на очную ставку со свидетелями, а я решила отправиться к Поручикову. У меня не было другого выхода — надо по возможности их охватить в один день, потому что завтра меня возьмет за жабры главный. А так — за восьмь бед один ответ.

На Пушкинском сквере я сказала Ларионову:

— Ни пуха ни пера... Отобъемся... Я вам вечером позвоню в гостиницу...

— Спасибо вам, Ирина Сергеевна. — Рывком схватил мою руку и прижал сильно к своему лицу. — Спасибо вам за все, спасибо, что вы есть...

Я не отрывала руки, хотя мне было как-то совестно перед прохожими. Неудобно. Мне хотелось его чем-то подбодрить, но я не знала, как это сделать. Постаралась пошутить:

— Надо не благодарить, а посыпать к черту...

Он отвел мою ладонь от глаз, и я увидела, что у него лицо человека, не нуждающегося в подбадривании.

— Извините, Ирина Сергеевна, я не знаю, будет ли у меня еще случай сказать вам... Извините, я, наверное, не имею права говорить это... Но я боюсь, что вы не узнаете... Когда я увидел вас у Ады на даче, тогда еще, давно... У меня было чувство, что оборвалось сердце... Каждому человеку дается выбор из миллиона людей вокруг него... Но миллионы не нужны... В один прекрасный миг появляется человек, который... твоя потеряянная половинка... Оторванная от тебя еще до твоего рождения... И вся жизнь иногда уходит на поиски того, без кого ты никогда не почувствуешь себя полноценным, нормальным, счастливым...

Он говорил еле слышно, но с такой силой, с такой убежденностью, с таким напором, с яростью, что я испугалась. Я оглохла от его шепота и сказала:

— Я не ваша половинка...

Ларионов мотнул головой:

— Вы меня не поняли... Я, Я, Алексей Ларионов, не ваша половинка... А вы, вы, Ирина Сергеевна, моя... Вы — моя душа, моя мечта, утренние сны, вы — моя надежда... Вы меня плохо знаете, и наверняка я вам неинтересен, но я знаю про вас все, я слышу ваши мысли, я чувствую стук вашего сердца, мне весело, когда вам смешно, и я рвуся на части от тоски, когда вам грустно... Я знал про вас все, когда увидел вас впервые... Я никогда больше не появлялся... у вас любимый муж и отличные ребята... Из-за вас я не стал разводиться с Аленой — какая мне разница, если вас нет в моей жизни... И, честное слово, я не знал и не мог знать, что вы расстались с Виктором... Но в мире существуют вещи выше нашего знания — я в это верю... Позвонил Аде перед отъездом: ничего не хочешь передать сестре?.. Непереносимо захотелось вас увидеть или хотя бы услышать... Ничего я не планировал, ни на что не рассчитывал — я знал, что мне надо вас увидеть... Но перст судьбы — эта проклятая драка — схватил меня за ухо и уволок от вас навсегда...

— Почему?

— Я и не мечтал вам когда-нибудь понравиться, но

человек не волен над собой — в душе тлела крошечная искра, что какое-то место мне найдется в вашей жизни. А получилось вон что...

— А что получилось? Мы с вами из-за этой истории видимся теперь каждый день...

— Да! Но нет более тягостного зрелища, чем мужик, выползающий из нокаута. Он вызывает боль, жалость и пренебрежение... А я ведь никогда не был жалким...

Неожиданно для себя я погладила его по голове и обняла:

— Все-таки мужчины — существа с очень странной психологией...

— Наверное, — легко согласился он. — Поэтому я хочу с вами, Ирина Сергеевна, попрощаться...

— В каком смысле? — не поняла я.

— Отправляясь на вокзал и уезжаю в Одессу...

— То есть как это? Ведь возбуждено дело! Они вам всю жизнь разломают! — Я взмолнилась всерьез. Как ни была я далека от всех законоуложений, но отдавала себе отчет в том, что поступок Ларионова удостоверит его вину, и он будет считаться скрывшимся из-под следствия.

— Черт с ними! — махнул он рукой. — Совсем не разломают! Там меня знают, не дадут на позор и распил! Что бы мне ни говорили, есть еще понятия о чести, достоинстве! Не в блатных банях закон вершился!

— Послушайте меня, Алексей Петрович, нельзя этого делать! Вы своим отъездом самым лучшим образом подтверждите всю их ложь! Если бы они знали о вашем решении, они бы вам сами билет принесли! Ни в коем случае этого делать нельзя! Давайте я вам вечером позвоню, и все спокойно обсудим...

— Звонить некуда, — усмехнулся Ларионов. — Меня сегодня выписали из гостиницы...

— Почему?

— У меня Бурмистров паспорт отобрал. Сказал, что пока... А без паспорта в гостинице срок пребывания не продлевают... Я поэтому на поезде решил ехать, а так бы сегодня же на самолете улетел... На поездах, слава богу, паспортов не спрашивают...

— А где же ваши вещи?

— На вокзале, в камере хранения...

— Значит, сделаем так: вы едете на вокзал за вещами и приезжаете ко мне домой, ребята уже вернутся к этому времени. Я буду чуть попозже. И предупреждаю вас: если сбежите, я буду считать вас трушишкой, нокаутированным жуликами... И вперед руки не подам, слова не скажу, видеть не пожелаю...

У Поручикова был отдельный кабинет со стеклянной табличкой «Юридический отдел Архитектурно-планировочного управления», запроходная комната, смежная с канцелярией. А сам Поручиков был внеях, ходил где-то по этажам.

А я сидела в канцелярии на стульчике для просителей и терпеливо дожидалась его появления. Девочки-секретарши и бабушки-курьеры неспешно вершили свою ответственную письменно-разносную деятельность. В журналах — разных — регистрировалась входящая и исходящая почта, заклеивали по конвертам какие-то важные бумаги со штемпелями и печатями, на специальной машинке отбивали почтовые атрибузы и снова записывали в журналы. Но пока я сидела здесь, постепенно очаровываясь красотой и внушительностью письменного делопроизводства, попал мне на глаза журнал, приводивший к себе мое внимание полностью.

Толстая, немного засаленная по краям амбарная книга, посреди которой был приклеен прозаический ярлык «Книга учета прихода-ухода сотрудников секретариата и юридического отдела АПУ». Книга лежала на приставном столике рядом со мной, и я напряженно ждала момента — открыть и полистать бы! — не вызывая естественного удивления и негодования канцелярских служителей. И от этого времея ожидания Поручикова мне не казалось тягостным, я мечтала, чтобы его подольше задержали многочисленные служебные и общественные дела.

Поручиков, повинувшись моей мольбе, не шел, но и канцелярские не редели. Кому-то наверняка были позарез нужны эти письма, коли четыре женщины, хоть и неспешно, но неостановимо раскручивали эту бесконечную бумажную карусель. И я было отчаялась, что какое-либо происшествие может отвлечь их внимание на одну-единственную нужную мне минуточку, но растворилась дверь, и какая-то женщина взволнованно сообщила:

— Девочки! Девочки, в буфете финскую колбасу по пять сорок дают...

Мгновенно карусель притормозилась, и в буфете была снаряжена заготовительная экспедиция из девочки-девушки и девочки-бабушки. Еще одна девочка-девушка помчалась в гардероб за сумкой, а остатная бабушка сказала мне душевно:

— Не примет тебя сегодня Григорий Николаевич, зря сидишь, родная...

— Да я же сказала: не на прием я, мне ему от знакомых привет передать, — смело наврала я.

— Ну, как знаешь, сиди, если есть охота, — милостию разрешила бабка и, отойдя в угол, наклонилась над

электроплиткой, на которой варился в большой жестянной банке сургуч для печатей.

Не поднимаясь со стула, я протянула руку к амбарной книге и открыла наугад чуть дальше середины — 26 августа, разлинованный аккуратно список сотрудников с пометками об убытии-прибытии. Листанула еще пачечку страниц — 18 сентября, еще быстро два листа — вот энто, 22 сентября, понедельник. Быстро, быстро — вот, вот — Поручиков. «С 16 час. до 18 час. — согласовательная комиссия в облисполкоме». Порядок. Закрыла журнал, облегченно вздохнула. Руки тряслись. О волшебство недостижимого хладнокровия Штирица!

Бабка сопела, что-то бурчала под нос, помешивая сосновой щепкой булькающее коричневое зловонящее варево.

Теперь я ждала Поручикова с особым нетерпением. Очень хотелось узнать у него, каким способом ему удается одновременно заседать в согласовательной комиссии облисполкома и участвовать в пьяной драке на улице.

И он пришел — почему-то со счетами бухгалтерскими в руках, мечтательно-задумчивый, как Орфей с цитрай. Рассеянно взглянул на меня:

— Вы ко мне?

— Да, Григорий Николаевич. Моя фамилия Полтева...

Он внимательно посмотрел на меня — не удивился, не напрягся, не испугался и не разозлился.

— Ara! Я уже слышал о вас, заходите...

Он уселся за стол, положил счеты и вытряс из картонной папочки кучу мелких денег. Очень ловко и быстро он стал сортировать их по купюрам, потом складывал в ровные пачечки и результаты пересчета записывал на бумажку. Я терпеливо следила за его кассирскими ухищрениями. Поручиков поднял голову и сказал со смешком:

— Очень доволен вашим визитом. Если бы вы не пришли ко мне, я бы вас разыскал сам. У нас ведь с вами роли в этой истории приблизительно одинаковые. — Поручиков достал из стола пачку сигарет «Ява» и протянул мне: — Курите?

В пачке лежали две сигареты. Под коричневато-желтым пробковым фильтром синенькими стройными буквами на белых палочках сигарет значилось: «Marlboro».

— Спасибо, я не курю...

— А я несколько штучек в день позволяю...

Ай-яй-яй, какой замечательный мужичок мне встретился! Воистину человек без ненужных амбиций — в пачке «Явы» у него лежит «Мальборо»! Две штучки. В ящике стола у него наверняка есть надкусанный бутерброд с севрюгой, а в сейфе заперта пачетая бутылка коньяка «Двин».

Поручиков чиркнул спичкой, и в комнате поплыл синеватый дым, приятный аромат хорошего табака, перебивший вонь сургуча и клея.

— Так вот, роль у нас одинаковая и задачи, мне думается, одинаковые...

— А мне думается, что роли у нас совсем разные, — перебила я его сладкогласие. — Вы, как там ни крути, участник драки!

— Ошибаетесь, Ирина Сергеевна! Не участник я — свидетель! Сви-де-тель! — сказал он раздельно, сделав звучный курсив. — Я ни в каких драках не участник! Не был и не буду! Уличные бои — развлечения не из моей жизни!

— А что же вы там делали?

— Оказался случайным свидетелем, как на моих довольно дальних знакомых напал совершенно неизвестный мне прохожий, — загорелось его младенчески дряблое лицо скопца, раскраснелась старческая кожа. — Сначала принял все меры для недопущения уличного эксцесса, а затем проследил, чтобы все было оформлено в соответствии с законом...

— Понятно, — кивнула я. — Это вы, наверное, в соответствии с законом согнали с места происшествия Риту?

— Риту? Какую Риту? — бесконечно удивился Поручиков. — Первый раз слышу. Впрочем, может быть, там и была какая-то женщина, но я вам сказал уже, что это довольно далекие мои знакомые. Я и двумя словами с ними не перекинулся, когда началась драка... Что скажете?

— Что скажу? Что вы очень умный и осторожный человек, Григорий Николаевич.

— Что есть, то есть, — готовно согласился Поручиков.

— В рассказанной вами версии все правда и все одновременно ложь...

— Почему ложь? — возмутился ненастояще Поручиков, он ведь не играл со мной всерьез, он репетировал, он обкатывал на мне свои показания.

— Были вы на месте драки? Были. Но в драке не участвовали. Напал неизвестный прохожий на Шкурдюка? Напал. Но почему напал, вы не видели. Знакомы вы с Чагиным и Шкурдюком? Знакомы, но не близкие друзья и не сбутыльники. Была Рита? Не было. А может быть, была, но вы не знаете ее...

— Что же вам не нравится в моем рассказе? Я подчеркиваю — рассказ, а не версии, поскольку вы покамест не следователь...

— Да, я не следователь. Но я заметила, что в отли-

чие от ваших друзей вы не верите в безоговорочную победу над Ларионовым. И оставляете себе на всякий случай лазееки — вроде незапертой двери на черном ходе...

— Правильно, Ирина Сергеевна! У вас абсолютно мужской склад ума, и все вы рассудили правильно! Одно удовольствие потолковать с неглупой, интересной женщиной! И поняли вы меня правильно — будь моя воля, я бы сам Шкурдюку сломал рога. Но, как говорят французы: ноблесс оближ, положение обязывает...

— Врат? Защищать хулиганов?

— Нет! Уклониться от падающего с крыши кирпича! Поверьте мне, я прожил голодную юность, исполненную трудов и унижений молодость и мучительно проживаю свою зрелость не для того, чтобы Шкурдюк плевался в прохожих, а Чагин молотил их по голове бутылками. Но я оказался в тот злосчастный час вместе с ними и могу потерять в одночасье все!

— Я вижу, что вы не сильно высоко цените своих друзей, — усмехнулась я.

— А их и не за что высоко ценить, — деловито ответил Поручиков. — Но как бы катастрофически ни развернулись для них события, они очень мало пострадают. По сравнению со мной, конечно. Шкурдюк — паупер, аттракционный люмпен. Ему нечего терять, кроме цепей от карусели. Чагина отбьют, отмажет тестя. А я? Меня выкинут на обочину жизни, как кожуру от съеденного банана. Нет, нет, нет. Сократ мне друг, а своя задница, извините, пожалуйста, дороже...

— Значит, если вы не хотите пострадать из-за хулиганства ваших друзей, есть один выход — отправить Ларионова в тюрьму?

— Ирина Сергеевна, да что вы меня этаким кровожадным злодеем изображаете? Я с первого момента, как только прибыла милиция, изо всех сил старался покончить дело миром! Я вашего Ларионова просто умолял уйти по-хорошему! Разойтись всем в разные стороны! Я предлагал ему все: чтобы Шкурдюк извинился, Чагин на другой день вставит своим иждивением витрину, достанем и возвестим магазину телевизоры! А он ни в какую! Вот и имеет теперь хороший компот! Две тысячи лет христианство слезно умоляет, сердечным упросом просит: ударили тебя по правой щеке, подставь левую, и будет мир во человечех! Тем более что Шкурдюк готов был извиниться...

— Вы же понимаете цену извинения Шкурдюка, — заметила я.

— Понимаю! Он сам предложил Ларионову потом, чтобы тот в порядке сatisfакции плонул ему в лицо трижды... Мол, от него не убудет...

— Да, от Шкурдюка не убудет, по-видимому... Но Ларионов хотел справедливости...

— Ой, Ирина Сергеевна, не говорите только мне высоких жалостных слов! Справедливость похожа на дрожжи, штука полезная, но в чистом виде несъедобная! Нельзя любить дрожжи! Сейчас поведение Ларионова — это не борьба за справедливость, а сутяжный бред, синдром правдоискательства. И времени почти не осталось! Завтра еще можно затормозить эту телегу с дерьмом, спустить как-то на тормозах с минимальными потерями...

— А послезавтра?

— А послезавтра, поет моя любимая певица, время, как часы, не остановишь. Вашего друга начнут кормить консервами для несговорчивых — печенье Прометея в собственном соку...

— А ваши друзья будут по-прежнему плеваться в людей и колотить их бутылками по голове?

— Он тяжело вздохнул:

— Какие друзья? Какая дружба? Жизнь — мероприятие коллективное, и мы все с кем-то живем. А дружбы бывают только у подростков. Взрослые люди не могут и не должны дружить — нет времени и сил. Нет никакой дружбы! Я даже в энциклопедии посмотрел, что там ученые говорят об этом. Нет, отвечают, никакой дружбы. Остров Друзья где-то есть в Полинезии, и Жан Друг, опознавший и выдавший короля Людовика, когда-то был. А дружбы просто так нет. Есть более или менее сбалансированная система обмена материальными вещами и моральными услугами... Этому надо дать совет, а этому — помочь экономически! Вот и все...

— Может быть, — согласилась я. — Я подумала, что лжец обречен на мучительное существование — надо все время помнить и не путать правду и выдумку...

— Это мне не трудно, — махнул рукой Поручиков. — У меня очень хорошая память...

С грустью, а не злостью смотрела я на него. Мне его уже стало немного жалко. В его завистливой, алчной душе долго бушевали яростные страсти, пока она не обросла бурой наждачной накипью, как дно старого чайника.

— Печально, Григорий Николаевич, что из-за необходимости врат в пользу своих недрудей вам придется прервать хоть и трудный, но победный путь из полной мизерабельности в абсолютные эмпиреи...

Он покачал отрицательно головой:

— Нет, это вам не удастся... Хотя нам повозиться с вами придется... И поскольку мы затеялись грозить, хочу вам сказать: отойдите вы, бога ради, в сторо-

ну! Пока у нас что-то случится, у вас все дела враско-
сяк полетят...

Даже в прихожей ломило уши от телевизионного
ора — на скучающем музикальном фоне степенный муж-
ской голос невыносимо громко объяснял что-то про
прелести автомобилизма.

— Потиши! Сделайте свой треклятый телек поти-
ше! — крикнула я внутрь квартиры.

Выскочила сияющая Маринка, счастливо взвизгну-
ла:

— Папин.. фильм.. показывают!..

И не давая мне снять плащ, поволокла за руку
в комнату. Перед телевизором сидели Сережка и Ларионов. Вид у них был немногого виноватый — на жур-
нальном столике перед ними воздымалась гора янтарно-желтых душистых бананов, под столиком — поднос,
на который они складывали шкурки.

— Мама, мы едим бананы от пузы! — сообщил Се-
режка.

— Это что, сорт такой? «Отпуша»? — спросила я.

— Нет, мамуль, это не сорт — это количество! —
счастливо сказал Сережка. — Незаметно переходя-
щее в качество!

— А ужин? — безнадежно поинтересовалась я.

— Ирина Сергеевна, бананы прекрасно заменяют
любую еду, — стал уверять меня Ларионов. — В них
весь есть все, можно целый год одними бананами
питаться...

Он сорвал с грозди огромный банан — удивительный
плод, полный солнца, аромата, сладкой слизистой мя-
коти, нежно-гладкий, увесисто-тяжелый — и протя-
нул мне:

— Потрогайте, Ирина Сергеевна, банан всегда теп-
лый...

Ларионов не смотрел на меня, он не хотел взглядом
напомнить мне о тех словах, что сказал мне днем.
Но и упрямой наступленностью бровей демонстри-
ровал твердую решимость ни от чего не отказы-
ваться.

— Смотрите, смотрите, — сказал Сережка, показы-
вая на экран. — Это папан смешно придумал...

В недрах телевизора бушевало драматически-сча-
стливое действие — на эстраде крутились блестящие
стеклянные барабаны, пересыпая внутри себя па-
tronчики белых скрученных бумажек, потом в барабан
запустила пухлую ручку девочка с бантами, достала
одну бумажечку и показала комиссии — на электриче-
ском табло вспыхнули цифры и сообщение из ненауч-
ной фантастики — «выпал максимальный выигрыш —
10 000 рублей», какой-то мужчина, совершенно слу-
чайно оказавшийся в тиражном зале с единственной
своей счастливой облигацией, хладнокровно подни-
мался на сцену с видом человека, уставшего от этих
непрерывных и постоянных выигрышей, даже в чем-то
надоеvших ему. Но дикторский голос, котовый-сытый,
увещевающе-ласково, многообещающе сообщил нам,
что владелец максимального выигрыша становится
снова избраником фортуны — ему предоставляется
право ВНЕЧЕРЕДНОГО приобретения легкового ав-
томобиля «Волга» ГАЗ-24!

И в следующем кадре счастливчик с лицом просвет-
ленным, полным чувственного наслаждения, с выра-
жением бурного блаженства широко катит за рулём
белой «Волги» в сопровождении яркой блондинки с развеивающимися на ветру волосами.

Покупайте облигации!

Сережка сказал с восторгом:

— Во-о, зыко! Молодец, папан! — потом повернулся
ко мне и спросил совершенно невинно: — А девица
полагается по облигации или вместе с внеочередной
«Волгой»?

— Нет, — сухо ответила я. — Девица была у него
в прежней, менее счастливой жизни!

Я со страхом подумала, что Сережка уже совершен-
но большой парень, он, наверное, понимает много
больше, чем говорит.

На экране появились титры: «Вы смотрите фильмы
студии телевизионной творческой мастерской. Автор — Виктор
Полтев...»

Витечка — один из мэтров этой студии, сценарист
и режиссер. Много лет он готовился к прыжку в «боль-
шое» кино, но, наверное, я ему мешала. И он ушел
к Гейл Шихи. Может быть, при ней ему это удастся.
Он снимет свой шедевр, своих «Веселых ребят». Сначала напишет задуманный очень давно роман, а потом
экранизирует его. У него получится «Счастливые
ребята» — простая, но талантливая девушка любит замечательного парня, но он по недопониманию женат
на другой, менее достойной, более старой. Тогда про-
стая девушка на сдачу с газировками покупает случайно
облигацию и получает по ней главный выигрыш. Но
для внеочередного приобретения легкового автомо-
бilia «Волга» надо доплатить еще шесть с небольшим
тысяч. Тогда девушка осознает свой кризис и описы-
вает его в замечательной научной работе, за которую
ей дают случайно госпремию, несмотря на интриги
и проказы менее достойных учених. Сложив получен-
ные средства, она внеочередно приобретает ГАЗ-24
и привезает к своему избранику, который, осознав
неправильность их жизни в разлуке, уезжает с ней,
счастливый и полный надежд. Белая «Волга» при-
вольно катит по пустынным улицам и тенистым буль-

варам, утренний ветер треплет и развевает прекрас-
ные волосы девушки по имени Тайл Шихи. Счастли-
вые ребята. И девчата...

— Мамуль, ты не слышишь меня? Я ведь сегодня
мог стать таким же богатым, как этот гусь с «Волгой»...

— Он денег много нашел! — выкрикнула Маринка,
не в силах больше сдерживаться.

— Где? — удивилась я.

— В школе, в раздевалке... После шестого уро-
ка... — Сережка протянул мне две туго скрученные
пятерки.

— Зачем ты их взял? — спросила я строго.

— А что мне надо было сделать с ними? — засмея-
лся Сережка. — Там их бросить?

— Мы объявление написали! — снова выскочила
Маринка. — Сережка диктовал, а я фломастером пи-
сала...

— И что же вы написали?

— Потерявшему деньги позвонить по телефону
к нам домой. А сколько денег мы нашли, не написали.
И какими бумажками...

— Да, не написали! А то еще хитрый какой-нибудь
найдется, скажет, что он потерял, — тараторила
в благотворительном восторге Маринка. — А еще, мам,
нам Галина Лаврентьевна велела принести по шесть-
десят пять копеек на подарки для детей Зимбабве...
Или Танзания — я чего-то забыла...

— А ты знаешь, где находится хотя бы Зимбабве?
— не удержался в резонерском порыве Сереж-
ка. — Или Танзания, тебе ведь все равно...

— Не знаю, мы этого еще не проходили... И не надо
меня знать, где оно... Я знаю точно, что там голод-
детки черненькие, голодные, нам кино показывали...

— А я ходил в Танзанию, — заметил Ларионов. — На
остров Занзибар... Замечательное место...

— На Занзибар? — поразилась Маринка. — Это где
доктор Айболит был?

— Наверное, — кивнул Ларионов. — Мы с ним там,
правда, не встречались, разминулись. Прекрасный
остров в Индийском океане, почти на экваторе... Все-
гда солнце и легкий океанский ветерок, в любую жару
не бывает духоты... Купили на берегу мешок картошки,
привезли на судно, развязали, а там только сверху
килограмма три картошки, а остальное — апельсины...

Зазвонил телефон, и мы так и не узнали ничего об
острове Занзибар, кроме того, что там погода всегда
хорошая и обклюивают людей, впихивая им вместо
картошки мешок апельсинов.

— Слушаю... — снял Сережка трубку. — Да... Да...
Мы написали объявление в вестибюле... А сколько
денег?.. Как это какая разница?.. Да, я учусь в этой
школе... А в чем дело? Я что-то вас не понимаю...

Я увидела, что он начал стремительно бледнеть,
на острый скрип скулах появились комья злых жел-
ваков.

— Что происходит? — встала я и решительно про-
твинула руку: — Ну-ка, дай-ка мне трубку...

Сережка сунул ее мне в ладонь, как скользкую
мерзкую жабу:

— На, поговори, это какая-то психопатка... Сви-
нья...

— Алло, это мать Сергея Полтева, — сказала
я в микрофон и почувствовала, как его волнение
мгновенно передалось мне, как резко сорвалось дыха-
ние и забилось испуганно сердце. — Я вас слушаю...

— Добрый вечер, — медово ответил женский голос
в телефоне. — Я звоню по поводу пропажи денег
у моей дочери... Сегодня она принесла в школу де-
сять рублей на оплату обедов за следующий месяц,
и они у нее пропали...

— Возможно... Мой сын нашел деньги в раздевалке
и повесил об этом объявление в вестибюле...

— Но моя дочь говорит, что она их не могла потер-
ять в раздевалке... Она их переложила в портфель,
и деньги после этого пропали... Вы меня правильно
поймите — коль деньги нашлись, то не в деньгах
дело...

— Я вас не понимаю. — У меня руки затряслись.
Вы что хотите сказать?

— Я хотела просто вас предупредить... Дело в том,
что Леночка никогда не обманывает... Если она говор-
ит, что деньги были в портфеле, то как они могли
оказаться у вашего сына? — текла из трубы в ухо
ядовитая патока.

— Одну минутку, — перебила я ее решительно.
А когда ваша Леночка, которая вас никогда не обма-
няет, сообщила вам о пропаже денег?

— После школы... Открыла портфель, а деньги про-
пали...

— А как вы узнали, что надо звонить нам?

— Там же объявление было... Я пошла в школу,
чтобы сделать официальное заявление — дело ведь
не в деньгах, а в принципе... Если они сейчас начнут
безнаказанно воровать...

— А вы наказали дочь за пропажу денег?

— С какой это стати? — В патоке ощущало прости-
пил вкус горчицы. — Одно дело, если бы она по рассе-
янности и небрежению потеряла, я бы ее наказала
для воспитания в ней чувства ответственности! И по-
нятно, что деньги на дороге не валяются! Если их зарабатывают
честно, то они достаются очень тяже-
ло! Но совсем другое дело, если у нее деньги украли...

— Короче говоря, вы хотите сказать, что мой сын

украл деньги у вашей Леночки? — звенящим от яро-
сти голосом спросила я.

— Зачем же вы так резко формулируете? — брыз-
нул невыносимо сладкий сахарный сироп. — Может
быть, он просто взял зачем-то, а потом раздумал...

— Тогда потрудитесь объяснить мне, зачем он по-
весил объявление о находке денег?

— Я же говорю, ваш мальчик, наверное, понял, что
поступил нехорошо, и раздумал...

— Ага, вот это мне понятно! Но, видимо, вместе
с ним разумела воровать деньги его восьмилетняя
сестра, которая присутствовала в раздевалке, когда
Сережка нашел их и они вдвоем писали объявление!

Сироп начал густеть и темнеть, пора снимать. Она
недовольно сказала:

— Я ничего про вашу дочку не говорила и вообще
не знала, что она там была...

— А я знаю! — неожиданно для себя пронзительно
закричала я. — Ваша девочка боялась, что вы нака-
жете ее за рассеянность и небрежность! Проще сказ-
ать, что укради! Она же не знала, что Сережка повесит
объявление! А вы, вместо того чтобы похва-
лить и поблагодарить парня, плюете ему в лицо! Это
гадко и мерзко! Не смейте звонить сюда больше!
А деньги я завтра сама отнесу в школу...

Ухали, тики, тараторили гудки в трубке, которую
я забыла положить на рычаг.

Маринка, Сережка и Ларионов с одинаково испуган-
ными лицами смотрели на меня, потом Сережка на-
пряженно засмеялся — видно, лицо у меня было
совсем плохое, и сказал почти весело:

— Да ладно, мам, не обращай внимания! Больные
люди... По себе судят...

И Ларионов включился в процедуру угомонения
меня:

— Меня тетка в детстве чуть из-за денег не убила...
Мать по вербовке в Сибирь на заработки уехала,
а я жил у ее сестры... Тетка, царствие ей небесное,
человек кругой была, женщина ужасно строгая, и де-
нег мне, естественно, ни на что не давала... А тут
у меня открылся заработка колоссальный, просто
Клондайк. Сенька Смага, деклассированный лабух,
поймал меня во дворе — ты, говорит, на кларнете
играешь, я, мол, слышал... Ну, играешь — сильно сказано,
так, в школьной самодеятельности дул понемногу... Сенька предлагает: есть халтура, слабаем на жму-
рика, прилично забашляют... Почему-то во дворе
больницы назначил свидание... Сенька ведет меня
к моргу, а там уже митинг прощальной... Оказывается,
он подрядил меня играть на похоронах... Я до той
поры и покойника ни разу не видел... Сунул он мне
тетрадку с нотами: на, играй за нами... Я почти в обмо-
роке, но продержался до конца, доиграл... Смага дал
пять рублей, молодец, говорит, хорошо играл, очень
жалобно, родственники тобой больше всех довольны,
завтра снова пойдем лабать на жмурика... Только тут
я сообразил, что такое «жмурик»... А тетка вечером
взяла мою курточку, а из нее пятерка выпала... Ну,
стала она меня лупить чем под руку попадя: «Украд! Украд!...» Я пытаюсь слово вставить, объяснить, что
к чему, а она знает свое: негде тебе такие деньги
взять, только скрасть... Потом все-таки объяснил,
сижу обиженный, соплю, скую — ни за что, ни про что
избила! А тетка говорит: избила правильно, но не за
то! Чтобы со скрытыми людьми не водился, тебе
Сенька не компания...

Маринка, слушавшая с сочувствием и ужасом исто-
рию, сказала гордо:

— А нас с Сережкой тетя Ада никогда не бьет!
Мы все засмеялись, а Ларионов сказал Маринке:

— Они довольно не похожи между собой — наши
тети...

— Ребята, вынесите шкурки в ведро, — прервала
я их педагогические воспоминания. — А ты, Сережка,
завари чай, пожалуйста...

Уютно сновали ребята. Ларионов смотрел остановив-
шимся взором на экран телевизора, я прихлебывала
чай и думала о том, как все трудно запуталось, о Вите-
чке, о наших с ним сложносочиненных отношениях
с придаточными предложениями, вводными и подчи-
ненными оборотами, о том, что никакого успешного
выхода из кризиса для него не предвидится, посколь-
ку он — зверь, выросший в доме, ему нельзя возвращаться
на волю, в лес, для него свобода — погибель.
И Ларионов...

Как мне его называть? Алексей Петрович? Товарищ
Ларионов? Просто Ларионов? После того, что он сказ-
ал мне сегодня?

— Алеша, я была сегодня у Поручикова...

Не отрывая невидящих глаз от телевизора, он кив-
нул:

— Да, я догадался... Я только не понимаю, зачем?
Зачем вы ходили к нему?

— Хотела посмотреть на него, послушать. А вдруг
он не захочет врат и подличать?

— Так обычно не бывает, — покачал Ларионов головой.
— Мне показалось, что он у них вообще мозговой
центр. Этот подонок руководит их действиями. А че-
ловек не может быть во вторник подонком, а в четверг
молодцом. Это не костюм, это навсегда... Я бы и рад
был как-то закончить эту историю и вас не мучить,
но не могу. У нас с ними несовместимость кро-
ви...

— Да, наверное,— согласилась я.— Вообще после разговора с Поручиковым я подумала о том, что появилось много людей, которым ничего не стыдно. Стыдно только не иметь денег...

— Их ничем не проймешь,— вздохнул досадливо Ларинов.— Я на очной ставке спросил Чагина: «Не совестно врать в глаза?» А он жалостливо посмотрел на меня как на полного придурка и сказал следователю: вашего клиента надо бы отправить в психушку на экспертизу...

— Ничего, отбьемся,— заверила я его.— Я ведь не зря ходила к Поручикову. В момент драки он по журналу рабочего времени числился на совещании...

— А какое это имеет значение? — не понял Ларинов.

— Мне кажется, большое. Нельзя одновременно быть на совещании и драться на улице. Нам нужна контригра — нам нужно все время доказывать, что они врут. Нам позарез нужно найти таксиста. Самим найти, на Бурмистрова у меня надежда слабая... Ладно, давайте все укладываться спать, завтра снова большой день.

Я приехала в редакцию за час до начала работы. Скорее всего я явилась на службу первой, судя по неодобрительному взгляду вахтерши Церберуни, тщательно проверявшей мой пропуск. На лице у нее была написана тоска, что нельзя меня непустить так рано в редакцию. По неспешной тщательности, с которой она рассматривала мое удостоверение, Церберуни явно хотела посвятить этому увлекательному занятию все оставшееся до начала работы время.

Я нетерпеливо спросила:

— Что-нибудь не так? Вам что-нибудь не ясно?

Она сожалением возвратила пропуск, молча кивнув в сторону лифта.

Я прошла по пустому гулкому коридору в репортерскую, уселась за свой стол, разложила блокноты, заправила чистый лист в машинку и напечатала заголовок: «Театр «Подмостки» — слово от сердца». Работала я быстро, с удовольствием, потому что театр мне понравился, и было приятно хвалить их выдумку, азарт, искреннее веселье. Это была полусамодеятельная труппа. Большинство из них работает в театре вообще без оплаты. Я поймала себя на том, что явно завидую им — они посвятили жизнь страсти, работе-забаве, которая была выше всех остальных забот, денежных проблем, бытовых нескладиц... Как жалко, что Витечка оказалась в какой-то творческой впадине — он обитал где-то между «подмостковцами» и профессионалами.

Ко времени, когда в репортерскую начала собираться наша редакционная шатия, я закончила статью, вычитала свои три страницы, поправила текст и отнесла ответственному секретарю Галкину.

Он бросил листочки в папку «загона», а я взмолилась:

— Женечка, дорогой, прочти сейчас, умоляю...

— Что за срочность? — сдвинул он на затылок очки.

— Женечка, мне срочно надо ехать в город, меня ждут в таксопарке...

— Это что такое?

— Репортаж из центрального бюро находок — можно смешно завязать курьезность пропаж на какие-то высокие этические примеры, — тараторила я настырно.

— Наверно, можно любопытно накрутить, — согласился ответчик и переложил мою заметку из «загона» к себе поближе.

Галкин быстро читал, усмехался, делал какие-то отметки на полях, а я думала о том, что мне надо скорее убираться из редакции, пока не приехал главный и не призвал к ответу за вчерашние бесчинства.

Галкин перевернулся последнюю страничку, будто хотел убедиться, что больше ничего интересного о театре «Подмостки» я не сообщила, и спросил:

— Действительно хорошо работают?

— Очень! Ярко, радостно...

— Сходить бы, взглянуть, — вздохнул Галкин. — Да времени все равно не найду. Так и живем — всем обо всем сообщаем, сами ни фига не видим. А ты молодец! Лихо написала...

Сложил листочки в тонкую стопочку и в углу написал: «В набор», а мне одобрительно-весело приказал:

— Давай, про такси в том же духе...

Еще вчера я поняла, что мне не следует дожидаться следственной инициативы Бурмистрова. Мне надо заниматься этим самой. И разыскать таксиста надлежит незамедлительно, пока Чагин не выполнил своего обещания исчерпывающе доказать полную и неосторожную вину Ларинова.

Тем более что я давно собиралась написать заметку о рассеянных людях в городе, и это был прекрасный способ объединить полезное Ларинову, приятное мне и нужное людям. Я даже придумала заранее название: «Рассеянные с набережной Бассейновой».

Здесь, на Бассейновой набережной, очень быстро и доброжелательно ответственная дежурная бюро находок Химуля объявила мне, что никакие мои представления о людской рассеянности не соответствуют масштабам реальности.

Бойко, не гнущаясь социальным анализом, Химуля констатировала:

— Люди сейчас стали более рассеяннее, чем раньше! Я тут одиннадцать лет работаю и могу точно сказать, что из года в год число находок и их ассортимент все время возрастают... — рапортовала она, будто доклад зачитывала. Все свои слова Химуля сопровождала энергичными жестами, как диктор телевизионных программ для глухонемых.

— А чем вы объясняете?

— Ростом всенародного благосостояния и личной озабоченности, — описала широкий круг руками Химуля. — На такси сейчас стали больше ездить — богаче стали, к вещам относятся менее бережно. А проблем и забот выше маковки. Меньше всего забывают вещи старухи и военные. Но и без них собираются у нас клады невостребуемые.

— А какой процент вещей вы возвращаете пассажарам?

— Процентов двадцать, я так думаю, приблизительно одна пятая часть находит своих прежних хозяев, — сказала Химуля, показав мне для убедительности один из пальцев правой руки.

— А что происходит с невостребованными вещами?

— Продается, — продолжала я допытываться. — У нас ежеквартально работает оценочная комиссия. Вещи, не востребованные в течение квартала, мы оцениваем, и те, которые могут быть проданы, реализуются через скопторг. Ну, а барабанщик, разные там вещи, не имеющие товарной цены, нами списываются и уничтожаются... — И она встремянула руками, будто сбрасывала с них прилипшие крошки.

— И продукты тоже? — задала я наконец самый волнующий меня вопрос. Ax, если бы знала Ада, как я буду разыскивать ее «живой привет».

Дежурная засмеялась, ответив довольно загадочно:

— Сматрите какие продукты... — и прочертала в воздухе вопросительный знак.

— Ну хорошо, — не стала я напирать сразу. — Вы мне объясните, каким образом попадают к вам забытые вещи? Так сказать, технология — от машины до бюро находок...

— Очень просто! В каждом таксопарке шоферы сдают вещи диспетчеру, там регистрируют в журнале и на другой день связывают сюда, в центр, а мы уже в сводный журнал все вносим...

— Давайте посмотрим журнал, — предложила я. — Ну, например, за двадцать второе сентября.

— Пожалуйста, — широко распахнула она толстенную амбарную книгу. — А что вас интересует?

— Да мне все равно. Просил меня, правда, один знакомый узнать о своей фруктовой посылке...

Химуля замахала руками:

— Ну что вы! Прошло столько времени! Это наверняка уже списано и утилизовано...

— Да вы не поняли — меня не интересуют фрукты, — с максимальным чистосердечием заверила я. — Просто хотела узнать, кто привез сюда этот ящик.

Дежурная стала листать журнал в поисках давно минувшего двадцатого второго сентября. Вот он, лист поминования потерянных и забытых в этот день вещей общим числом семьдесят три различных предмета. Детская коляска, четыре пары перчаток и пять перчаток разрозненных. Три зонта. Портфель с бухгалтерскими документами, продуктовый заказ. Какой-то взволнованный мужчина так увлексяездой, что забыл пальто. Детские резиновые сапожки импортные, неношеные, в магазинной упаковке. Физиотерапевтический аппарат Дарсанвали...

Как мог попасть аппарат сюда? Кто ты такой Д'Арсанвали, загадочный аристократ с фамилией из «Трех мушкетеров», придумавший машинку для прогрева ногоглотки?

За пунктом 43 значилось: «Второй таксомоторный парк. Фанерный ящик с фруктами. Содержание — яблоки, груши, виноград, помидоры, общий вес одиннадцать килограммов...»

— Вот она, посылка! — обрадовалась я.

А Химуля, застенчиво отворачиваясь, сказала, что содержание фанерного ящика было скорее всего утилизовано. И впервые ее жестикуляция не соответствовала словам, ибо руку она прижимала не к животу, а к сердцу.

— Понимаете, так полагается, — убеждала она меня. — По инструкции надлежит уничтожать фрукты на третий день. Чтоб зараза какая-нибудь не возникла...

А я так же страстно убеждала ее, что меня не интересует, куда делись фрукты, а важно только, что привезли их из второго парка, и мне хотелось бы найти таксиста, чтобы поблагодарить его, а для этого надо узнать его фамилию...

— Этого я не знаю, вам надо во второй парк ехать — там точно скажут...

Стремительный проезд через весь осенний серый город. Я думала о том, что в последние дни моя жизнь приобрела лихорадочную стремительность. Никогда прежде мне не доводилось так интенсивно, так взволнованно жить.

И вдруг без всякой связи я вспомнила наказ Старика истово заниматься делом Ларинова. Старик всегда мыслил какими-то сложными категориями, по-

буждения и мотивы, которыми он руководствовался, трудно было сразу уловить. Может быть, поручая мне биться за Ларинова, он думал вовсе не о торжестве справедливого дела? И наверняка не думал о Ларинове, которого он знать не знал, никогда не видел, ничего не слышал. Может быть, он хотел загрузить меня трудной и нервной борьбой за другого? Может быть, он хотел силой навязать мне лидерское место в жизни? То самое лидерство, которого я так панически всегда избегала? Может быть, он предвидел, что я буду ездить в поисках ящика с утилизованными фруктами и физиотерапевтическим аппаратом Д'Арсанвали? Загадочные, непонятные пути доброй-сторони.

Мне не пришлось пробиваться через вахтеров на территорию таксопарка, потому что с улицы можно было пройти в административный корпус, и довольно легко я разыскала нужного мне диспетчера. Женщина взяла с деревянного прилавка синюю лидеринову общую тетрадь, переспросила: «Когда? Двадцать второго? Сейчас посмотрим...»

Она водила пальцем по разграфленной странице тетради, медленно шевелились губы — читала про себя. Ее накрашенный яростно-алым лаком ноготь полз по строчкам тетради, а у меня было ощущение, будто она скребет этим ногтем мое сердце. Господи, как я надеялась! Дыхание остановилось — сейчас она, как крючком, вытащит этим слегка согнутым пальцем, наживленным красным ногтем, из сетки линейек и полосок волшебной золотой рыбки истины! Номер машины, фамилию таксиста, который сможет наконец сказать всю правду! И палец ее замер, она подняла на меня взгляд и спросила:

— Когда пассажир ехал? Утром? Вечером?

— Вечером. Это было приблизительно в половине седьмого... Водитель сказал, что у него кончается смена...

Диспетчер посмотрела снова в тетрадь, кивнула:

— Оно! Автомобиль 25-15. Водитель Глухоманов. Сдал в девятнадцать десять ящиков с фруктами...

— Глухоманов! Глухоманов! — зачарованно повторяя я. — А как с ним повидаться?

— Сейчас посмотрим по графику смен, когда он выходит на работу. Глухоманов... Глухоманов, — просмотрела она списки. — А! Никак вы с ним не повидаетесь.

— Почему? — испуганно подалась я к ней.

— А он с позавчера дня капусту возит. В командировку послали, на овощные перевозки.

— А когда вернется?

— Не знаю, обычно мы шоферов по колхозам недели на две посылаем.

— А где эти овощные перевозки происходят? — удрученно спросила я.

— Их обычно в Приреченск посыпают. Это отсюда недалеко, километров сто. Может, чуть больше...

— Да, совсем недалеко занесло тебя, Глухоманов...

Когда-то Витечка не раз строго указывал мне на прискорбное свойство моего характера: я охотнее се туго, чем радуюсь. Давая мне очередной укорот, он справедливо отмечал, что из-за таких вялых нытиц, как я, придумали поговорку «пришла беда — открывай ворота». И убедительно разъяснял: владая в демонстративное бессилие от первой неприятности, я ослаблю, оглушлю самое себя и предопределю свою неготовность противостоять следующей невзгоде. Сам же он верил, по его словам, в железнную закономерность, хоть и не подтвержденную ни одной поговоркой: одна удача вызывает за собой последовательный цикл новых успехов.

Честно говоря, я и без Витечки точно знаю, что человек, приподнятый нежданым успехом, обретает новую силу, раскованность, уверенность в себе. Снижается трение неурядиц, падает сопротивление в цепи жизненных проблем, салоги сами летят семимильными шагами везения. Беда только в том, что эти случайные удачи приходят ко мне крайне редко. И вышибают их с судьбы приходится, как шахтеру-стахановцу, отбойным молотком. А когда отколотила себе приличный кусок везения, то вместо радостного скользящего рывка к счастью хочется присесть и малярено передохнуть от этой победы.

Но сегодня мне удалось из небытия извлечь на свет божий таксиста Глухоманова, хоть и перевозящего сейчас за сто с гаком верст капусту. И, помня Витечкины уроки, я решила уцепиться за жар-птичий хвост фортуны и поговорить с женой Чагина.

Везение взбадривает мозги, и, раздумывая о том, как мне ее разыскать, я убедилась, что рассказы о необычайном хитроумии сыщиков, непостижимой сложности их таинственной работы сильно преувеличены. За двадцать копеек в справочном бюро мне дали адрес Чагина. А заодно и сообщили о том, что жену его зовут Ольга Ивановна.

Нет, что там ни говори, а таинственная связь совпадения успехов существует! Только счастливой случайностью — результатом моей утренней удачи с Глухомановым — можно было объяснить, что Чагин прожигает почему-то не на далекой городской окраине в новостройке, куда мне надо было бы час тащиться на автобусе, а в самом центре, в прекрасном кирпичном доме, который называют «совминовская башня».

В подъезде в застекленной будке сидел сухопарый

беселый мужичок. Несмотря на годы, в нем была жилистая выправка старослужащего.

— К кому? — командно-коротко остановил он меня на пути к лифту.

— К Чагинам...

Я ему чем-то не понравилась, и он положил руку на трубку телефонного аппарата. — А вас ждут?

— Конечно, ждут, — бесстрашно наврала я, со страхом следя за его костистой ладонью, неуверенно замершей на аппарате.

Он был вялый и злой, как осенний комар. Неодобрительно покачал головой в фуражке с пятном на месте споротой кокарды и разрешил:

— Ну, идите тогда... Четвертый этаж...

Странный, конечно, консьерж. И только войдя в лифт, я сообразила, что он знает в лицо не только жильцов охраняемого им дома, но и их постоянных гостей — я была чужачка!

Господи, зачем развелось в мире так много вахтеров, сторожей, конвоиров! Что стерегут они? Если бы им всем дать в руки лопату, то Земля покрылась бы кандалами, как Марс, а Сахару они засадили бы лесами!

Но они не хотят брать лопату. Они хотят проверять людей на входе и выходе.

Нажала кнопочку, и зателебенькала, запел звонок, прошелестели шаги, щелкнул замок, открылась дверь, и очам моим явилось зрелище непререносимо прекрасное — жена Чагина.

В целлофановой шапочке, прикрывающей бигуди, в пеньюаре невозможной красоты. Пеньюар был похож одновременно на халат, тунику и концертное платье. Не знаю, из чего это было сделано — может быть, из перьев рыбы, может быть, из свинчих потрохов, но впечатление пеньюара производил сногшибательное. А Ольга Чагина оказалась женщины моего возраста и весьма красивой. Она держала меня на лестничной площадке у приоткрытой двери, не обнаруживая ни малейшего желания вступить в прихожую.

Я испытывала чувства человека, впервые влезшего на лыжный трамплин. Немного тверди, плавно уходящий вниз, а дальше — пропасть...

— Здравствуйте, Ольга Ивановна, я пришла рассеять возникшее между нами недоразумение...

— Какое еще недоразумение? — сказала она недовольно. — Я вас вижу первый раз.

— Да, конечно, мы ведь с вами незнакомы. Но я звонила вам...

Она подозрительно всматривалась в мое лицо, а потом раскрыла дверь и очень строго пригласила:

— Зайдите.

Отделанная деревом и сияющими латунными полосками передняя. Шкаф для одежды — под самый потолок. В углу здоровенная керамическая ваза с камышами. И над головой — оскалённая кабанья голова. Казалось, что кабан ухмыляется, высывая через черную губу кривые желтые клычки. Это он надо мной смеялся, противный дикий свиноган.

— Я вас слушаю, — сухо сказала Ольга, и я поняла, что она меня впустила не для разговора, а чтобы я на лестнице не базарила — соседи могут услыхать.

Мне пришло торопливо объясняться:

— Я журналистка, моя фамилия Полтева. Я хотела повидать вашего супруга, но не знаю, дома ли он...

— Кто же из работающих людей в середине дня бывает дома? — спросила она недовольно.

— Тогда я поговорю с вами. Я звонила из автомата, но телефон не соединился, я только поняла, что вы были недовольны моим звонком. Мне кажется, что вы приняли меня за кого-то другого...

На лице Ольги простили досада, неуверенность и мгновенная борьба: то ли выпереть меня сразу, то ли узнать сначала, зачем я пришла. Эти недолгие размышления она наконец разрешила приглашением:

— Проходите, поговорим. Снимайте обувь...

Я повесила на вешалку плащ, поставила в угол сумку и начала стягивать туфли.

Ольга Чагина подвинула мне ногой волючные тапки. Мне вообще очень нравится современная милая мода заставлять гостей разуваться. Может быть, я все это придумываю зря, но мне представляется в этом замечательном обычай что-то ужасно уничижительное и для гостей, и для хозяев. Это душевное боячество, торжество разбогатевшего и обустроившегося жлоба над вчерашней бездомностью. Нет, я наверняка знаю, что приличные люди не должны заставлять ходить гостей разутыми по квартире. Но, наверное, у Ольги Чагиной были другие представления.

Я думаю, что она так же далека от всех моих проблем, будто находится сейчас в Японии — там ведь все в домах босиком ходят.

Надела я шлепанцы и шагнула к двери в комнату, но Ольга, легонько похлопывая меня по руке, повернула налево и так, регулируя мое движение по противной квартире, словно водитель электрокара, направила меня в коридор, мягко нажала на правое плечо — через холл, снова по левой руке — вход в кухню. Понятно, здесь и будем беседовать.

На столе стояла большая чашка с рубиново-красным чаем, а в вазочке насыпаны почти забытые мною конфеты — навсегда исчезнувшая клюква в сахаре. Смешно, что существует определенный рацион, целый

список продуктов, спрашивать о которых «где купить?» просто неприлично. Ясно, что доставали где-то по блату. Пропала клюква в сахаре, и крабы, и языковая колбаса, и «раковые шейки», и говяжьи сардельки.

Наверное, не сезон сейчас на клюкву в сахаре. Ушло ее время. Из этого же ушедшего времени задержался в квартире Чагина зеленый стеклянный абажур, висевший над столом. Матово-белый изнутри, как будто зализты сливками, и нежно-зеленый, как майская трава, снаружи. Куда делись они? Когда-то в каждом доме были эти замечательные зеленые омыты душевного спокойствия и уюта. Исчезли. Кому мешали?

— Присаживайтесь, — пригласила Ольга, отошла к плите, распахнула застекленную дверцу духовки.

Пряный плотный аромат жалящейся птицы ударили в нос. В лотке противня лежала белотелая индейка, обливающаяся соком.

Ольга убедилась в ее примерном поведении — не подгорает, не сохнет, захлопнула дверцу и налила мне тоже чашку чая. Поставила ее передо мной и спросила недоверчиво:

— Так вы сказали, что вы журналистка?

— Да, я работаю в газете, — признала я этот любопытный социальный факт.

— Очень интересно. А зачем вам понадобился мой муж?

— Я хотела узнать у него о некоторых подробностях драки...

Ольга подняла брови, озабоченно покачала головой:

— Да-да, я слышала что-то, какая-то неприятность была. А вы что, хотите писать об этом?

— Не знаю, у меня пока нет для этого материала...

У нее было очень красивое лицо, которое под целлофановым колпаком, предназначенный сохранить ее будущую прическу, выглядело не очень живым. Я всматривалась в нее, и она мне все больше напоминала орхидею, продающуюся в парфюмерных магазинах венгерскую орхидею. Страстно-нежное растение в пластмассовой прозрачной коробочке. Ольга очень похожа была на эти консервированные цветы. Казалось, вскроешь целлофан, — уяннет, истлеет, рассыпется от воздуха, от дыхания нашей гробой, некрасивой жизни.

Очень хотелось спросить ее о девушке-разлучнице. А язык не поворачивался. Трудно вот так, решив стать сыщиком, сразу переступить через какие-то невидимые барьера, отделяющие нас, людей будничных, от чагинских и шкурдюков, которые не побрезгуют ничем, уничтожая Ларионова и меня, коль скоро мы болтаемся у них под ногами. Я это знала наверняка, но стучавшуюся Ольге о том, что Чагин развлекается на стороне, не могла. Хотя она это и без меня знала.

Я еще надеялась, что в ходе разговора Ольга сама что-нибудь расскажет. Она довольно легко щебетала, не касаясь никаких интересующих меня тем, и в основном жаловалась на трудности жизни простой женщины. Ее очень возмущало, что женщины, которые не ходят на службу, называют «неработающими». «Это я-то неработающая!» — с искренним возмущением воскликнула Ольга. Себя она относила к «простым» женщинам. «Непростой», «сложной» женщиной, видимо, была я, поскольку очередную сентенцию закончила Ольга странным выводом:

— Вы, журналисты, писатели, жизнь ведь знаете плохо! Вы живете в башне из слоновой кости...

Я сразу же призналась:

— Да, я действительно живу в двенадцатистенной башне из слоновой кости, каркасно-панельной...

Мы говорили, попивали чаек с клюквой, а я тихо умирала от голода, потому что в кухне нарастал нутро-раздирающий аромат жареного мяса. Углом глаза я видела через стеклянную дверцу духовки, как неспешно и ароматно кремируется постепенно розово-желтая индейка.

А Ольга глядела мне прямо в глаза, рассказывая с вязлой досадой о том, как много и тяжело работает ее муж. В ее взгляде — запечатанной в целлофан орхидеи — я не могла прочесть ничего. Ни злости, ни правды, ни горечи.

Потом Ольга искренне и горько рассказывала о своих жизненных трудностях, вызванных тем, что она никому не может отказать, а люди этим очень злоупотребляют.

— У меня такое ощущение, что я полянка зеленой молодой травы, которую всем непременно хочется вытоптать... — говорила она мне совершенно серьезно, а я согласно кивала головой. — У людей потребность испортить все беззащитно-нежное... Как бессмысленные мальчишки ломают молодые деревца... Целый день ходят какие-то знакомые, праздные просители, жалобщики — они своими разговорами иссушают меня, как маленький родник, наливаясь моей душевной силой...

Помаялась я немного и решила уходить. Уже в прихожей не удержалась и все-таки спросила:

— Так я и не поняла, Ольга Ивановна, кто же сволочь? Кто эта женщина, которую вы так ругали? Вопрос повис, как прятанная рука.

Ольга посмотрела своими прозрачными глазами на

меня, потом перевела их в сторону и снова взглянула на меня, и я вдруг вспомнила нашу учительницу танцев в старших классах, которая объясняла нам правило женского кокетства глазами: «Взгляд — в угол, на нос, на предмет». Ольга и смотрела сейчас на меня как на неодушевленный предмет:

— Боюсь, что вы меня не поняли. Это шутка! Я уверяю вас, Владимир Петрович — идеальный супруг и замечательный отец нашей дочки! А у меня никаких к нему претензий не было и быть не могло...

Злорадно таращилась красными глазами кабанья рожа надо мной, нагло скрипела желтыми кривыми клычками. Протягивая мне сумку, Ольга невыразительно заметила:

— Я вам вот что хотела сказать, милочка... Запомните это, вам это может пригодиться... Есть старый житейский закон: жена на мужа не доказчица...

Она смотрела на меня спокойными, ничего не выражавшими глазами и вместе с ухмыляющейся кабаньей мордой преподавала мне урок семейной клановой стяжки.

— Я очень рада за вас, — кивнула я. — Желаю вам большого счастья с вашим идеальным супругом и замечательным отцом...

А на работе уже бушевал скандал. Вулканический взрыв ярости главного накрыл меня как атомный гриб. Кипящая магма гнева, жарко дыша нетерпением скорой справедливости, волокла меня по паркету редакторского кабинета. Главный, забыв свое обыкновение на нас не орать, стучал кулаком по столу и исступленно спрашивал:

— Ты помнишь, что я тебе сказал последний раз? Ты помнишь?..

Немеющими от страха губами я прилежно, как ученица, повторила:

— Вы сказали мне, что я сошла с ума...

— Да, ты сошла с ума, — пузырился он, и я видела,

что он не только сильно разозлен, но и не на шутку встревожен.

Ох, уж этот всемогущий Барабанов! Кто бы мог подумать, что человек, занимающийся таким мирным делом, как озеленение города, строительство дач и организаций садовых товариществ, может напугать нашего главного так сильно! Какие же рычаги приведения к порядку существуют у Барабанова? Или, может быть, действительно нет уз святее садового товарищества?

— Объясни мне по-человечески, чтобы я понял, — надрывался главный, — какого черта ты лезешь на рожон? Что тебе надо? Зачем ты ворошишь там всякую гадость?

— Я хочу справедливости, — сказала я гордо, но голосом, дрожащим от испуга.

— Не говори ты мне эти глупости! — взвился шаровой молнией главный. — Все хотят справедливости! Зачем ты раздуваешь этот скандал? Зачем ты с ними ссоришься? Кто этот Ларионов? Муж он тебе? Любовник? Друг, брат, сват?..

Набрав в грудь воздуха, как перед прыжком в воду, я пискляво ответила:

— Разве справедливость существует только для брата, свата? Или любовника? Есть же принципы... Справедливость — это неделимое понятие!..

— Не смей мне говорить дурацкие пошлисти! — загрохотал главный. — И не учиченого! Ты еще не родилась, когда у меня это от зубов отскакивало! Я пытался с тобой говорить по-хорошему, а ты людского языка не понимаешь! Поэтому я тебя вразумлю по-другому! Выговарю! Объявляю тебе выговор с предупреждением! И запомни — это в приказе, на листочке в коридоре. А неофициально сообщаю тебе: если не уймешься, вылетишь вон из редакции! Мне партизанки в газете без надобности. Нашей печати хулиганки с журналистским билетом не нужны!..

Если бы все это главный изложил, как всегда, спокойно-насмешливо, тихо, уничижительно-вежливо, наверное, я и удержалась бы в привычной мне тугой узде страха, на длинной корde послушания, которой он выводил нас все эти годы в неостановимом круговом беге вокруг него. Но непривычность его клоунического крика сейчас свидетельствовала не о силе главного, а означала его испуг, и я вдруг неожиданно для себя завизжала тонким злым голосом:

— Объявляйте выговора! Увольняйте! Попробуйте только! Вы напрасно думаете, что вам все сойдет с рук! Есть правда! Вы ее не закопаете в барабановских садах! И в дачах не замуруете! И уволить не можете! У меня двенадцать благодарностей! Попробуйте только!..

И дальше случилось со мной нечто необъяснимое — подбежала к столу и сунула ему под нос скатые кулаки, заорала:

— Вы за это еще ответите!..

Вылетела из кабинета и грохнула с такой силой дверью, что секретарша чуть не упала со стула.

— Что с тобой? — бросилась она навстречу.

— Надоело все! — закричала я и помчалась в редакторскую.

Гнала по коридору, и чистое пламя ярости быстро меркло, гасло, туманилось и тухло от надвигающейся пелены привычного страха и подкатывающего под горло, как тошнота, ясного сознания, что обратной дороги у меня нет.

Старик в глубоком кресле у окна читал книжку про зверей. Кажется, Гржимека. Вернее, читал до тех пор, пока не задремал. Книжка съехала на колени, большие ладони деда устали лежали на цветном ярком переплете, подрагивали тяжелые перепонки старческих набухших век, и дышал он тихо, еле заметно.

Я хотела неслышно уйти на кухню, но дед, не открывая глаз, сказал:

— Не сплю я... Уже... Я рад очень, что ты пришла...

Как все деятельные люди, впадающие в немощность, он очень стесняется этой невинной слабости — дневного сна, нападавшего внезапно, как теплый обморок.

— Я видела, что ты не спишь... Как ты, дед, не глядя, угадываешь меня всегда? — спросила я громко, потому что для меня оставалось загадкой, как действительно при плохом слухе удается ему безошибочно угадывать мое присутствие.

— Не знаю, Ра,— покачал головой Старик.— Наверное, я просто чувствую твое присутствие. Мне спокойно, когда ты здесь. Хорошо... Ты мне скажи, что слышно у тебя?

— О-о! Дела мои прекрасны. Жизнь моя — сладкий сон, сказка. Я боюсь, что ко всем неприятностям меня еще выгонят с работы.

— За что? — удивился Старик.

— Ну я ж тебе рассказывала, с кем связался этот знакомый мой, Ларионов. За которого ты мне велел биться... Контрагенты у нас серьезные, крутые ребята! Они уже натравили на меня главного редактора...

Дед хмыкнул, взял в руки книжку Гржимека.

— Вот он пишет о таких случаях, — сказал он серьезно.— Есть собаки, кусающие от страха всех, кого ни попадя. Называются «ангст-байсер» — испуганный кусатель.

— Ну да, — согласилась я.— Эти тоже пугливые парни — от страха могут загрызть до смерти. Хотя на вид они не производят такого свирепого впечатления.

— А какое впечатление они производят? — поинтересовался Старик.

— Не знаю, дед. Благополучные, нагло-сътые. Они похожи на людей, для которых жизнь — огромная толстомясая корова с необъятным выменем, надо только присосаться к нему ловче! И упаси тебя Бог попробовать оттянуть их от сосков, полных молока и меда...

— Да, наверное, это рискованная задача, — покачал дед головой.— Вот о таких гладких злыднях я прочел недавно стихотворение. Там была жуткая строка: «Придет умытая кровью злобы и с криком кинется на людей». Я тогда еще подумал: должны же быть какие-то силы в обществе, чтобы надеть на них намордник?

— Наверное, должны быть. Я даже уверена, что они есть, — легко согласилась я.— Но меня удивляет, почему это должна делать я?

— Мы добровольно берем на себя свои обязательства, — сентенционно заметил Старик.

— По-моему, добровольно-обязательно, — заметила я.— Почему-то, когда мы еще были совсем молодыми и бедными, Витечка всегда покупал билеты в театр со штампом «места неудобные». Мне кажется, что еще с тех пор я навсегда застолбила себе жизнь на неудобях...

— Ра, девочка моя, — покачал головой Старик.— В ложе или в партере слушать оперу удобнее, но я точно знаю, что никогда вы не получали такого удовольствия, как сидя на неудобных местах галерки. В этом есть тоже своя справедливость и своя радость.

— Ну вряд ли опера покажется хуже во втором ряду партера. Только выбирать нам не приходится. Места неудобные — и точка. Жизнь уже сложилась...

Старик неожиданно засмеялся, сипло сказал:

— Нет, это ты рано считаешь свою жизнь окончательно сложившейся. Вот я, например, решил начать жить сначала.

— Это каким образом? .

— Очень просто: я прочитал обнадеживающую статью в журнале.— Он вздохнул и пояснил мне: — Я ведь все жизненные впечатления получаю теперь из почтового ящика...

— Ну и что было в этой статье?..

— Какой-то геронтолог объяснял, что человеку отмерено жить сто лет. Но в зависимости от характера, образа жизни, обстоятельств быта, от радостей и неизвесток к этому сроку годы или прибавляются, или вычитаются от этого века. Куриш — минус восемь лет. Бегаешь трусцой — плюс шесть. Я посчитал все составляющие: мой неподвижный образ жизни, перенесенные жизненные тяготы, болезни, одиночество и прочее, и результат получился неожиданный — оказывается, лет двадцать назад я уже умер. Поэтому я и решил начать все сначала...

— У меня такого выбора покамест нет...

— Тебе и не надо. У тебя впереди большая, интересная жизнь. Кстати, ты не знаешь, работает ли в прокуратуре Кравченко?

— Какой Кравченко? — не поняла я.

— Поинтересуйся, узнай, есть такой прокурор — Кравченко? Последний раз я с ним виделся давно, лет десять назад.

— А зачем тебе Кравченко?

— Да хотел узнать, как поживает, что делает...

— А что у тебя с ним общего?

— Дело в том, что я ему ампутировал ногу...

— Ты? — удивилась я.— Ты же стоматолог?

— Не было выбора, он бы иначе умер... Больше сорока лет назад... в партизанах. Он подорвался на мине. Одна нога была сильно изранена, а другая — размозжена до колена... Самолетов из-за линии фронта мы принять не могли, и в тыл не отправишь, немцы нас почти совсем задушили. Я делал ампутацию перочинным ножом и обычной пилой-ножковкой.

— Без наркоза? — закрыла я от ужаса глаза.

Старик грустно закивал головой:

— Я шил культу швейной иголкой, заправленной ниткой из трофейного парашюта. Я сам вспоминаю об этом со страхом — рану залеплял яичным белком, смешанным с золой и растиртой дубовой корой. Переизывал лоскутами рубахи, смоченными в льняном масле... И все-таки выходил я его.

— А что потом было?

— Потом? Потом он стал крупным начальником, кажется, прокурором. Я встретил его на тридцатилетии Победы. Он меня называл своим спасителем. Не знаю, может быть, это по случаю праздника?..

— А зачем он тебе?

— Да вроде бы ни за чем. Поговорить хотел...

— Хорошо, я спрошу, — пообещала я.— Я такой фамилии не слышала, но я узнаю, работает ли этот Кравченко. А может, он на пенсии уже?

— Вряд ли. Крепкий мужик. Когда я оперировал его, Кравченко было от силы лет восемнадцать. Тогда люди формировались раньше...

Старик встал из своего кресла и направился за мной на кухню. Я заметила, как он аккуратно одет. Погладил его по лацкану пиджака и сказал:

— Дед, как я довольна, что ты такой красавец.

Он усмехнулся:

— Я стараюсь держаться прилично, — покачал свой седой красивой башкой усталого грифа и добавил: — Ненавижу старческое слабоумное бесстыдство...

На кухне было чисто, аккуратно вымыта посуда и расставлена по своим местам. Не знаю, как умудрялся дед поддерживать такой порядок, ведь ему даже ходить было трудно.

Я спросила его:

— У тебя телефон Витечки есть?

Он поднял на меня косматые белые брови:

— Да. А зачем он тебе? Ты хочешь мириться?

— Нет, — помотала я головой.— Я не хочу с ним мириться. Мне нужно, чтобы он сходил к Сережке в школу.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, Сережка надерзил учительнице, и, по-моему, он прав. Я не хочу, чтобы в школе знали о том, что ушел отец, и не хочу, чтобы Сережка чувствовал себя сиротой. Я хочу позовонить Витечке...

Дед пожал плечами, оторвал от календаря листочек и написал на нем телефон.

Я сняла трубку аппарата и почувствовала, что у меня останавливается сердце, но усилием воли оттолкнула от себя тошнливую немоту бессилия и стискивающий горло страх, быстро набрала шесть цифр номера и услышала женский голос:

— Слушаю.

— Мне нужен Виктор Герасимович, — сказала я, будто битое стекло глотала, и голос мой звенел от злости и унижения.

— А кто его спрашивает?

Вот еще одна вахтерша, проверяющая мои права, всезнающая путеводительница через пустыню кризиса — мудрая Гейл Шишки.

— Скажите ему, что спрашивает Ирина Полтева.

На том конце, как чернильная клякса, растеклось молчание, тишина, какой-то шорох, шепот, наверное, она знаками объясняла Витечке, кто вторгся в их парадиз, переглядывались вззволнованно, и Витечка гrimасами давал ей указания. Потом ее голос, мягкий и вкрадчивый, неузнаваемый по сравнению с той канцелярией, что отвечала мне вначале, сказал:

— Виктора Герасимовича сейчас нет дома. Он, оказывается, ушел... На вешалке висит его пальто, и я не поняла, что он ушел в куртке...

Я тяжело дышала, я боялась только, что голос сорвется, и я заплачу, закричу, обругаю ее. Все-таки справилась. Нельзя вести себя, как Ольга Чагина. Да и передо мной-то Гейл Шишки ничем не провинилась.

— Ну что ж, очень плохо, что не удалось его застать. Но я по крайней мере счастлива, что у него два пальто...

И бросила трубку. Дед подошел ко мне, положил руки на плечи, печально смотрел на меня.

— Дед, не грусти, я справлюсь. Я только с ужасом думаю об унижении на суде, о мучениях всей этой разводной процедуры. Детям что скажу, тоже не представляю... И этого дурака все равно жалко.

— Беда в том, что он не с тобой разводится, — покачал дед головой.— Он хочет развестись со своей несостоявшейся жизнью...

— Детям, к сожалению, этого не объяснишь. Да и мне не легче. Вот дурень несчастный! Воистину седина в бороде — бес в ребро...

Дед грустно сказал:

— Я думаю, Ра, что беса на него вовсе не эта

женщина наводит. По-моему, бес, который толкает нас в ребро, — это все наши слабости, все соблазны, дурные наклонности, пустые амбиции, все зло, черное, неблагодарное, то, что делает нас ниже, гаже, хуже. Я хотел бы сказать Витечке, но он меня больше не слушает... Тот, кто позволяет бесу подталкивать себя долго в ребро, должен точно знать: однажды он сломает ему ребро и разорвет сердце...

Отпирая замок своей квартиры, я вспомнила, как Витечка, знающий все, однажды с полным основанием обозвал меня «короткоживущей элементарной частицей». Скорее всего, в это утро он читал научно-популярный журнал. Сейчас он наверняка мог бы добавить, что период моего полураспада — один день. Сегодняшний.

Еще один такой день, и завтра распад станет полным и окончательным. Меня просто не будет. Я не устала, меня не существует. И мечтала я только об одном — о тишине. О покое — таинственном острове сокровищ, недостижимом, карта которого потеряна, а сам он снесен землетрясением жизни.

А на кухне бушевал галдеж. В три голоса одновременно говорили Сережка, Маринка и Ларионов. Пока я снимала плащ, Сережка ожесточенно требовал, чтобы Ларионов объяснил ему, почему «Евгений Онегин» — роман, а «Мертвые души» — поэма. С удивлением слышала я густой голос Ларионова, произносящего слова: «...поэтика... художественное воплощение... стилевой замысел...» Интересно, почему же он в разговоре со мной не употребляет никогда этих слов? И когда я появилась на кухне, Маринка, как всегда, успела опередить всех радостным криком:

— Мамочка! Сейчас они говорят неинтересное, а перед этим дядя Алеша рассказывал, что видел настоящих пиратов!

— Слава богу, — вздохнула я.— Я тоже видела недавно настоящих пиратов.

— Где? Живых? — восхитилась Маринка.

— Очень даже живых, — сказала я и поставила сумку.

Ларионов подал мне стул и оживленно доложил:

— Ирина Сергеевна, вас ждет суп, жаркое по-лангердокски, а на десерт — торт. Все теплое, завернуто в плащ, накрыто подушкой...

— Жаркое по-лангердокски? — поразилась я.— Замечательно! Я люблю вечерком покушать жаркое по-лангердокски. Есть у меня такая привычка. А что это такое? Из чего сделано, как едят?.. Под подушкой?

Мне было приятно, что меня ждали с таким гастро-номическим изыском. Никто в жизни не накрывал для меня подушкой ужин.

— Да нет, мама, почему под подушкой? — возмутилась Маринка.— Это мы с дядей Алешей вместе делали. В чугунке тушили гуляш из кулинарии, потом положили туда помидоры и перец, натерли сыр.

— Спасибо вам, мои дорогие, хотя, честно говоря, я не могу есть. Я так устала, что выпила бы только чаю.

— Это мы мигом организуем, — отозвался готово Ларионов и сразу же зажег под чайником конфорку.

— А вы сами-то ели? — спросила я.

— Ели, — сказал Сережка.— Очень вкусно. Нам Алексей рассказывал, что едят на спасательных шлюпках во время кораблекрушения.

Я засмеялась:

— Пираты вы видели, значит, вы и в кораблекрушении побывали?

— А как же, — как о чем-то очень естественном сказал Ларионов.— Конечно. Трое суток на шлюпкешли...

Я посмотрела в его простодушные глаза:

— Если бы я не знала точно, что вы не умеете варить, то многие ваши рассказы я бы расценила как мюнхаузенщины...

Ларионов прижал руку к сердцу:

— Честное слово! Об этом же в газетах писали. Статья называлась «В оке тайфуна». Да и хвастаться тут особенно нечем. Меня даже потом за это судить собирались. Правда, выяснилось, что я был стажер и не имел никакого отношения к прокладке курса...

— Ладно, нам бы сейчас выплыть из тайфуна, — махнула я рукой.— Вы будете пить чай со мной?

— А мы не можем, — заверещала Маринка.— Мы все уходим в кино. Алексей купил четыре билета на «Пиратов двадцатого века».

— Слава богу, — вздохнула я с облегчением.— Вы без меня идите, я тут пока приберусь и отдохну.

— А когда возвратимся, — сказал Ларионов,— то мы, с вашего разрешения, попьем с вами чай опять.

Сережка открыл дверцу холодильника и достал коробку с тортом:

— Можно взять по кусочку? А то Алексей не далрезать до твоего прихода!

— Ладно, режьте и сбирайтесь быстрее, — сказала я.

— А то опоздаете на своих пиратов...

Они с шумом выкатились в прихожую, и, уже натянув куртку, Маринка успела сообщить:

— Мамочка, Галина Лаврентьевна велела принести завтра в школу двадцать копеек на Общество Красного Креста и Полумесяца. А значок и удостоверение потом дадут... Не забудешь?

— Хорошо, — сказала я.— Идите. Я не забуду...

Окончание следует.

Сколько раз я бывал в этой стране? Сбился со счета. Впервые, помню, в пятнадцать лет в составе юношеской команды ЦСКА... Но такого хоккея, как в турнире прошлого года, не припомню. По накалу, по скоростям, по борьбе, по драматизму, по продолжительности матчей, конечно. Отдельные матчи такого уровня, пожалуй, бывали, но чтобы целая серия — нет. Канадцы в один голос говорили: «Большая, великая серия! Такого не было никогда». Нам проходу не давали там, зрители благодарили просто за игру. Канадцы безмерно радовались победе своей команды, но еще больше — тому, что стали свидетелями невиданного доселе хоккейного праздника. Кстати, и шведы, и чехословакие игроки признались, что они

Вячеслав ФЕТИСОВ

ШТРИКИ К ГРУППОВОМУ ПОРТРЕТУ

Сегодняшний хоккей трудно представить без пятерки Ларионова. Словно она была в нем всегда, а не только последние семь лет, и всегда — безусловным лидером. Сегодня — их день, их узнают на улицах прохожие, их достоинства кропотливо изучают специалисты, их игра приносит результаты, приводит в восторг поклонников. Ну, а что остается за кадром? Что они за люди? Откуда эта способность год за годом выкладываться и творить, жертвовать собой и в то же время собой оставаться? Что происходит там, внутри эталонного звена, определившего тон и полутона хоккея, по сути, на целое десятилетие?

О своих товарищах, о жизни, об игре рассказывает на наших страницах капитан сборной СССР по хоккею с шайбой, заслуженный мастер спорта Вячеслав Фетисов.

такого хоккея не видели. Конечно, я огорчен тем, что Кубок остался в Канаде. Но турнир подтвердил, что советская сборная — одна из сильнейших в мире, без нас этот турнир многое бы потерял.

Однако Кубок Канады — уже воспоминание. Грядет событие особой важности — Олимпийские игры. И снова на канадской земле, в Калгари. В сентябре по разговорам с канадскими игроками я понял, что многие хотят побороться за высший спортивный титул. Кстати, Гретцки просто мечтает об этом. Другое дело — отпустят ли всех лучших владельцы клубов... Очень сильны шведы, нынешние мировые чемпионы. Сборная ЧССР прибавляет на глазах, там уже прошла смена поколений. С американками и финнами тоже шутки плохи... Испытание предстоит тяжелейшее...

Пожалуй, не сразу, но хорошо, что не слишком поздно прочувствовал я, что в хоккее, каким бы ты себя мастером ни считал, сам по себе ты мало значишь. Каждый из нас мечтает встретить настоящих партнеров.

Тех, кто остро нуждается в тебе. Тех, без кого тебе не никак не обойтись.

Большое это счастье и большая редкость — хоккейный союз. Я познал это. И потому благодарен судьбе.

Я нашел хоккейных собратьев. И хочу верить, они во мне тоже не ошиблись.

Из ФРГ с мирового чемпионата 83-го года вместе с золотыми медалями мы, пятеро молодых армейцев, увезли домой неофициальное и вместе с тем публичное признание нашего хоккейного союза. Символическая сборная мира выглядела так: Третьяк, Касатонов — Фетисов, Макаров — Ларионов — Крутов. Наше звено в полном составе! Ну как не посчитать, что мы нашли друг

друга! И не вспоминить, хотя рыться в архивах нам недосуг, что похожего единодушия у журналистов раньше не наблюдалось. Обычно они называют представителей разных стран.

В 86-м году история повторилась. Снова корреспонденты сознательно нарушили общепринятое этику.

...Вместе мы сыграли первый раз в августе 81-го. Не знаю, мечтал ли Тихонов о таком звене, как наше. Определенно знало только, что сложившиеся обстоятельства заставили его искать, искать, искать. С Жлуктовской пятеркой попробовал — не получилось. Петровская тройка распалась, покинула спорт. И ЦСКА, и соответственно сборная остались без лидеров.

Мне, кажется, подфартило. При подготовке к сезону решалось, с кем меня, восемнадцатилетнего юнца, выпускать на лед. Саша Гусев уехал на Кубок Канады-76, и Константин Борисович Локтев определил меня к Гене Цыганкову и петровскому звену. Вышло, что я сразу попал к лидерам. Но попасть — это полдела. Надо еще закрепиться. Отыграл я турниры на призы газет «Советский спорт» и «Каменный цветок». Локтев, он тогда руководил командой, оставил меня в ее составе и в ходе первенства страны. Представьте мое состояние: мальчишкой из дворовой команды и юношей-цзэсовцем с восторгом взирал на этих больших мастеров, «ходил» на них, учился у них, но мне и присниться не могло, что буду играть с ними в одной команде и даже в одном звене. Дистанция между нами была огромная, как между первоклассным опытным водителем и только что получившим права, и все-таки относились ко мне как к равному. С каждым днем убеждаясь, что не сон это, а реальность, я ощущал в себе способность горы своротить.

Съездил в Прагу. Там поздравили

меня с двадцатилетием. Стал чемпионом мира. А еще получил приз лучшего защитника турнира. Головка, прямо скажу, закружилась... Как-то очень уж быстро пробился наверх. Гордость за себя прямо-таки переполняла грудь. Небо над головой казалось безоблачным.

В Праге выступало звено Балдриш — Жлуктов — Капустин. Не подкачали, выступили сильно. Не предполагал, что это как-то коснется меня. Тихонов решил поставить к ним пару защитников и создать таким образом цепную пятерку.

— Однажды у порога раздевалки ко мне подошел Виктор Васильевич и сказал:

— Майку поменяй. Надень желтую. Будешь тренироваться с Жлуктовской тройкой.

Недолго думая, выпалил:

— Не хочу! Буду с петровской тройкой играть!

Тренер начал было объяснять, что его предложение заманчиво, поскольку создается базовое звено для сборной и перспектива тут для меня открывается большая. Но к логичным доводам я не прислушался. Сыгрался с великими партнерами, был счастлив, и во мне росло чувство неведомой ранее ответственности: коли мне помогли, то и я обязан добром отплатить за добро. Сил невпроворот, надо помогать, максимально отрабатывать за мастеров, чтоб возраст свой не замечали. И в ответ на тренерские призыва к разуму я твердил одно и то же:

— Я буду с ними играть, пока они не закончат! Я буду...

Терпение у Тихонова лопнуло, и после очередного моего отказа он удалил меня с тренировки. А это — серьезное дисциплинарное наказание. В итоге я не там, куда меня направляют, и не там, где хочу быть. На несколько дней

отлучен от хоккея. Расстроен и растерян. Хожу как неприкаянный. Подыскивают меня Харламов с партнерами:

— Слав, ты не прав. В принципе не прав.

А Генка Цыганков крепко так обнял, потряс за плечи и добавил:

— Чего дуришь? Брось. Ты должен тренироваться и играть с теми, с кем тренер поставит. Договорились?

И, скрипя зубами, я пошел в раздевалку. Отворачиваясь, напяливал злополучную желтую майку.

Как известно, жгутковское звено просуществовало недолго. И тренер вынужден был снова искать, пробовать, комбинировать...

С известной долей преувеличения можно считать, что в тот день, когда я наконец выполнил тренерское указание, и начала зарождаться наша ларионовская пятерка.

Пройдет немало времени, прежде чем мы выкатимся на лед в таком сочетании, которое, по сути, определит спортивную судьбу каждого из нас. Произойдет это в присутствии тех 18 тысяч канадцев, что заполнят «Колизеум» на первом матче Кубка Канады-81: СССР — Чехословакия. И сразу почувствуем, буквально в течение нескольких смен, что поймали свою игру, что она может приносить пользу команде и радость нам самим.

Расскажу о своих хоккейных собратах в порядке их появления в поле моего зрения. Мне кажется это оправданное.

Володя Крутов. Мы с ним — коренные цэссы, а я в лицо знал всех, кто появлялся в хоккейных владениях ЦСКА на Ленинградском проспекте. Знал и Володю. Но и не более того. Разница в возрасте между нами целых два года, и я как старший взирал на него свысока.

Внимание мое, правда, он на себя обратил. Такой пухлый, если не ошибаюсь, «пончиком» прозвали, а забивал всегда много. С техникой был в ладах. Видно было, что парень мягкий по натуре, добряк. Боевитость, которой у него сейчас в избытке, тогда как-то и не проглядывалась.

Взяли его в команду мастеров. Занимался с ним Моисеев долго и упорно. Я глазам своим не поверил: парень покатил, здорово покатил! Превратился в мускулистого, крепко стоящего на ногах, резкого и взрывного форварда. И не побежал, а помчался Крутов вверх. На молодежном мировом первенстве сильнейшим стал. А спустя считанные дни оказался в самолете, на котором олимпийская команда летела в Лейк-Плэсид. И сразу стал одним из лидеров атаки. А ведь еще двадцати лет Володе тогда не исполнилось!

В обыденной жизни это простой, отзывчивый, искренний парень. Оптимист. Что бы ни случилось, духом не падает, не «ломается», веря, что все образуется, все будет нормально.

Есть поговорка: друзья познаются в беде. На хоккейный, вообще на спортивный лад я бы ее перефразировал так: игроки проверяются по-настоящему, когда не везет, когда дела команды плохи, проигрывает она и на табло, как назло, быстро мелькают цифры... Чем сложней обстоятельства, тем ясней проступают достоинства Крутова.

Играли мы в 83-м году с «Филадельфией Флайерз», в то время сильнейшим клубом НХЛ, отличавшимся агрессивной, силовой манерой. Отобрав шайбу в нашей зоне, я сразу же отдал длинный первый пас на правый фланг Володе Крутову, уже набравшему ход. Вот он шутя-играющими маневрами миновал канадца, ворвался в их зону, вот ушел от второго соперника и покатил вдоль лицевого борта, видимо, намереваясь сделать передачу назад, на подоспевших Ларионова или Макарова. Как назло, шайба чуть соскочила с крюка клюшки, и, пока он ее укрощал, на него двинулась громада защитника. Володя почувствовал это, но не струхнул. Видно, надеялся, что и в невыгодном для себя положении сумеет отдать пас и от силового

приема увернуться. Однако ускользнуть не успел и со страшной силой был впечатан в борт. Раздался столь оживляющий трибуны треск... Любой другой после такого удара поехал бы, покрывающая и постывшая от боли, к скамейке запасных, пропустил бы несколько смен, прежде чем пришел в себя и снова полез в гущу событий... Каково же было мое удивление, когда спустя буквально считанные секунды я заметил на пятаке Крутова. Причем одиночно стоявшего на самой опасной позиции: защитники соперников до того уверовали, что этот форвард надолго выключен из игры, что попросту забыли о нем!

Получив пас, я сильно пустил шайбу низом, рассчитывая на то, что Володя подправит ее в цель. Так и произошло! Канадцы глядели вслед едущему к нашей скамейке девятому номеру, и на их лицах читались растерянность иуважение.

Надежный, очень надежный парень. Крепкий по духу. А в обыденной жизни — скромняга, добряк, мухи не обижают. Но не дай бог разозлить, «завести» его, тогда, почувствовав чью-то неправоту, он без тени сомнений бросится восстанавливать справедливость. Тогда на льду Крутова становится похож на небольшой маневренный танк, а вне площадки ощущивается, и от его покладистости не остается и следа.

Был у нас в клубе такой случай. Освободили из команды известного форварда. Обладая отменными данными и титулами, тот стал довольствоваться вчера достигнутым. К тому же не утихали трения с наставником команды, который решил: пора избавиться от хоккеиста, доставляющего все больше хлопот. По окончании сезона так и поступил. Непростое решение было принято без обсуждения с нами, игроками. Это несколько покоробило нас, но тут начались летние каникулы, и мы в предвкушении долгожданного отдыха как-то не осознали важности события — перелома в судьбе одноклубника. Строго говоря, в компетенции тренерского состава, кого приглашать в команду и кого из нее отчислять. И все же неприятный осадок у меня тогда остался... После отдыха мы, как обычно, приступили к тренировкам. Смотри — ба, тот форвард возвращен обратно в наши ряды. Перед очередным занятием тренер проинформировал нас об этом и спросил:

— Ну как, ребята, не возражаете? Верно мы поступаем?

На что Володя Крутов резонно ответил:

— Что-то не пойму, когда выгоняли его, ни слова нам не сказали, а теперь почему-то советуетесь.

У тренера вскинулись брови, нахмурившись, он развернулся и вышел из раздевалки. Мы в общем-то были с Володей одного мнения, но вот так решительно высказался именно он.

С остальными партнерами по звену знакомился вне родного клуба.

Сергей Макаров. На Сергея Макарова я обратил внимание, когда мы оба играли за молодежную сборную страны. Челябинец не мог оставаться незамеченным, потому что еще мальчишкой раз и навсегда внушил себе, что он и только он — Сергей Макаров! — должен всегда и везде быть лучшим бомбардиром. И это не давало и не дает ему покоя.

Забивать можно по-разному: можно «с мясом», сокрушая все на своем пути, а можно элегантно, будто и не прикладывая усилий. Сережа всегда отдавал предпочтение второму варианту. Бросалась в глаза отточенная техника. Как, впрочем, и то, что играет только ради себя, ради своего удовольствия, ради личных показателей. Обостренное честолюбие и мастерство приводили к тому, что любые по сложности задачи в атаке юный хоккеист пытался решить самостоятельно, без какой-либо помощи сверстников-партнеров. А те, в свою очередь, чувствовали себя лишними на площадке и в тех случаях,

когда Макаров успешно завершал очередной дерзкий рейд, обижались на со-листа за пренебрежение к их возможностям больше, чем радовались забитому голу. Возможно, была в том доля Сережиного эгоизма. А может, он просто искал свою линию поведения на льду.

Сказать, что мы сразу сдружились, не могу. Контакта близкого не было. Для меня он тогда был парнем, который исправно делал свое дело и... имел свое мнение по любому поводу. Довольно редкое явление, тем более в таком возрасте. Понимаете, если тебе, юнцу, наказывают строго играть в пас, то ты наверняка сразу учешь это и будешь действовать, как тебе велено. Хотется же похвалу слышать. Но этот невеличительный росточка крепышок вроде бы и внимал тренерским наставлениям, и обиды партнеров выслушивал, на конфликты не идя ни с теми, ни с другими, а все равно придерживался своей установки на игру. Я так думаю, во всяком случае. Не то чтобы ему мешали, не замечая его способности. Нет, просто он имел свою точку зрения на любой игровой эпизод. И право иметь свое мнение отстаивал игрой.

Вот почему сегодня Сергей Макаров — форвард, которому зритель симпатизирует, а соперник глаз с него не спускает.

Раньше ему выговаривали за то, что частенько атаковал в одиночку. Сейчас Макаров может отдать и такой пас, какой никто, кроме него, и не выполнит. Раньше его упрекали за излишнюю заботу о количестве голов, которые записывали на его, Макарова, имя. Сейчас уже вряд ли кому-нибудь в голову придет упрекать бомбардира за то, что он вновь и вновь оказывается самым метким. Абсурд ведь. На Московском чемпионате мира 1986 года удача отвернулась от него: шайба, пущенная нашим форвардом, хоть на сантиметр, но шла мимо цели, будто на ее пути находился магнит, нарочно меняющий траекторию. Сергей досадовал. Досадовал все сильней, я видел это. И что же? Фортуна назло стала лучшим бомбардиром турнира. Как? Очень «просто» — сделав множество острых, так называемых голевых передач. И выходит, опять добился своего, сослужив, разумеется, и добрую службу звену, команде.

Спортсмен — и без честолюбия? Я этого не понимаю. Другое дело, что все должно быть в меру. Но если имеется крен, то уж, по-моему, лучше в спорте крайность со знаком минус, что ли: несколько излишнее рвение быть первым, чем наоборот — безразличное отношение к тому, как выглядишь на общем фоне.

Тут ведь что главное: чтоб забота о своем «я» не была помехой команде, не шла бы вразрез с общими усилиями.

Сережа Макаров честолюбив. Может, подчас и чрезмерно. Но факт остается фактом: когда Макаров в форме, то звено играет здорово. Сильно. Слышится, подустанет он или найдутся еще какие-нибудь причины спада у Сережи, и уже звено в целом, и каждому в отдельности становится намного тяжелей. Мы привыкли — он берет шайбу и привозит ее в чужую зону. Из десяти девять, ну, восемь раз привезет. А это же все равно что подкатить пушки на близкие и удобные позиции для штурма вражеской крепости.

Владимир Крутов и Сергей Макаров. Два больших мастера. Лучшие, на мой взгляд, крайние нападающие мирового хоккея.

Два многолетних, во многом совершенно несхожих и прекрасно дополняющих друг друга партнера. Они — ударная сила звена.

Крутов и Макаров выделялись среди прочих и моим хоккейным вкусам с самого начала отвечали вполне. Чего не скажу о мнениях, сложившихся у меня после первых встреч с Касатоновым и Ларионовым. Тут, пожалуй, сложней обстояло дело. Зато интересней...

Записал Леонид РЕЙЗЕР.
Окончание следует.

Читайте в ближайших номерах:

Какой учитель нужен профтехучилищу?

Девять парней
одного призыва:
возвращение.

Стихи и проза
Эдуардаса
Межелайтиса.

Весела Люцканова.
Научно-фантастическая
повесть «Клонинги».

Артистка эстрады
Светлана Тим:
пешком по саблям.

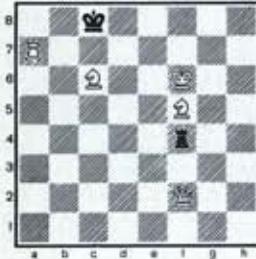

Как прошел
концерт
рок-кумиров.
О гастролях
в Москве
ансамбля
«Юра Хип».

30-я шахматная олимпиада
Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
А. Кейранс
1936 г.

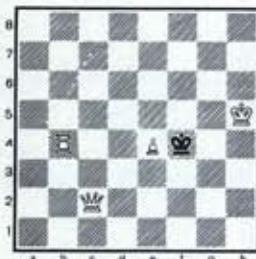
Мат в 2 хода

1. Fc5! с угрозой 2. Ff8x. Черные вынуждены развязать белого коня f5:
1. ...Le4 2. Kd6x (но не 2. Kge7?), 1. ...Ld4 2. Kge7x (но не 2. Kd6?), 1. ...Lf5 + 2. Ff5x.

Одна из лучших двухходовых миниатюр на тему прямого развязывания. Следует обратить внимание на то, что черная ладья, развязывая коня, одновременно своими ходами обеспечивает четкое разделение матующих ходов белых.

ТРЕТИЙ ТУР

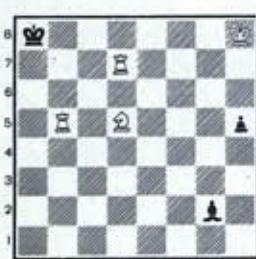
I

Белые: Kph5, Fc2, Lb4, Le4 (4)
Черные: Kpf4 (1)

Мат в 3 хода (2 балла)

II

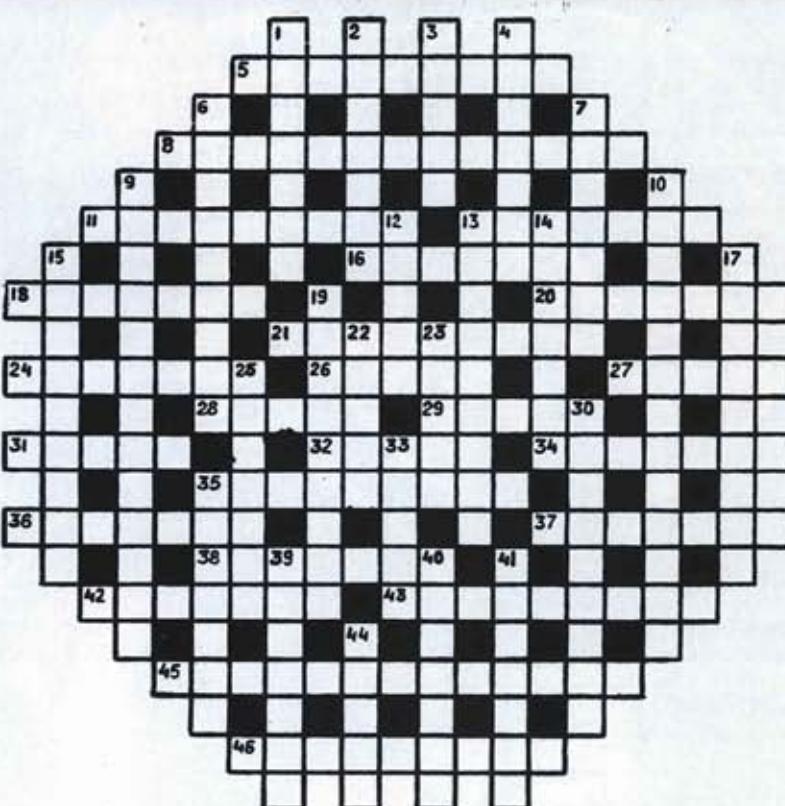
Белые: Kph8, Lb5, Ld7, Kd5 (4)
Черные: Krb8, Cg2, Lh5 (3)

Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присыпайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 3-й тур». Последний срок отправки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 апреля.

КРОССВОРД

Составил В. Федосеев. Чебоксары

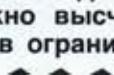
По горизонтали:

5. Город в Нидерландах, входивший в Ганзу. 8. Работник телевидения. 11. В Древней Греции — речь с целью поднять патриотизм народа, сейчас — неумеренная похвала. 13. Пенообразующее вещество огнетушителя. 16. Минерал, названный по долине в Швейцарии. 18. Растение, которое А. Радищев считал самым важным в русском огороде. 20. Абхазский духовой музыкальный инструмент. 21. Один из самых первых женских образов в русской литературе. 24. Невероятно быстро размножающийся вредитель плодов родом из Северного Китая, откуда через Америку распространился по всему свету. 26. Советский певец (баритон), музыкальное образование получивший в Александрии. 27. Виляющее движение самолетного колеса при посадке, названное по танцу 20-х годов. 28. Непременный персонаж в детективном романе. 29. Город на востоке ГДР. 31. Самый дорогой, самый редкий, самый тяжелый из газов. 32. Третья по длине река Африки. 34. Русское кушанье из заварной муки, которое двое суток готовили в печке. 35. Род вокальной музыки, прообраз которой — былина. 36. Самое древнее копытное животное Северной Америки. 37. Морской царь в русских сказках и былинах. 38. Легкая обувь. 42. Русский писатель и агроном, отметивший в мемуарах, что оды Г. Державина читали и распространяли в списках потешно, «морганически». 43. Сурьмяный блеск, руда. 45. Военный билет, паспорт, пропуск (общее название). 46. Русское название иностранки.

По вертикали:

1. Бензин, керосин, лигроин (каждый по отношению к нефти). 2. Первое слово по отношению к третьему (или наоборот) в названии самого крупного романа Л. Толстого. 3. Звание многих персонажей автобиографического романа А. Куприна. 4. Представитель племени (во главе с Чингачгуком) в «Зверобое» Ф. Купера. 6. Тонкая смесь веществ, образующих кристаллы при температуре более низкой, чем температура плавления отдельных компонентов. 7. Курортная местность под Рязанью, где бывали многие советские писатели. 9. Правитель Вавилона, при котором были построены знаменитая башня и висячие сады. 10. Защита конструкций от воздействия влаги. 12. Газетно-журнальный ларек. 13. Учреждение, в России впервые открытое в 1858 году врачом Н. Постниковым. 14. Л. Коган — скрипач, С. Рихтер —... 15. Единственное пока морское растение, возделываемое человеком. 17. Спортивная игра родом из древней Малайи. 19. Автор опер «В бурю», «Мать». 22. Минерал, по которому определяют абсолютный возраст пород свинцовыми методом. 23. Сама «Царь-пушка» — 1586 год, ее ...—1835 год. 25. Соединение машин, механизмов в одно целое. 30. Раздел математики, изучающий наиболее общие свойства геометрических фигур. 33. Горластая птица, которую легко приручить. 35. Помещение для музыки, возле развалин которого «возились малчишки-китайчата» (А. Степанов «Порт-Артур»). 39. Действие войск перед штурмом крепости. 40. Выгода, польза. 41. Мех из шкур тонкорунных овец. 44. Наездник на скачках.

Уважаемые читатели! Хотим обратить ваше внимание на один приятный для всех нас момент: с первого номера 1988 года тираж «Смены» исчисляется 1975 тысячами экземпляров. Из них 1 616 884 экземпляра получают с 1 января этого года наши постоянные подписчики, которых у журнала, кстати, по сравнению с 1 января 1987 года стало больше на 571 284 человека. Как легко можно высчитать, в розницу журнал поступает, как прежде, в ограниченном количестве.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1457)

февраль 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

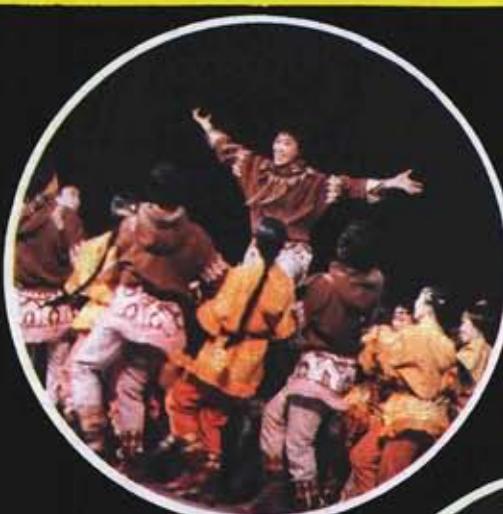
© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 21.12.87.
Подписано к печати 31.12.87.
А 05193. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1795.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типолитография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

...Долго, бесконечно долго тянется полярная ночь. Сколько уже таких ночей помнит бабушка Имаклик! Но руки привычно нанизывают бисер, от неверного света жирника пляшут тени на стенах яранги. Может, вспоминается ей, как давным-давно устраивали состязания чукотские шаманы: от дрожащего света их маски как бы оживали, с каждым ударом бубна танец становился все быстрее и неистовей. Они вызывали «хэджэ» — солнце.

Гаснет на сцене луч прожектора. Из темноты возникает огромный огненный шар. Начинается праздничный хоровод встречи солнца — один из лучших номеров программы ансамбля, лауреата премии Ленинского комсомола «Эргырон», что по-русски означает «рассвет». Кажется, что осветили лучи тундру: золотятся шкурки оленей, переливаются шкурки нерп и черно-бурых лис, вспыхивают огоньки первых цветов и ягод.

Еще студентом режиссерско-балетного факультета Ленинградской консерватории Георгий Ковтун мечтал о создании первого в мире национального балета чукчей и эскимосов. Теперь он — художественный руководитель ансамбля. Ему удалось сохранить в своем программе «Наша земля» первозданность народного игрового танца, а главный художник Алла Фролова с помощью доброй бабушки Имаклик сделала великолепные костюмы, в россыпях бисера воссоздав краски щедрого.

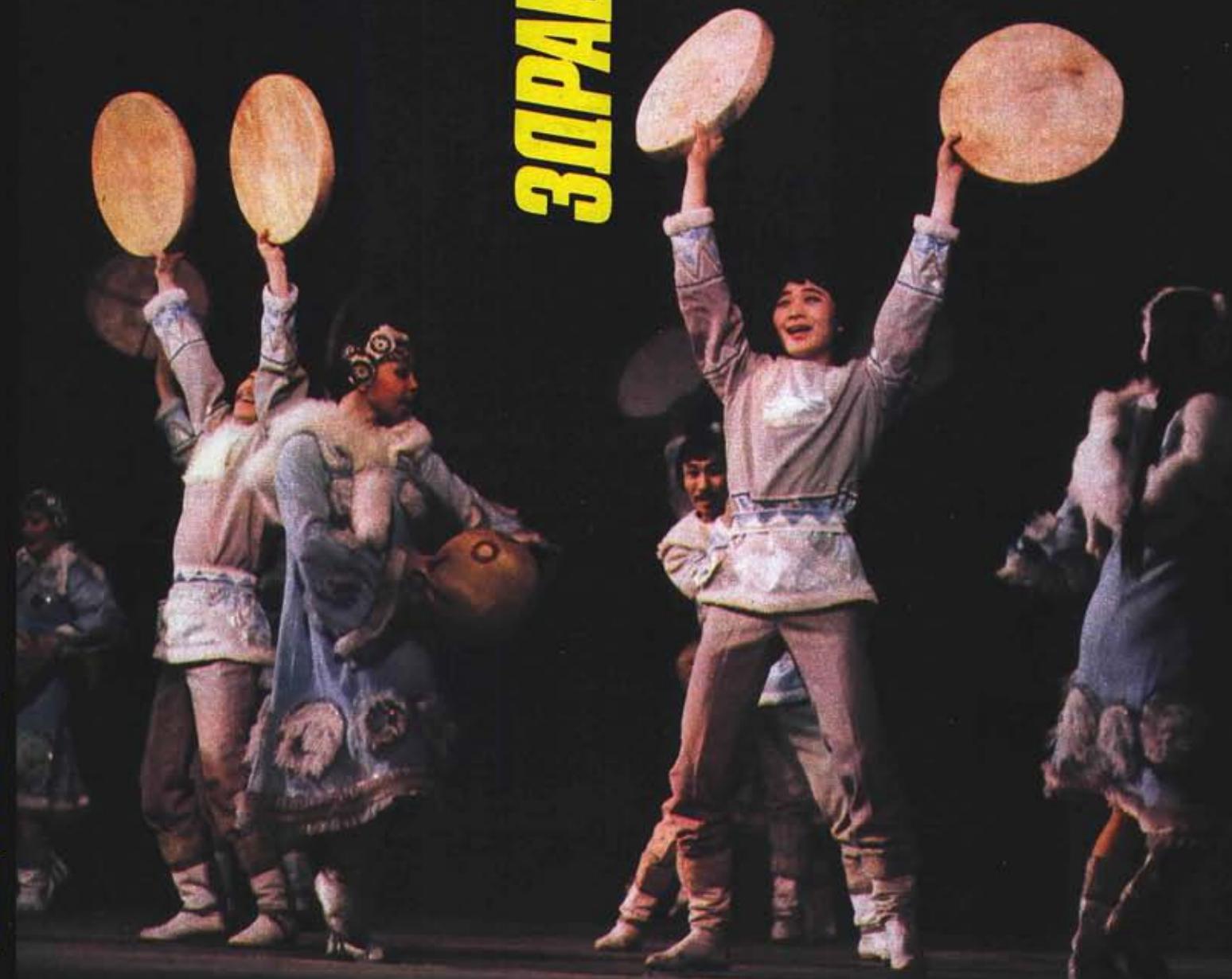

СОЛНЦЕ!

«Эскимосские игры» — настоящий праздник молодости и красоты

ЗДРАВСТВУЙ,

но короткого полярного лета. Искусно вплетая в ткань танца элементы балета и акробатики, артисты «рисуют» картины суровой жизни оленеводов и охотников. Настоящий праздник смелости и ловкости, молодости и красоты — «Эскимосские игры». Начинается он веселой чехардой, прямо-таки цирковым представлением, где вместе с элементами народной игры — акробатические трюки. Ребята настолько увлечены танцем, что, кажется, забывают о том, что это сценическое действие. И неудивительно: ведь большинству артистов — по восемнадцать-девятнадцать лет. А какую изобретательность проявили юные танцоры в «Играх животных»: в поединке оленей, в плавных, грациозных движениях пугливых лис...

Больше всего любят артисты ездить по родной Чукотке, по самым дальним ее уголкам. Они не только выступают с концертами, но бережно, по крупицам собирают и записывают старинные песни и сказки.

...В темном предрассветном небе послышался звук приближающегося вертолета. Со всех сторон орут к нему женщины, мужчины, ребята: не часто ведь увидишь в самом дальнем поселке артистов.

Скоро прямо на снегу в пятидесятиградусный мороз встретят они праздничным хороводом настоящий рассвет. Здравствуй, «хэджэ» — долгожданное полярное солнце!

Марина СИЛАКОВА